

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

Медичи

Великие правители
и великие авантюристы

Серия «Исторические силуэты»

А.А. Алебастрова

МЕДИЧИ

**Великие правители
и великие авантюристы**

Ростов-на-Дону

 еникс
2011

УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)
КТК 033
А45

Книга подготовлена совместно с ООО «Златоуст»

Алебастрова А.А.
А45 Медици : великие правители и великие авантюристы / А. А. Алебастрова. — Ростов н/Д : Феникс, 2011. — 220, [2] с. — (Исторические силуэты).

ISBN 978-5-222-18203-1

Эпоха Средневековья изобилует удивительными и загадочными людьми, которые до сих пор будоражат воображение своими деяниями. Самыми знаменитыми из них по праву считаются флорентийские и тосканские герцоги Медици. Врачи, интриганы, хитрые политики и искусные дипломаты, они оставили свой кровавый след в истории человечества. О взлетах и падениях этой династии, о том, чем она прославилась, пойдет речь в этой книге.

ISBN 978-5-222-18203-1 УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)

© Алебастрова А.А.: текст, 2011
© ООО «Феникс»: оформление, 2011

Введение

Совершая путешествие по Италии, невозможно не посетить прекраснейший город этой страны — Флоренцию, которую часто называют музеем под открытым небом. Гуляя по тихим и извилистым улицам старой Флоренции, где все — тротуар, каменная кладка домов и даже небо над городом — служат напоминанием о величественном прошлом города, и повернув в очередной раз за угол тихой улицы, путешественники невольно останавливаются перед величайшим шедевром Микеланджело — гробницей Медичи. Великий художник воплотил в камне историю самого знаменитого семейства Флоренции.

Жизни представителей многочисленного семейства Медичи в течение трехсот лет были тесно переплетены с жизнью города. С точки зрения политики, Медичи являются блистательным образцом классического правления в городе, жители которого за одно лишь желание быть выше других выносили смертный приговор. Исключением были только Медичи. Покорив Флоренцию и не прибегнув для этого ни к силе оружия, ни к

подкупу, ни к обману, Медичи получили ключи от ларца власти из рук жителей города. В ответ на столь бесценный дар Медичи создали уникальную систему безопасности жителей города от внешних врагов, тратили огромные состояния на развитие культуры и искусства, занимались воспитанием целой плеяды ярких индивидуальностей-интеллектуалов.

Маленькая Флоренция в период «золотого века Медичи» оказывала нешуточное влияние на всю европейскую политику! При этом сами Медичи называли себя правителями-философами, что легко объясняло то усердие, с которым под их контролем шло восстановление утраченной европейской культурой в годы Средневековья великого наследия Платона. Именно они собирали в первой публичной библиотеке Европы, открывшейся во Флоренции, уникальные рукописи, чудом уцелевшие от огня инквизиции.

Наконец, именно Медичи одними из немногих попытались найти компромисс для объединения между католической и православной церквями, чтобы остановить турок. Потратив семь лет усилий во время проведения ими же организованного знаменитого Флорентийского собора, Медичи добились лишь права стать основным каналом, по которому вывозилось богатое наследство древней Византии, умирающей под ударами мусульман.

Можно с уверенностью утверждать, что Возрождение XV в., или Кватроченто, — это и есть Флоренция, где творили гениальные художники, архитекторы, философы, скульпторы — Донателло, Микеланджело, Брунеллески, Никколо Макиавелли, Данте. Перечень людей, которым Медичи дали не только средства к

существованию, но и вселили надежды на успех, может быть продолжен. Но надо ли это делать? Важно понять, почувствовать главное: богатейшее семейство Флоренции, происхождение которого неизвестно, тратило целые состояния на культуру, опустошая свои собственные банки.

Но история человечества загадочна и интересна своей непредсказуемостью. Сложно сейчас предполагать, мечтали ли Медичи о посмертной славе, в которой они предстали в образе интеллектуалов-меценатов, но на славу самых великих злодеев-отравителей они точно не рассчитывали. К этому следует добавить невероятные по жестокости истории, участниками которых являлись члены семейства, выступавшие в роли убийц и тиранов.

На страницах книги нам хотелось еще раз взглянуть и оценить роль и место семейства Медичи в мировой истории. Оттолкнувшись от порядком надоевшего клише «отравителей», мы обратились к современным археологическим источникам, благодаря которым разрушается вся стройная система гипотез и утверждений, принадлежащих авторам XIX в. Найти ответ, кем же в действительности были Медичи — убийцами-отравителями, романтическими мечтателями, создавшими свою собственную утопию о прекрасном мире и потратившими на нее все свое состояние, или величайшими правителями — государственниками Европы, является главной задачей нашей книги.

Глава 1

Происхождение фамилии и династии

История хранит немало славных имен семейств и родов, отпрыски которых на протяжении веков создавали блистательную европейскую историю. Однако даже в этом строю изысканных дам и гордых кавалеров члены семейства Медичи занимают исключительно важное место. Подобное положение вещей становится вполне оправданным после знакомства с удивительной историей представителей рода Медичи, являвшихся полноправными властителями Флоренции на протяжении долгой трехсотлетней истории.

Колыбель рода

Город Флоренция, считающийся колыбелью рода Медичи, и сегодня продолжает оставаться культурной жемчужиной Италии. Согласно историческим хроникам, Флоренция была основана в 59 г. до н. э.

у подножия Северных Апеннин. Если попробовать на географической карте Италии провести границы областей Тосканы и Эмили, то в точке их пересечения окажется Флоренция — город, превратившийся со времени своего основания в Мекку для туристов, совершающих путешествие по памятным культурно-историческим местам Италии.

Территориально Флоренция относится к центральной части Италии. Архитектурное изящество города дополняется прекрасным природным ландшафтом. Город Флоренция, словно в колыбели, созданной природой, лежит в долине, образованной живописными холмами. Это природное великолепие графически прописывается голубой лентой реки Арно, разделяющей на две равные части этот удивительный благодатный край. Однако подлинную известность этому небольшому итальянскому городу принесла не лишенная величественного очарования природа, а люди, чьи дела и поступки овеяны славой, порождающей, в свою очередь, множество легенд и преданий.

Согласно одной из наиболее популярных легенд, основанию города Флоренции предшествовала гибель древнейшего города Фьезолы — первого не только итальянского, но предположительно европейского города, возникшего в центральной части Италии. Об этом красноречиво говорило его название *Fia sola* — «Будь единственным». В древности фьезоланский царь Аталлант, или Аттал, принимая решение заложить новый город, выбрал для него место на природном холме, окруженном Средиземным и Адриатическим морями. Место и время основания города Фьезолы царю Аталланту подсказали астрологи.

Флорентийцы верили, что отцом легендарного царя Аталанта был Хам, сын библейского Ноя, согласно Ветхому Завету построившего знаменитый ковчег во время Вселенского потопа. В браке с царицей Электрой у Аталанта родилось три сына: Итал, именем которого было названо царство Италия; Дардан, предок троянцев, научивший людей пользоваться седлом и уздечкой; Сикан, основавший на Сицилии город — столицу нового царства Сарагосу, где после его смерти правили его потомки.

Фьезолу от непрошенных гостей защищали мощные каменные стены и высокие башни. По специально построенному водопроводу в город поступала чистейшая вода с гор, а в самом центре бил удивительный источник, названный Царской купальней, исцелявший каждого, кто страдал каким-либо недугом.

Покой и достаток очень быстро превратили Фьезолу в богатый и процветающий город, подчинивший своей власти все окрестные земли, лежавшие за границами крепостных стен. И поэтому не было ничего удивительного в том, что именно фьезоланцы — одни из немногих коренных жителей центральной Италии — отказались подчиниться власти Рима, предпочтя вступить в войну с противником. Война между Римом и Фьезолой закончилась поражением фьезоланцев и победой римских легионов во главе с Юлием Цезарем.

Чтобы добиться желанной победы, два года четыре месяца и шесть дней осаждал Юлий Цезарь город Фьезолу, лишив ее жителей не только еды, но даже воды, поступавшей с гор. Когда же жители города вынуждены были открыть ворота победителям в обмен на жизнь, Цезарь, сохранив жизнь фьезоланцам

и разграбив ценности, не удержался от мести. Он стер город с лица земли так же, как когда-то древнееврейский полководец Иисус Навин уничтожил и предал проклятию город-крепость Иерихон. Чтобы окончательно уничтожить память о непокорном городе, Цезарь, спустившись с легионерами в долину реки Арно, приказал заложить новый город. Первыми жителями нового города стали римские всадники, получившие к тому же богатую добычу после разграбления Фьезолы. Они, имея политические права и обладая значительным состоянием, представляли привилегированное сословие Древнего Рима. Следовательно, первыми жителями Флоренции стали лучшие из лучших римлян, надеявшиеся найти в новых землях богатство и процветание. Однако то, что изначально они были конными воинами, а потом уже политиками и крупными землевладельцами, сохранилось в лексическом значении слова «Флоренция», которое может быть также переведено как «процветающий меч». Потомки римских всадников займут свое место в почетных рядах богатых и влиятельных флорентийцев, со временем превратившихся в весьма опасную преграду на пути продвижения к власти семейства Медичи.

Археологические раскопки позволяют сегодня восстановить границы старого города, имеющего четкую квадратную планировку, полностью повторяющую расположение римского военного лагеря. Вполне вероятно, что его первые жители постарались сохранить в названии города свою мечту о счастливой судьбе его жителей, овеянных военной славой Цезаря. Название города можно перевести и как «процветающий военный лагерь». Со временем первое смысловое значение

было утрачено, сохранив в названии единственно возможное значение — «процветающий».

Возводя новый город, Юлий Цезарь втайне мечтал назвать его своим именем — Цезарей. Однако все тайное рано или поздно становится явным. Когда римскому сенату донесли о честолюбивой мечте Цезаря, сенаторы незамедлительно издали указ, направленный против дерзкого замысла Цезаря. Согласно изданному указу, каждый из вождей, воевавших с фьезоланцами, получал равные права, дающие возможность принять участие в строительстве города. Тот из соперников, кто лучше всего справится с работой по строительству своей части города, мог быть удостоен чести дать городу свое имя.

После оглашения указа сената в долину реки Арно устремились соперники Цезаря — Альбин, Макрин, Гней Помпей и Марций. Каждый из них был римским консулом и мечтал не столько о праве дать свое имя городу, сколько о власти над Римом. Разделив территорию на равные части, каждый из консулов, приведя с собой строителей, приступил к возведению нового города.

Альбин вымостил улицы нового города великолепной мостовой, фрагменты которой были найдены в 1889–1890 гг.; Макрин построил акведук, который снабжал город чистой водой, поступавшей из природных источников; Гней Помпей окружил город мощной каменной стеной с башнями, разрушенной затем племенами германцев; Марций занялся строительством грандиозного дворца, по размаху и мощности воздвигаемых стен напоминавшего больше военную цитадель. Каждый из соперников стремился завершить свое ар-

хитектурное творение раньше других, однако никто из них так и не был выбран победителем. Никому не удалось опередить по скорости строительства своих противников. Чтобы не разжигать пламя войны между римскими консулами, в Риме построенный город стали называть «малым Римом».

Что же касается фигуры Цезаря, то легенда ничего не говорит о его личном участии в строительстве города. Зато о роли Цезаря при закладке нового города красноречиво свидетельствуют исторические факты. Так, согласно древнейшим хроникам, а не древним легендам, в 59 г. до н. э. по декрету первого консула Рима Юлия Цезаря на правом берегу реки Арно было заложено военное поселение — *Colonia Florentina*. Эта единственная сохраненная в истории дата позволяет вести точный отсчет существования города Флоренции.

Вполне вероятно, что Цезарь, подобно великому Александру Македонскому, втайне действительно вынашивал мечту дать новому поселению свое имя. Однако исторически более убедительно выглядит версия, согласно которой новое поселение было названо Цезарем из-за живописных окрестностей долины реки Арно, весной утопающих в цветущих алых диких ирисах. «Ирис» в латинском языке обозначает «цветущая», или «Флоренция», а в Древнем Египте цветок ириса символизировал искусство красноречия, которым Цезарь владел в совершенстве.

Спустя десятилетия дикие ирисы стали частью герба города Флоренции. Цветоводы знают, что флорентийские ирисы занимают особое место среди прочих цветов. Однако лишь только вид ирисов, растущих в

окрестностях Флоренции, имеет корневища, из которых уже в древности люди научились извлекать эфирное масло с характерным запахом фиалки. Не случайно флорентийские ирисы иногда называют фиалковым корнем. Цветок ириса часто изображался в качестве геральдических знаков на родовых гербах знатных флорентийцев. Со временем форма цветка меняется, превращаясь в знаменитый «цветок лилии». Именно в таком стилизованном виде ирис попадает в герб дома Медичи.

Медичи никогда не забывали, кому Флоренция была обязана своим появлением на карте Италии. В 1486 г., повторяя экстравагантность Юлия Цезаря, стремящегося «хлебом и зрелищами» укрепить свою политическую власть, Лоренцо Великолепный приказывает привезти во Флоренцию жирафа, ставшего частью заключенного с египетским султаном договора. Точно так же, желая подчеркнуть безграничность своей власти, в 46 г. до н. э. Цезарь привез в Рим жирафа, чтобы публично предать несчастное животное смерти на глазах беснующихся римлян. Жестокие и честолюбивые правители — и Цезарь, и Медичи — делали все, чтобы укрепить свою власть над толпой.

Кроме римских всадников по решению Цезаря в город пришли потерявшие родной кров фьезоланцы. Территория города была поделена таким образом, что в нем смогли жить в добром соседстве благородные римляне и воинственные фьезоланцы.

Легенда о происхождении флорентийцев найдет отражение в «Божественной комедии» Данте Алигьери, объяснявшего смуты в городе несхожестью двух этих народов. Данте, уроженец Флоренции, называл рим-

лян злосчастнейшим племенем, а флорентийцев, потомков фьезоланцев, Данте с презрением называет в «Божественной комедии» «фьезоланским отродьем». Именно эти стихийные и безжалостные смуты горожан и лишили в конечном итоге политической власти семейство Медичи. Внимательный читатель «Божественной комедии» Данте может найти еще одну версию, касающуюся уже небесных покровителей флорентийцев.

Во времена Данте считалось, что языческим покровителем Флоренции был бог войны Марс, и здесь можно усмотреть связь с Цезарем, а христианским покровителем Флоренции уже со второй половины III в. н. э. признается Иоанн Креститель. Глубокие и устойчивые христианские корни, уходящие в те времена, когда Рим бесновался в языческих оргиях, давали повод Медичи требовать к Флоренции подчеркнуто особого отношения со стороны католической церкви во главе с папой римским. Не случайно члены клана Медичи будут добиваться и кардинальского, и папского сана.

Особая связь Флоренции с христианством подтверждается историческими фактами. В II–III вв. во Флоренции появляются первые христиане — греческие купцы и странники. В IV в. здесь основывает свою резиденцию епископ Зиновий. Термин «епископ» сегодня чаще всего используется для обозначения священнослужителя, занимающего третью по значимости ступень церковной иерархической лестницы. Однако подобное трактование данного термина не всегда было столь однозначным. В первые века нашей эры епископом называли человека, стоявшего во главе

христианской общины. В его обязанности входил надзор за христианами, что полностью соответствовало значению данного слова в переводе с греческого языка — «надзирающий», «надсматривающий».

Епископ Зиновий, выходец из богатого флорентийского рода, во время осады города варварскими племенами готов творил чудеса именем Бога, помогая излечиться раненым флорентийцам и даже воскрешая из мертвых защитников города. Считается, что благодаря его святости и силе веры флорентийцы смогли защитить свой город от готов. Когда после смерти прах епископа Зиновия переносили во флорентийский собор Святой Репарты, считавшейся вместе со святым Зиновием сопокровительницей Флоренции, на площади Сан-Джованни расцвел и зазеленел старый засохший вяз, что явилось еще одним доказательством силы христианской веры.

Используя ради укрепления власти древние суеверия, Медичи всегда подчеркивали свое особое отношение к христианской вере. Не случайно одним из символов семейства Медичи был избран сокол, удерживающий в своих когтях алмазное кольцо. Сокол традиционно олицетворяет солярный символ. Одновременно означает восхождение и обретение свободы. В качестве девиза Медичи взяли фразу *Falcon e diamante*, что в дословном переводе с итальянского звучит как «Сокол и алмаз». Однако здесь присутствует игра слов. Девиз *Falcon e diamante* по звучанию схож с выражением *Fa con Dio Amante*, т. е. «Делай все для любви Господа». Тем не менее эта христианская святость и смирение не смогли остановить страшные по жестокости и бессмысленности убийства и заговоры, участ-

никами и жертвами которых в разные исторические периоды жизни города становились члены семейства Медичи. Так, уже в самом девизе рода была заложена двойственность, прослеживающаяся в поступках каждого представителя этого клана.

За столетия, прошедшие с момента основания города легендарным царем Аталантом, Флоренция превратилась в один из самых больших и богатых центров Италии. Поэтому не было ничего удивительного в том, что этот цветущий римский город, расположенный на главной северной дороге, ведущей в Рим, не один раз оказывался подвергнут осаде племенами варваров или солдатами византийской армии.

Уже в 476 г. Флоренция подверглась нападению варварских племен. Вначале это были племена лангобардов, а с VIII в. — племена франков, стремящихся захватить власть в городе. С 553 по 570 г. город оказался в руках Византии, которая не смогла удержать власть. В 570 г. Флоренцию вновь захватывают воинственные лангобарды. С этим племенем связана легенда о страшном разрушении Флоренции. Согласно все той же легенде, город был восстановлен королем франков Карлом Великим и здесь в 786 г. он отпраздновал христианский праздник Рождества.

На фоне этих многочисленных исторических катаклизмов флорентийцы все же сумели сохранить веселый, ироничный нрав, а окружавшая город изумительная природа способствовала формированию у жителей особого художественного вкуса, послужившего поводом для утверждения Флоренции как культурной столицы, уникального художественного центра изящных искусств. Славу города поддерживало не

только его легендарное прошлое, свою лепту в превращение Флоренции в интеллектуальный центр Италии внесли его жители.

Самым известным интеллектуалом, родившимся во Флоренции, был уже упоминавшийся нами Данте Алигьери. Благодаря таланту Данте язык, которым он писал «Божественную комедию», превратился в литературный итальянский язык, выдержав непререкаемый авторитет классической латыни. Удивительный колорит, помноженный на особый тосканский диалект, созданный Данте, сохранился в основе разговорного итальянского языка даже в XXI в. Данте и Медичи не были современниками, но они были великими флорентийцами. Умение понять и оценить масштаб таланта гения было всегда свойственно семейству Медичи. Именно поэтому в 1490 г. Лоренцо ди Пьер Франческо Медичи обращается к Сандро Боттичелли с просьбой выполнить иллюстрации к «Божественной комедии», чтобы зрительно еще раз прочувствовать очарование этого поэтического шедевра, созданного гением Данте Алигьери. Давая заказ Боттичелли, художнику, входившему в ближайшее окружение семейства Медичи, Лоренцо Медичи словно предчувствовал надвигающуюся горечь трагической судьбы изгнанника, которым был флорентиец Данте, которую в полной мере вкусят потомки Медичи.

И все же, как это часто бывает в истории, поэтический талант Данте Алигьери окажется в тени семейства Медичи. Именно Медичи на протяжении трехсотлетней истории города властно дирижировали жизнью города и судьбами сограждан. Даже спустя столетия, прогуливаясь по улицам Флоренции, можно почти фи-

зически ощутить незримое присутствие этой некогда могущественной семьи — в архитектурном рисунке города, его фонтанах, скульптурах, старинной мостовой, благоухающем воздухе, насыщенном ароматом цветущих ирисов.

Основатели династии

Так кем же были Медичи в действительности? Как звали первого представителя рода Медичи, переступившего границу Флоренции и вошедшего в город?

В историческую эпоху, связанную с именами Медичи, чаще всего добиться власти можно было самым коротким и быстрым путем, по которому шло большинство аристократических семей, — насильственно захватить власть. Это была верная дорога, но не единственная. Более сложный и трудный путь к власти открывали деньги. Медичи выбрали эту стезю, превратив торговлю и ростовщичество в настоящее искусство.

Флоренцию нередко называют городом банкиров и суконщиков. Однако Медичи с блеском овладели не только искусством коммерции, но и тайнами банковского дела, превратившись за короткий отрезок времени в самый влиятельный и богатый банкирский дом не только Флоренции, но и Европы. Впечатляют размеры личного состояния семейства Медичи, оцениваемого по современному курсу в 10 млн долл. И это в XV в.!

Считается, что первые представители рода Медичи были замечены уже при дворе Карла Великого, который, согласно средневековой легенде, праздновал в восстановленной им же Флоренции Рождество Христово. Сейчас невозможно утверждать, жили ли Медичи во

Флоренции или они пришли в город вместе с Карлом Великим в период раннего Средневековья. Быть приближенным ко двору короля мог либо влиятельный вельможа, либо человек небогатый, но умный и ловкий, в услугах которого нуждались и король, и свита короля. Поэтому принято считать, что отец-основатель рода Медичи по профессии был искусным лекарем либо аптекарем. Именно название этого нехитрого ремесла — врачевания — легло в основу родовой фамилии Медичи: *medici* — лекарь. Из-за отсутствия убедительных письменных источников данная версия происхождения фамилии Медичи от придворного лекаря не является единственной, несмотря на всю свою привлекательность.

Тем не менее имя Карла Великого сохранилось в другой флорентийской легенде о происхождении семейства Медичи, утверждавшей, что свой род Медичи ведут от рыцаря короля Карла Великого — Аверардо Медичи. Легенда гласит, что во времена Карла Великого в узком и глубоком ущелье Сьева вблизи Флоренции жил свирепый великан Мужделло, подстерегавший со своей страшной дубиной путников, направлявшихся в Рим. Страх перед великаном охватил все окрестные селения, расположившиеся вокруг ущелья. Жители селений каждый день молили Бога, чтобы нашелся храбрец, готовый сразиться с великаном и убить его. Помериться силами с великаном Мужделло вызвался храбрый рыцарь Аверардо Медичи, доблестно служивший королю Карлу Великому. Юноша спустился в ущелье, чтобы вызвать на бой великана. Во время боя Мужделло, размахнувшись, ударил по щиту рыцаря своей огромной палицей с железными шарами. Но храбрый рыцарь даже не покачнулся в седле,

выдержав удар. Лишь на щите рыцаря остались шесть глубоких круглых вмятин от удара, напоминавших шар. Тогда храбрый рыцарь взмахнул своим мечом и разрубил злого великана.

Чтобы сохранить память о славной победе рыцаря Аверардо Медичи над великаном, Карл Великий приказал всем потомкам рыцаря изображать на своем родовом гербе круглые шары — след от удара палицы. Смелый рыцарь за храбрость получил от короля оружие, что в Средние века считалось высшей наградой для воина.

Чаще всего геральдисты, описывая родовой герб Медичи, указывают, что на золотом поле располагаются шесть круглых шаров. Пять шаров червлёные, напоминающие о каплях крови великана, а шестой, верхний шар, имеет лазурный цвет. Верхний шар украшают три золотые лилии, символизирующие связь дома Медичи с королевским домом Франции. Действительно, в семейном гербе Медичи можно разглядеть четкие очертания шариков. Чаще всего, идя по традиционной линии истории рода Медичи, эти шарики сравнивают с пилюлями, хотя с такой же долей уверенности они могли бы быть отнесены и к символическому изображению фруктов или гирь для взвешивания товара, ведь Медичи были коммерсантами, и к изображению военного оружия, так как многие представители клана были гонфалоньерами. Так называлась выборная должность главы ополчения пополанов, представлявших торговоремесленные слои города, объединенные в цеха, во Флоренции с середины XIII в.

К сожалению, сегодня невозможно правильно истолковать герб Медичи. Это легко объясняется тем, что

Медичи слишком внезапно появились во Флоренции, словно ниоткуда, на границе Средневековья и Ренессанса, при этом скрывая от всех жителей города темные страницы прошлой жизни.

Доказательств присутствия при дворе Карла Великого некоего лекаря, основавшего впоследствии династию Медичи, нет и вряд ли их можно найти. Даже если принять версию о медицинских корнях происхождения фамилии Медичи, вполне можно допустить, что человек получил данное прозвище, превратившееся в фамилию, в насмешку. Подобные примеры достаточно часто встречаются в европейской истории. В то же время составление родового герба всегда велось с особой тщательностью. На так называемые «гласные» гербы следовало наносить символы и знаки, имеющие исключительное значение. Шесть шаров, размещенных на родовом гербе Медичи, должны были прямо указывать на фамилию их обладателей. Может быть, сложность в интерпретации герба Медичи как раз и связана с его простотой и лаконичностью, открывающей поле для невероятных вариантов его толкования.

Французский историк-медиевист Мишель Пастуро поместил в своей новой книге, раскрывающей секреты геральдики изображения герба Медичи, весьма необычную интерпретацию. Герой греческих мифов Геракл в наброшенной на плечи львиной шкуре удерживает на плечах герб семейства Медичи, а у его ног рассыпаны шесть яблок, упавших с герба. Что же касается пилюль или, более привычное для нас сегодня слово, таблеток, то, к большому огорчению, подобная форма лекарства не была известна во времена Медичи. Первая таблетка, изготовленная в форме круга или

шара, появилась лишь в 1843 г. благодаря изобретению английского ученого Уильяма Брокдона. Брокдон предложил в форме таблетки давать больным гидрокарбонат калия, способствующий снижению кислотности желудочного сока. До 1843 г. все лекарственные препараты давались больным в форме порошка, мази, жидкости, настойки, эликсира, масла и даже пластыря. Официально в Европе лекарственные препараты в форме таблетки были приняты лишь в 1901 г.

Остается только догадываться, каким образом простые лекари или аптекари смогли за короткий срок стать влиятельнейшей семьей Флоренции, превратившись в настоящих финансовых магнатов. Известно лишь, что уже первые Медичи имели значительный денежный капитал, позволивший им выдвинуться в ряд первых жителей Флоренции. Темное прошлое, невероятно быстро увеличивающееся семейное состояние, огромное влияние, которое оказывали члены семейства на политику Флоренции, позволяют сегодня сравнивать Медичи с современными олигархами, чей жизненный путь также тернист и загадочен.

Итак, что же могли разместить осторожные Медичи на своем гербе, зная свое незнатное или туманное происхождение и не стремясь привлечь к себе взгляды врагов? Абсолютная лаконичность и простота — вот что положили в основу своего герба мудрецы и авантюристы Медичи, всю жизнь прикрывавшие свое темное прошлое блестящими аристократическими титулами.

Помимо двух упоминавшихся гербов дома Медичи с изображением шести шаров и сокола, существует еще один менее известный фамильный герб, появившийся во времена Козимо Медичи. Герб весьма символично

изображает черепаху и парус, наполненный ветром. На гербе начертан девиз *Festina lente* — «Торопись медленно», т. е. не спеши и будь уверен в том, что делаешь. Черепаха как носитель сакрального знания использовалась уже в древности и в восточной, и в европейской культурах. Выбирая черепаху в качестве символа для родового герба, Медичи связывали этот образ с силой и защитой от любой внешней угрозы. Кроме того, черепаха олицетворяла неизменность жизненного порядка. Парус и в Античности, и в эпоху Ренессанса воспринимался как символ фортуны. В эпоху Возрождения парус изображали в виде драпировки над головой морской нимфы или Венеры, подчеркивая ее непостоянство. Таким образом, Козимо Медичи соединил в своем гербе два противоположных понятия: устойчивость и мимолетность судьбы.

Парадоксальность родового герба и туманное происхождение семейства Медичи нашли отражение в народном эпосе. Существует замечательная итальянская народная сказка, в которой излагается народная версия происхождения фамилии Медичи. Сюжет сказки прост и одновременно, как это часто свойственно народному творчеству, мудр и ясен. В сказке шут при дворе Лоренцо Медичи осмеливается публично напомнить своему господину, кем на самом деле были его предки. Эта сказка, если это действительно сказка, заставляет задуматься над тем, почему только шут мог назвать вслух истинные корни семейства Медичи. Возникает естественное предположение, что Медичи стремились скрыть тайну своего рода. Сама мысль, произнесенная вслух, о том, что род Медичи происходит от лекарей, могла стоить головы любому поддан-

ному при дворе влиятельных олигархов. Любому, кроме шута — забавной игрушки при дворе могущественного господина.

Подобное дерзкое предположение о происхождении Медичи открыто было высказано в XVI в. Паоло Джовио, более известным под именем Павла Иовия Новомоского. Ученый-гуманист Паоло Джовио одновременно выполнял обязанности придворного врача римских пап. Самым известным его научным трудом являются хроники итальянских войн «История моего времени», в которых он выступает в роли историка. Занимаясь изучением биографий своих знаменитых современников, Паоло Джовио, естественно, не мог пройти мимо биографии тосканского рода Медичи. Сейчас очень сложно утверждать, обладал ли Паоло Джовио какими-либо историческими документами, раскрывающими тайну происхождения семейства Медичи. Однако именно ему принадлежит утверждение, что родоначальником семейства Медичи был некий флорентиец, шарлатан, выдававший себя за лекаря. Пользуясь доверчивостью горожан, он продавал во Флоренции разные лекарственные снадобья, которые должны были излечить от всех недугов. Ловкость и удачливость позволили этому шарлатану сколотить значительное состояние. Используя золото, ловкий выскочка в период смут, с завидной регулярностью бушевавших во Флоренции, добился дворянского титула, а вместе с титулом взял себе и новую, более благозвучную фамилию — Медичи. Так он зашифровал свою прежнюю профессию лекаря.

Потомками этого флорентийского шарлатана, ставшего благодаря золоту врачом-дворянином, были знаменитые урбинские и великие тосканские герцоги —

Алессандро, Джулиано, Козимо, Лоренцо, Франциск — и папы римские Лев X и Климент VII. Зная о своем низком происхождении, Медичи предпочитали отказываться от подобного родства, что и нашло отражение в народной сказке. Можно только предполагать, какую ярость могли вызвать неосторожные слова, брошенные в адрес Лоренцо Великолепного любым из присутствовавших на его обеде гостей, касавшиеся профессии лекаря.

Согласно следующей версии, первые Медичи до своего блистательного восхождения к власти жили в маленькой и очень небогатой деревушке Муджелло, затерявшейся на севере Тосканы, в долине у Апеннинских предгорий. На современной карте Италии эта деревушка находится примерно в 30 км от Флоренции. Медичи с утра до позднего вечера приходилось заниматься тяжелым крестьянским трудом, добывая себе пропитание. Вероятнее всего, уже первые Медичи отличались безудержным честолюбием, которое и заставило их с легкостью проститься с бедной и размеренной жизнью сельских крестьян, чтобы смело отправиться навстречу новой жизни. Эту новую жизнь первые из рода Медичи связывали с самым рискованным и прибыльным занятием, придуманным людьми, — торговлей. Поскольку выгоднее всего было заниматься торговлей в городе, первые из рода Медичи перебираются во Флоренцию, богатейший город Италии, примерно в XII в. Уже во времена первых Медичи Флоренция считалась столицей Тосканы и Этрурии.

Удачливость Медичи, их стремительное восхождение к власти настолько не вяжутся с их крестьянским происхождением, что историки допускают тре-

тью версию появления первых Медичи во Флоренции. Согласно ей, Медичи происходили от первых переселенцев, пришедших во Флоренцию. Скорее всего, Медичи были евреями-торговцами, не имевшими своей родины и вечно гонимыми в поисках обетованной земли. Природная удачливость или уникальные коммерческие способности, а возможно, и то и другое позволили Медичи за весьма короткий срок занять достойное положение среди патрициев Флоренции и даже получить право на создание своего собственного семейного герба.

Генеалогия семейства

Если попытаться поэтапно проследить восхождение клана Медичи к власти во Флоренции, первым его представителем следует назвать некоего Кьяриссимо, сына Джамбуоно Медичи. В 1201 г. он вошел в Совет коммуны, став ее полноправным членом. На момент вступления в Совет коммуны Кьяриссимо Медичи уже имел несколько домов, располагавшихся возле Старого рынка во Флоренции. Имя следующего представителя рода Медичи — Джованни Медичи — было овеяно славой воина. Исторические хроники указывают, что в 1251 г. Он участвовал в военном походе флорентийцев против ломбардцев.

В 1291 г. новым приором Флоренции был избран Ардинго, сын Бонаджунты Медичи. В средневековых городах-коммунах Италии приорами называли главу цеха, одновременно состоявшего в правительстве коммуны города — приорате. Во Флоренции для управления городом была создана коллегия семи приоров.

Ардинго Медичи флорентийцы доверили в 1296 и 1297 гг. почетную должность гонфалоньера справедливости, которую он передал в 1299 г. своему брату Гуччо Медичи.

Имя следующего представителя рода Медичи, сохранным в богатой на исторические события Флоренции, звучало как Аверардо Медичи. Согласно сохранившимся письменным источникам, именно Аверардо в 1314 г. посчастливилось стать гонфалоньером славного города Флоренции. Время стерло из памяти людей четкое восприятие этого почти забытого термина, в то время как в XIII–XV вв. в Италии так называли воина, способного встать во главе военного отряда ополчения городского квартала. Впервые должность гонфалоньера, или знаменосца, была установлена во Флоренции в 1289 г. и имела несколько иное значение, чем в других городах Италии. Гонфалоньер справедливости или правосудия во Флоренции одновременно являлся главой синьории. Во времена правления Медичи гонфалоньером назывался глава городского магистрата.

Возвращаясь к фигуре первого Медичи — Аверардо, невозможно вообразить себе купца, облаченного в военные доспехи и воинственно размахивающего оружием, призывая своих спутников к решающему сражению. Аверардо уже в то время являлся одним из самых богатейших купцов Флоренции, и особое положение в городе он мог получить лишь благодаря своему состоянию. Именно деньги семейства Медичи станут волшебным ключом к власти, обладать которой страстно будут желать все Медичи.

Исследуя династическое древо семейства, нельзя не упомянуть и о трагических страницах в истории

Медичи. В 1341 г. Джованни Медичи был послан вместе с другими флорентийцами вступить во владения Луккой, приобретенной у немецких рыцарей. Лукка представлял собой в Средние века небольшой город на реке Серкио, в районе Тосканы. Город еще в древности был основан племенами лигурийцев, населявших в I тыс. до н. э. значительную часть Италии. Название города Лукка на местном наречии переводится как «болотистый», что полностью соответствует значительному количеству надземных и подземных водоемов, окружавших город. Приобретая власть над городом Лукка, флорентийцы получали полный контроль над главной транспортной артерией, существовавшей в средневековой Италии — *Via Francigena*, что давало несомненные экономические преимущества Флоренции.

Однако дипломатическая миссия Джованни Медичи провалилась, поскольку соперники Флоренции за город Лукку — пизанцы — сумели захватить город и не собирались его отдавать прибывшей делегации флорентийцев. Невозможно описать словами гнев герцога Афинского, обрушившийся на голову несчастного Джованни Медичи, вернувшегося из Лукки. Герцог Афинский тогда, обманным путем захватив флорентийских приоров, стал уже тираном Флоренции. Узнав о неудаче миссии, герцог не считал нужным разбираться в случившемся, отдав приказ казнить Джованни Медичи. Семья Медичи глубоко переживала смерть Джованни.

Брат Джованни, Франческо Медичи, поклялся отомстить герцогу за смерть любимого брата и приложить все усилия для того, чтобы поднять восстание против

герцога и свергнуть тиранию. После свержения тирании герцога Афинского исполнивший клятву Франческо Медичи участвовал в работе совета, занимавшегося пересмотром конституции Флоренции. Попробовав однажды сладость власти над беснующейся толпой народа, разрывающего и поедающего с безумным хохотом фрагменты человеческой плоти, еще недавно бывшие телом тирана, последующие поколения Медичи стремились обладать этой властью, используя ее для укрепления финансового и политического положения семьи.

Амбициозности планов Медичи способствовала и туманность происхождения семейства. Вполне возможно, что в XIV в. положение Медичи во флорентийском обществе было далеко не однозначным, несмотря на значительный коммерческий успех, сопутствовавший Аверардо Медичи. Медичи продолжали оставаться в положении богатого, но не признанного флорентийской аристократией семейства. Тогда они обращаются к поддержке народа. Несмотря на вхождение представителя семейства Медичи — Сальвестро Медичи (1331–1388) — в число преуспевающей верхушки старших торговых гильдий Флоренции, данное положение не помешало ему принять решение присоединиться к младшим членам гильдии, поднявшим восстание чомпи в 1378 г., известное как восстание чесальщиков шерсти.

Формально поводом к началу восстания послужило избрание гонфалоньером, или главой магистрата, Сальвестро Медичи в том же 1378 г. То, что новым гонфалоньером становился человека из богатого, но не родовитого семейства, к которому относились Ме-

дичи, означало победу представителей низов флорентийского общества, неожиданно получивших через своего представителя возможность участвовать в управлении городом.

Сальвестро Медичи, активно участвуя в управлении Флорентийской республикой, предпочел занять свою позицию. Флорентийская оппозиция состояла из представителей крупных флорентийских семейств гвельфов. Самостоятельная политическая позиция Медичи лишь усилила существовавшую вражду между гвельфами и гибеллинами, а проведенный закон, направленный против усиления власти грандов во Флоренции, спровоцировал открытый мятеж низов флорентийского общества против синьоров.

В Италии XII–XV вв. существовала политическая борьба между Священной Римской империей, т. е. светской властью, и папством за установление своего господства над итальянскими землями. Название враждующие партии получили в XII в. после битвы при Вейнсберге. В ходе битвы на поле боя сошлись политические противники из рода Вельфонов, выступавших за власть папы, и сторонники императора, пришедшие на битву из замка Штауфенов, расположенного в Швабии. Чтобы подбодрить себя во время сражения, противники выкрикивали боевые кличи. Сторонники папы кричали: «За Вельфов!» (лат. *Guelfi*), а их противники отвечали им кличем: «За Вайблинген!» (лат. *Ghibelline* — «замок»). Впоследствии латинизированный перевод названия рода и замка стал звучать как гвельфы и гибеллины. Однако первое политическое разделение гвельфов и гибеллинов происходит во Флоренции в XIII в. во время правления

императора Фридриха II Штауфена (1220–1250). К партии гвельфов во Флоренции примкнули представители горожан, или пополаны, а к партии гибеллинов — аристократическая часть флорентийского общества.

Будучи ярким политиком и пользуясь доверием среди членов младших цехов, Сальвестро Медичи, в начале восстания став один из его лидеров, получает титул «рыцаря чомпи». Однако восстание было жестоко подавлено, и в последующие три года представители старших гильдий сумели вернуть себе все утраченные в ходе восстания права. Сальвестро Медичи был обвинен в участии в заговоре и отправлен в изгнание. Участие одного из членов семейства Медичи в народном восстании имело самые печальные последствия, незамедлительно отразившиеся на всех членах семейства. По решению, вынесенному городским советом, члены семейства Медичи были лишены права в течение десяти лет занимать государственные должности во Флоренции из-за политической неблагонадежности. В период с 1343 по 1360 г. согласно вынесенным смертным приговорам было казнено пять членов семейства Медичи. При этом историки нередко указывают, что в числе казненных Медичи были не только участники политического заговора, но и самые настоящие убийцы и разбойники.

После восстания чомпи вместе с Сальвестро Медичи из Флоренции были публично изгнаны и несколько других членов семейства Медичи. Усвоив печальный урок, извлеченный из драматической судьбы не состоявшегося политика Сальвестро Медичи, оставшиеся члены клана обратили весь свой незаурядный талант и энергию в сторону предпринимательства. И имен-

но занятие коммерцией принесло им не только невероятное богатство, но и общеевропейскую славу и известность. Что же касается фигуры Сальвестро Медичи, то, как бы парадоксально это ни звучало, именно ему члены семейства обязаны были теми решительными изменениями в судьбе, открывшими им дорогу к власти.

Стойко пережив гонения, обрушившиеся на семейство после подавления восстания чомпи, Медичи с упорством обреченных принимают создавать свою великую банковскую империю. Выбор банковского дела для них не был случайным. Родственники уже упоминавшегося Бонаджунта Медичи, входившего в 1216 г. в Городской совет Флоренции, с 1240 г. активно занимаются ростовщичеством, выделяя значительные суммы в долг. К концу XIV в. члены клана (*consorteria*) Медичи по мужской линии становятся едва ли не основными налогоплательщиками Флоренции. В документы 1343 г. внесено более 32 глав, в которых перечислено многочисленное имущество жителей Флоренции, носивших фамилию Медичи и, следовательно, имевших одного предка. Медичи владели огромными земельными угодьями, недвижимостью во Флоренции и за ее пределами. К этому следует добавить значительный оборотный капитал, вложенный в торговлю и банковское дело, позволивший им с 1300 по 1330 г. открыть собственную банковскую контору во Флоренции.

В период с 1291 по 1341 г. представители клана Медичи 28 раз становились членами городской синьории. Однако до XV в. Медичи все же нельзя отнести к самым богатым семействам Флоренции. Все тот же

налоговый реестр показывает скромный шестой разряд в списке налогоплательщиков Флоренции самого богатого из Медичи, в то время как остальные члены семейства затерялись в общей массе налогоплательщиков.

Вероятнее всего, политическая активность, свойственная отдельным членам семейства Медичи, заставляла других проявлять осторожность в финансовых операциях. Медичи достаточно долгое время предпочитали вкладывать денежные средства в земельные угодья. Эта характерная особенность вложения капиталов становится особенно заметна после 1350-х гг. Потерпев сокрушительное фиаско в ходе подавления восстания чомпи, Медичи начинают активно искать поддержку среди известных семейств Флоренции, заключая браки с уважаемыми семействам Ручеллаи, Кавальканти, Донати.

Могущественные банкиры и изгнанники

Со временем семейство превратилось в большой и мощный клан Флоренции, но родоначальником наиболее яркой ветви семейства Медичи был Джованни ди Биччи Медичи (1360–1429). После подавления восстания чомпи он, получив вместе с пятью братьями денежный капитал, доставшийся в наследство, начинает заниматься торговлей. Удачливость предпринимаемых им торговых операций позволила ему уже к 1397 г. удвоить капитал, превратив его в 100 тыс. флоринов. Флоринами назывались золотые монеты, впервые отчеканенные во Флоренции в 1252 г. Именно это и послужило основанием назвать монету «флорин» (итал.

florenus, или «цветочная»). Вес одного флорина равнялся 3,53 г золота. На аверсе флорина изображался цветок ириса как символ Флоренции (иногда нумизматы указывают цветок «лилия»), а на реверсе — покровитель города, святой Иоанн Креститель.

В XVI–XVII вв. в Европе термин «флорин» использовался как обозначение высокопробных монет из золота стандартного веса (3,5 г). Именно благодаря заработанному значительному капиталу в 1402 г. Джованни Медичи избирается в синьорию правительства Флоренции. В 1421 г. Медичи уже избирается на высшую должность, которую мог занимать флорентиец в избирательной власти, — он становится гонфалоньером справедливости Флоренции. Должность гонфалоньера открывала перед семейством Медичи возможность практически единолично руководить жизнью Флоренции, влияя на ее экономическое и политическое развитие.

Обретя власть благодаря удачному вложению капитала, Джованни закладывает первые кирпичики в создание знаменитого банка семьи Медичи. В 1409 г. благодаря известности, которую Медичи получил после избрания в синьорию Флоренции, он добивается права стать банкиром папского двора в городе Брюгге и Лондоне. Невероятно лживый и услужливый Джованни убеждает папу римского, обладавшего монопольным правом на добычу природных квасцов в районе Толфи, передать Медичи исключительное право на продажу природных квасцов от имени папы римского. Эту сделку можно было легко отнести к сделке века, поскольку в XV в. квасцы шли на производство редкого и, следовательно, дорогого материала —

стекла, а также использовались в качестве протравы при крашении хлопчатобумажной и шерстяной ткани.

Сыновьями Джованни ди Биччи Медичи были Козимо Медичи (1389–1464) и Лоренцо Медичи (1394–1440). Они унаследовали от отца его финансовую империю. Фактически после смерти Джованни Медичи его старший сын, Козимо, окажется вторым по богатству флорентийцем. К этому времени банкирский дом Медичи уже не был единственным во Флоренции. В городе существовало около 50 торгово-банковских домов, что создавало жесткую конкуренцию между знатными домами Флоренции. Чтобы изменить ситуацию, Козимо принимает решение объединить два банковских капитала — Медичи и Барди, женившись на наследнице Барди — Контессине.

Однако вместо желаемого успеха Козимо навлек на себя угрозу смертной казни. Могущественное флорентийское семейство Альбицци обвинило Медичи в желании захватить власть во Флоренции. Альбицци являлись представителями старинного флорентийского рода, ведущего свое происхождение из Ареццо. Уже в 1210 г. члены семейства Альбицци занимали во Флоренции важные государственные посты. Благодаря своему знатному происхождению и богатству Альбицци состояли в цеху Лана, члены которого поддерживали партию гвельфов. Сплетая паутину политического заговора вокруг Медичи, Альбицци не могли простить ему не только темного происхождения и невероятного богатства, но и личной обиды, нанесенной семейству во время восстания чомпи. Во время восстания низов, активными участниками которого были Медичи, во Флоренции был сожжен дом семейства Альбицци, а

им самим пришлось спастись бегством от разъяренной толпы.

Согласно выдвинутым обвинениям, Медичи ждала смерть, но неожиданно на его стороне оказываются другие влиятельные семейства Флоренции, и даже папа римский Евгений IV подает голос в защиту банкира. Флорентийцы сохранили Медичи жизнь, выслав его и еще семерых членов семейства из Флоренции. Десять лет должен был провести Козимо Медичи на чужбине. Но, скрываясь в Венеции, он ни на минуту не сомневался в своем триумфальном возвращении, делая для этого все возможное и невозможное. В 1434 г. Медичи триумфально возвращается, открывая новый этап жизни членов славного рода Медичи. Согласно записям флорентийских хроник, в тот год Козимо Медичи Старый, вернувшись из ссылки, был избран синьором, что означало, что он становится не только главой правительства, но и полноправным диктатором Флоренции. Избрание Козимо Медичи означало полное политическое поражение рода Альбицци, которым не оставалось ничего другого, как покинуть Флоренцию навсегда. С 1434 г. начинается трехсотлетнее восхождение клана Медичи к вершинам политической власти, длившееся до 1737 г.

После смерти Козимо власть перешла к его сыну Пьеро ди Козимо (1416–1469). Слабохарактерному Пьеро, получившему прозвище Подагрик, за которым закрепились исторические штампы «слабоумный», «не способный к удержанию власти», долгие годы приходилось находиться в тени славы своего отца. Благодаря особому положению, занимаемому в те годы семейством Медичи, в 1461 г. он избирается

на пост гонфалоньера правосудия, что не явилось неожиданностью для флорентийцев.

Козимо Медичи не видел в старшем сыне своего политического преемника. Политическое будущее своей семьи и Флоренции Козимо связывал с младшим сыном, Джованни. Однако судьба подготовила Козимо страшный удар — Джованни умер еще при его жизни. Смерть Козимо Медичи принесла Пьеро реальную политическую власть, открыв возможность самостоятельно принимать самые важные решения, способные в значительной степени повлиять на жизнь республики. Так, пользуясь безграничной властью, Пьеро идет на политический альянс с Людовиком XI, французским королем, папой римским Павлом II, миланскими герцогами Франческо Сфорца и Галеаццо Мария Сфорца.

Историки полагают, что, оказавшись у власти в 1464 г., Пьеро не был до конца готов стать правителем Флоренции. Это во многом объясняет его желание разделить бремя ответственности при принятии решений с человеком, приближенным к Медичи, но втайне надеявшимся захватить власть, — Диотисальви Нерони. К несчастью, советы, которым следовал Пьеро, оказывались зачастую весьма непопулярными, что явилось главной причиной организации против него заговора. Выстраивая свою финансовую империю, Козимо Медичи использовал практику выдачи денежных средств многим влиятельным флорентийцам, уплата которых заменялась безграничной преданностью флорентийской аристократии семейству Медичи. Создавая политику противовесов власти, Медичи мог не опасаться угрозы заговора, рассчитывая на поддерж-

ку состоятельных флорентийцев, чей достаток во многом зависел от решения Медичи. Одним из первых советов, данных Диотисальви Нерони Пьеро, был совет о немедленном востребовании денежных сумм, выданных когда-то Козимо Медичи. Требование, выдвинутое Пьеро, было настолько резким и жестким, что многие знатные флорентийские дома оказались в ситуации банкротства.

Это решение, конечно же, не прибавило популярности Медичи, осложнив и без того крайне нестабильную политическую ситуацию, подогреваемую постоянной и незатухающей войной между сторонниками и противниками республики. Политика, проводимая Пьеро в отношении богатых флорентийских семей, привела к образованию оппозиции, составившей заговор с целью устранения власти Медичи.

Пестрый состав заговорщиков позволяет утверждать, что в их среде не было единства мнений на тот счет, что же следует сделать во Флоренции в случае падения власти Медичи. Одни видели во главе Флоренции новую династию, другие связывали будущее города с республиканским устройством. В этой запутанной ситуации Пьеро вновь сам помог заговорщикам сохранить единство, сплотив их ряды еще одним своим непопулярным решением. Для укрепления дома Медичи Пьеро приступил к переговорам с римским князем Орсини. Цель переговоров — возможность создания брачного союза сына Пьеро Медичи Лоренцо с дочерью князя Кларице Орсини. Поскольку избранница не была флорентийкой, это дало повод оппозиции обвинить Медичи в желании стать полновластным правителем города, превратив своих сограждан в

рабов. Заговорщики распространяли по Флоренции специальные листы, в которых флорентийцы ставили свои подписи, служащие подтверждением их согласия на заговор против Медичи. Заговор был случайно раскрыт неким Никколо Федини, работавшим секретарем Медичи.

Несмотря на мучившую его подагру, Пьеро Медичи, находившийся во время этих драматических событий в загородном дворце Кареджи, сумел нанести удар по заговорщикам первым. Он раскрыл готовящийся против него заговор и, убедив флорентийцев в своей преданности интересам Флоренции, обезоружил противников.

Стоит ли говорить о Пьеро как о человеке слабоумном или не способном повлиять на историческую ситуацию? Летом 1469 г. свадьба между его сыном Лоренцо и дочерью князя Орсини, о которой мечтал Пьеро, несмотря на все усилия заговорщиков, состоялась. Спустя полгода после свадьбы сына Пьеро скончался, оставив флорентийцам плохие воспоминания о времени своего правления, наполненного раздорами и заговорами, спровоцированными врагами Медичи. Умирая, Пьеро Медичи оставил во главе Флоренции двух молодых сыновей — Лоренцо и Джулиано.

Джулиано Медичи (1453–1478) был младшим сыном Пьеро, рожденным от Лукреции Торнабуони. Являясь соправителем своего старшего брата Лоренцо, Джулиано прожил короткую жизнь, которая не оставила какого-либо заметного отпечатка в истории Флоренции. В 1478 г. Джулиано был убит заговорщиками во время пасхального богослужения в соборе Санта-Мария дель Фьоре. Заговор и трагическая смерть брата

повлияли в значительной степени на Лоренцо Медичи, чудом избежавшего смерти. Тем не менее трагическая смерть Джулиано Медичи во время заговора Пацци еще больше укрепила положение Медичи во Флоренции, а незаконнорожденный сын Джулиано станет первым папой римским под именем Климента VII.

Старший брат Джулиано Лоренцо Медичи (1442–1492) стал самым ярким и талантливым представителем семейства, получив при жизни прозвище «Великолепного». Лоренцо Великолепный является ключевой фигурой семейства Медичи, и в книге ему будет посвящена отдельная глава. Лоренцо Великолепный был отмечен множеством талантов: став единовластным правителем Флоренции, Лоренцо Великолепный сумел соединить в одной личности талантливого поэта, щедрого мецената, блистательного дипломата.

Сын Лоренцо Великолепного — Пьеро ди Лоренцо де Медичи (1472–1503) — не был удостоен природой ни одной из многочисленных способностей своего отца. Более того, он получил красноречивое прозвище — Пьеро Глупый, несмотря на то, что его уже с раннего детства готовили стать правителем Флоренции. Лоренцо Великолепный постарался дать своему сыну блестящее образование. На роль его воспитателя и наставника был не случайно выбран известный поэт и гуманист Анджело Полициано. Однако все усилия развить в мальчике незаурядную личность и открыть в нем уже с детства талант политика и дипломата не увенчались успехом.

После смерти отца Пьеро возглавил флорентийскую республику. Но лишь на несколько месяцев сумел он удержать хрупкое мирное равновесие между

итальянскими городами, ценой огромных усилий созданное его отцом. Вступление в управление Флоренцией по времени совпало с бурными политическими событиями, происходившими за стенами республики. Французский король Карл VIII, намереваясь силой вступить в наследственные права над землями Неаполя, с армией продвигался в глубь Апеннинского полуострова. Для этой цели ему следовало со своей армией неминуемо пройти по земле Тосканы и, оставив здесь надежные тылы, двигаться дальше. В сложившейся ситуации Пьеро Медичи, обладая нерешительным характером и не видя разумного выхода из сложившейся ситуации, придерживался во внешней политике Флоренции позиции нейтралитета, что не могло удовлетворить амбициозные планы Карла VIII. Карл готовил вторжение в город, а Пьеро не предпринимал, в свою очередь, никаких решительных шагов, чтобы организовать защиту Флоренции от вторжения иностранной армии.

Внутренняя ситуация, сложившаяся во Флоренции, также не способствовала политической консолидации власти Медичи. Доминиканский монах Савонарола своими проповедями достаточно быстро настроил флорентийцев против Медичи, приведя их власть на грань политического банкротства. Видя, что горожане настроены против него, Пьеро пытался спасти город от Карла, приняв выдвинутые требования французов. Однако это уже не смогло спасти его самого от расправы толпы. Сын Лоренцо Великолепного Пьеро ди Лоренцо объявляется изменником родины за уступку Карлу VIII некоторой незначительной части флорентийских владений. Как изменник он был изгнан из

города, а имущество Медичи было разграблено беснующейся толпой. Несчастный Пьеро ди Лоренцо бежал в Венецию, где вплоть до самой смерти вынашивал планы своего возвращения. Ради этого он даже пошел на заключение союза с Карлом VIII. Несмотря на поддержку герцога Миланского, кардиналов Асканио Сфорца и Мариано Дженнацио, Пьеро Медичи не сумел вернуться на родину, чтобы восстановить власть. В 1503 г. он утонул во время бегства после поражения французов, на стороне которых воевал, в битве при реке Гарильяно.

Несмотря на образ глупого и слабовольного человека, который создала история вокруг Пьеро ди Лоренцо, сделанные в 2007 г. археологические открытия позволяют поставить под сомнение подлинность этой характеристики. В 2007 г. были вскрыты захоронения наставника Пьеро Медичи Анджело Полициано и известного мыслителя эпохи Возрождения Пико делла Мирандолы. Упомянутые захоронения объединяли общий, 1449-й, год смерти погребенных и место захоронения — монастырь святого Марка.

Группа ученых из Болоньи во главе с профессором-антропологом Джорджио Группиони поставили перед собой задачу: используя современные возможности в области биологических исследований, максимально точно определить время смерти этих людей и образ их жизни, предшествовавший смерти. Результаты исследований показали, что Анджело Полициано и Пико делла Мирандола умерли в результате отравления мышьяком. Ученые задались вопросом: кто мог быть заинтересован в смерти этих ярких представителей эпохи Возрождения? Ответ на поставленный

вопрос нашелся незамедлительно. Одним из наиболее вероятных людей, заинтересованных в их смерти, был Пьеро Медичи.

Смертельный приговор, не подозревая об этом, Анджело Полициано и Пико делла Мирандола подписали себе в тот момент, когда они позволили себе увлечься идеями Джироламо Савонаролы. Известно, что Пико делла Мирандола стал даже близким другом Савонаролы, лично пригласив доминиканского монаха приехать во Флоренцию. Появление Савонаролы во Флоренции определило дальнейшую политическую судьбу Медичи, чья власть оказалась разрушенной благодаря страстным призывам Савонаролы к восстанию. Исполнителем злодейского замысла мог стать подкупленный Медичи секретарь Пико делла Мирандолы — Кристофоро да Казальмаджоре. К сожалению, история знает немало примеров, когда окрепшие ученики стремятся избавиться от своих мудрых учителей. Несмотря на сделанные в последние десятилетия открытия, невероятно сложно с точностью реконструировать события истории, тем более когда следует вычислить предполагаемого отравителя или убийцу. Поэтому вопрос о подлинном участии Медичи в убийстве еще ждет своего решения.

Второй сын Лоренцо Великолепного — Джованни Медичи (1475–1521) — более известен под именем папы Льва X. Он будет последним в истории папства главой римско-католической церкви, не имевшим священного сана на момент избрания 11 марта 1513 г. Джованни Медичи, будучи еще 13-летним подростком, назначается кардиналом-мирянином папой Иннокентием VIII. Во времена преследования Медичи папой

Александром VI Джованни возвратится обратно во Флоренцию, чтобы затем отправиться в путешествие по Европе, посещая Германию, Нидерланды, Францию. Вернувшись в 1500 г. на родину, Джованни становится участником сражения 1512 г. под Равенной с войсками Франции, закончившегося крайне неудачно для Медичи. Сам Джованни во время битвы был пленен, но из плена ему удалось бежать. После подавления во Флоренции восстания Савонаролы власть Медичи вновь вернулась к законным правителям. Новый жизненный поворот дал возможность кардиналу Джованни вместе с племянником Лоренцо, сыном погибшего Пьеро Медичи, закрепить положение Медичи в освобожденном городе.

В 1513 г. в жизни Джованни наступил решительный переворот, открывший ему путь к папскому престолу. Джованни единодушно был избран папой, после чего рукоположен в священники, далее — в епископы; затем он был торжественно коронован новым папой римским под именем Льва X. Вновь избранный 38-летний папа римский вселял надежду на установление мира в Италии и соблюдение интересов не только папского государства, но и Флоренции, откуда он был родом. Правильно оценивая нараставшую политическую, экономическую и военную мощь Габсбургов, папа Лев X пошел на сближение с Францией, подписав «конкордат», открывавший французскому королю большие полномочия в назначении епископов, аббатов, а также наделявший правом назначать светских лиц на церковные должности при условии участия в управлении духовных лиц от имени светской власти.

Ведя активную религиозную деятельность, способствующую укреплению власти папы, Лев X занимался покровительством искусства. Папский двор времен Льва X поражал воображение невероятным блеском и нарочитой красотой. Ко двору папы специально приезжали философы, музыканты, художники, чтобы насладиться роскошной жизнью, которую вел папа римский.

Среди молодых талантов Лев X поддерживал блистательного Рафаэля Санти. Роскошь двора могли наблюдать своими глазами философ Эразм Роттердамский и молодой немецкий монах Мартин Лютер. Именно гневное возмущение роскошью папского двора породило смелые идеи, высказанные Мартином Лютером и вылившиеся в движение Реформации.

Когда Льву X донесли о еретических воззрениях Мартина Лютера, он посчитал достаточным провести с ним беседу и сжечь его труды, не сумев оценить опасность, притаившуюся в идеях, выпущенных на волю скромным монахом Лютером. 1 декабря 1521 г. Лев X неожиданно скончался в возрасте 46 лет. Пустая казна папы не позволила устроить пышные проводы понтифика, ограничившись скромным церемониалом. Уходя из жизни, Джованни Медичи, ставший Львом X, с легкостью опустошивший папскую казну и с не менее завидной легкостью отнесшийся к критике в адрес католической церкви, так и не осознал, что именно он явился ключевой причиной окончательного раскола религиозной целостности западного христианского мира.

В 1512 г. Медичи возвращаются во Флоренцию. После избрания на папский престол Льва X, а затем и

Климента VII, происходивших из рода Медичи, положение семьи вновь укрепляется. Власть во Флоренции оказывается в руках Лоренцо, сына Пьеро Медичи и племянника папы Льва X, сына Джулиано Медичи, известного под именем кардинала Ипполито.

Лоренцо II ди Пьеро де Медичи, герцог Урбинский (1492–1519) стоял во главе республики с 1513 по 1517 г. Он был родным внуком Лоренцо Великолепного, а его дочерью, родившейся за три недели до его кончины, будет Екатерина Медичи, будущая королева Франции. Другим ребенком, родившимся вне брака, будет Алессандро Медичи, герцог Флоренции. Ловкий политик, папа Лев X принимает решение породнить племянника с французским королевским домом, одновременно передавая ему во владение герцогство Урбинское.

Кончина в 1519 г. Лоренцо, не оставившего законного наследника по мужской линии, позволила встать во главе флорентийской республики внебрачному сыну Лоренцо — Алессандро и кардиналу Ипполито. Считается, что Лоренцо Медичи ушел из жизни так рано вследствие стремительно развивавшегося сифилиса. Тем не менее данное обстоятельство не повлияло на торжественность захоронения Лоренцо в капелле Медичи, а блистательному ученому и писателю Никколо Макиавелли не помешало посвятить Лоренцо свой труд «Государь» (1513). В Лоренцо Медичи Макиавелли пытался рассмотреть черты молодого правителя, готового и способного объединить всю Италию.

После смерти Лоренцо власть во Флоренции на время передается Джулио Медичи (1478–1534) вплоть до 1523 г., когда тот стал папой Климентом VII. Его

правление совпало с символическим окончанием гуманизма в Италии и было отмечено *Sacco di Roma* — разграблением Рима солдатами германского императора Карла V (1527), пришедшими с севера точно так же, как когда-то пришли в Рим гунны.

После трагических событий 1527 г. Климент VII сделал шаг к признанию испано-германского владычества на Апеннинах, а за Карлом V он признал в 1530 г. право на корону императора. Папа Климент VII стал также ключевой фигурой раскола между английской и римской церквями: он отказал английскому королю Генриху VIII, награжденному папой Львом X титулом «очень католического короля», в признании недействительным его брачного союза с Екатериной Арагонской.

После избрания в 1523 г. Джулио Медичи папой Климентом VII во главе Флоренции оказались Алессандро Медичи, внебрачный сын Лоренцо Медичи, и кардинал Ипполито (1511–1535), внебрачный сын Джулиано Медичи, внука Лоренцо Великолепного. Алессандро Медичи и кардиналу Ипполито предстояло вместе управлять великим городом.

Воспитанием будущего кардинала Ипполито после смерти его отца в 1516 г. занимались его дядя папа римский Лев X и кузен Джулио Медичи, впоследствии папа Климент VII. Детские годы мальчика прошли в Ватикане, о чем красноречиво свидетельствует фреска ватиканского дворца, написанная великим Рафаэлем, на которой будущий кардинал Ипполито трогательно играет у ног понтифика Льва X. После избрания новым папой Климента VII 14-летний подросток отправляется во Флоренцию вместе с Алессандро Медичи. Здесь юноша избирается членом правительства,

и некоторое время от его имени городом управляет назначенный папой регент Сильвио Пассерини.

В 1527 г. во Флоренции вновь вспыхнуло восстание не довольных правлением регента Сильвио Пассерини. Медичи вновь изгнали из города, но на помощь им пришел папа римский Климент VII, осадивший город и продолжавший осаду с 1529 по 1530 г. Таким способом он вынудил открыть двери города для Медичи. Во время осады города изменилось отношение Климента VII к возможным правителям города. Его симпатии были отданы второму юноше — Алессандро Медичи, регентство над которым также осуществлял Сильвио Пассерини.

Папа Климент VII разглядел в хрупком юноше сурового правителя Флоренции. Сделав окончательный выбор в пользу одного из племянников, Климент VII обратился за поддержкой к императору Карлу V, в декабре 1529 г. армия которого заставила флорентийцев капитулировать. В октябре 1530 г. Алессандро Медичи стал главой государства, получив через два года титул герцога. Второму племяннику Климент VII поручил управлять архиепископством в Авиньоне. В 1529 г. Ипполито вручили кардинальскую шапочку и назначили легатом в Венгрию.

Прежде чем вручить племяннику кардинальскую шапочку, Климент VII связывал будущее 18-летнего юноши с удачным браком. В качестве невесты папа избрал Изабеллу, дочь Веспасиано Колонна, графа Фонди и герцога Траетто. Однако юноша решительно отверг предполагаемый союз. Вернувшись из Венгрии, он сопровождает папу римского во время его путешествия на свадьбу Екатерины Медичи и французского короля Генриха II.

Учтивому и исполнительному Ипполито папа доверял самые сложные дипломатические миссии. В 1530 г. кардиналу Ипполито поручается встретить императора Карла V и провести в его обществе около четырех недель. Во время пребывания кардинала в свите императора произошел несчастный случай, едва не закончившийся гибелью Ипполито. Во время охоты лошадь императора, испугавшись убитого дикого вепря, бросилась на лошадь кардинала Ипполито, сбросив и едва не затоптав обоих наездников. Следующее поручение было связано с турками. Во время поездки в качестве легата в Германию кардинал нанял отряд венгерских всадников в 8 тыс. человек, чтобы помочь в случае необходимости немецкому городу Линц, находившемуся под угрозой нападения турок. В память об этой поездке Тициан написал портрет кардинала, одетого в венгерский костюм.

Являясь яркой и незаурядной личностью, как и большинство мужчин из рода Медичи, кардинал Ипполито прославился своим знаменитым дворцом на Кампо Марцио. Здесь располагался блестящий двор кардинала, состоявший из представителей трехсот национальностей. Ипполито был страстным коллекционером. Предметом его гордости была удивительная коллекция животных и птиц, собранных со всего света. Благодаря усилиям кардинала в Италии появился клуб, члены которого занимались изучением трудов Витрувия.

Роскошь, окружавшая кардинала, интеллект, дипломатичность сделали ему славное имя во всей Италии. Неудивительно, что именно кардинал Ипполито был избран в качестве ключевой фигуры, способной

донести петицию до Карла V, в которой флорентийцы просили императора сместить злобного тирана Алессандро Медичи. Однако миссию, возложенную на него и еще семерых флорентийцев, кардинал Ипполито не смог выполнить. Ожидая корабль в Тунис в Итре, кардинал неожиданно почувствовал себя плохо и спустя некоторое время скончался. Официально считается, что кардинал умер от малярии. Что же касается неофициальной версии, которая возникла сразу же, как только кардиналу стало плохо, то она опять связана с отравлением. Теперь в роли злодея-убийцы предстал Алессандро Медичи, который, как никто другой, был заинтересован в срыве дипломатической миссии.

Смерть кардинала произошла недалеко от тех мест, где жила возлюбленная Ипполито, вторая жена Веспасиано Колонна Фонди — Джулия Гонзага, которая и стала причиной отказа молодого Ипполито от брака с Изабеллой Колонной, ее падчерицей. Когда у кардинала появились первые признаки отравления, его друзья предприняли все, чтобы сохранить ему жизнь. В Рим был послан гонец за противоядием *olio da caravita*, которое могло сохранить жизнь кардиналу. Однако противоядие по неизвестной причине не было привезено к постели умирающего.

10 августа 1535 г. кардинал Ипполито умер. Современники описывают печаль, поразившую Джулию Гонзага, которая провела возле постели умирающего последние часы его земной жизни. Друзья установили имя предполагаемого убийцы кардинала — Джованни Андреа, бежавшего под защиту Алессандро Медичи. Спустя несколько лет Джованни Андреа приедет в свой родной город Борго Сан Сеполькро. Оpoznанный

толпой как убийца кардинала Ипполито, он будет жестоко забит камнями.

Причастность Алессандро к отравлению кардинала Ипполито не явилась случайностью. Алессандро отличался жестоким и деспотичным характером, был злопамятен и мстителен. Своих политических врагов он не только преследовал, но и подвергал мучительным пыткам. Помимо крайней жестокости, в Алессандро уживалась склонность к безудержным оргиям. Молва приписывала ему многочисленные изнасилования несчастных флорентиек и сексуальные бесчинства в женских монастырях.

Алессандро Медичи (1510–1537), прозванный Смуглым, или Мавром, является весьма примечательной фигурой в династии Медичи. Он первый представитель семейства, управлявший городом, нося аристократический титул «герцога», и первый чернокожий герцог Медичи. Его происхождение вызывает много споров. Одни исследователи склонны рассматривать его как побочного сына Лоренцо II Медичи, внука Лоренцо Великолепного, другие видят в нем побочного отпрыска Джулио Медичи, впоследствии принявшего титул папы Климента VII, племянника Лоренцо Великолепного. Необычно темный цвет кожи позволяет предположить, что его матерью была чернокожая женщина, жившая какое-то время в доме Медичи. Действительно, в документах дома Медичи значилась некая Симонетта да Коллавекьо, впоследствии выданная замуж за незнатного флорентийца.

В 1531 г. Алессандро становится правителем Флоренции благодаря участию папы Климента VII. Чтобы укрепить свою политическую власть, Алессандро

женился на внебрачной дочери императора Карла V Маргарите Пармской.

Брак с Маргаритой Пармской не был удачным для Алессандро. Союз оказался бесплодным, и менее чем через год Алессандро бросил свою супругу. От любовницы и дальней родственницы Алессандро Таддеи Маласпины у него родилось двое детей — Джулио и Джулия. В настоящее время в Италии проживают прямые потомки Алессандро Медичи по линии его дочери Джулии, ставшей супругой Бернадетто де Медичи.

Тиран Алессандро был убит кузеном Лоренцино Пополано де Медичи, по прозвищу «плохой Лоренцино». Убийца Алессандро предстает фигурой не менее удивительной, чем сам Алессандро. Во Флоренции за ним закрепилась слава сводника и льстеца, но одновременно его называли «философом». Прекрасно образованный, пишущий стихи, разбиравшийся в искусстве, именно этот человек был избран судьбой в качестве орудия правосудия. История сохранила несколько версий, пытающихся объяснить поступок Лоренцино. Одни исследователи склонны считать, что Лоренцино не получил наследства по вине Алессандро, другие же утверждают, что Алессандро домогался физической близости с сестрой Лоренцино, красавицей Лодомией. Но, понимая честолюбие Лоренцино, в котором тоже текла кровь Медичи, можно предположить, что он просто решил сыграть роль Брута, убившего тирана. Убийца проводил много времени со своей жертвой. Вместе они читали стихи, обсуждали труды великих философов.

Алессандро Медичи не подозревал, как легко он попал в сети, расставленные кузеном. Считается, что

Лоренцино заманил Медичи в дом письмом, написанным от лица юной красавицы, а там его ждал, притаившись в комнате, наемный убийца Скоронконколо. День, выбранный для убийства, совпал по времени с праздником в честь святого Епифания, аналогичным празднику Крещения. В доме, выбранном для свидания, Алессандро ждал накрытый стол, горели свечи, в бокалах мерцало вино. Лоренцино предложил герцогу немного отдохнуть перед приходом красавицы. Здесь, в теплой и уютной постели, предназначенной для любви и наслаждений, герцога настигла смерть: убийца вонзил ему в грудь шпагу. Считается, что герцог умер не сразу. Он отчаянно сопротивлялся, но у него не было шанса выжить. Мертвое тело тирана осталось лежать на постели, залитой кровью, а его убийцы уже бежали из Флоренции. По другой версии, тело Алессандро Медичи завернули в ковер и вынесли из дворца, чтобы тайно закопать на кладбище. После совершенного убийства Лоренцино бежал в Венецию, где он заявил, что убил Медичи ради республики. Но ему никто не поверил, и спустя несколько месяцев он был убит в Венеции.

Алессандро Медичи стал одним из двух представителей династии Медичи, удостоенных чести быть похороненным в знаменитой гробнице Медичи работы Микеланджело.

Смерть Алессандро Медичи подвела черту в длинном списке наследников Козимо Медичи Старшего. Все последующие правители Флоренции, имевшие весьма отдаленные родственные отношения с кланом Медичи, использовали имя знаменитого семейства для укрепления своей собственной власти.

Младшая ветвь Медичи

После смерти прямого потомка Медичи власть оказалась в руках Козимо I (1537–1574), дальнего потомка по линии брата Козимо Старшего, Лоренцо. Честолюбивый тиран, Козимо I мечтал стать абсолютным монархом. Для этого ему необходимо было создать из Тосканы единое государство. Используя силу и власть, он с помощью собственного флота завоевал Сиену. Получив титул великого герцога, Козимо I короновался папой Пием V в Риме.

Не являясь потомком Медичи по прямой линии, Козимо I оказывал покровительство и поддержку сохранившимся членам клана Медичи, подчеркивая свою связь со знаменитым семейством. В дополнение к активной внешнеполитической деятельности Козимо I постоянно выступал в роли мецената. Благодаря его денежным средствам был отреставрирован знаменитый университет в Пизе.

Несмотря на дальнейшее родство, Козимо I страдал подагрой — болезнью, которая мучила многих представителей семейства Медичи. Однако проведенные современные исследования, как ни странно, опровергают причину смерти Козимо от подагры. Ученые обнаружили, что Козимо I страдал тяжелой формой артрита, более известной науке под названием «болезнь Форестье».

После смерти Козимо I власть перешла к Франческо Медичи (1541–1587), который уже не обладал ни сильным характером отца, ни его честолюбием. Полностью подчиняясь своей властной и умной жене Бьянке Капелло в вопросах финансов и политики, Франческо

оказался верен традициям, заложенным первыми Медичи. Именно благодаря его участию была открыта Академия *della Crusca*.

В 2007 г. итальянские ученые обнародовали результаты исследований захоронений Медичи, в том числе и захоронения великого герцога Тосканского Франческо I и его жены Бьянки Каппелло. Ранее было принято считать, что смерть супругов произошла одновременно в октябре 1587 г. Перед смертью супруги мучились страшными болями в области кишечника, после их смерти по Флоренции поползли слухи об отравлении. Несмотря на возникшие слухи, официально считалось, что супруги умерли от малярии. Однако проведенные исследования полностью опровергли эту версию.

Известно, что союз Франческо и Бьянки не был одобрен кланом Медичи, что послужило поводом для возникновения конфликта. Дело в том, что Франческо и Бьянка вступали в повторный брак. Свадьбе предшествовала загадочная смерть первых супругов новобрачных, что позволило предположить, что несчастные были отравлены по приказу самого герцога. Одновременная смерть супругов Медичи на вилле близ города Бонисталло вызвала весомые подозрения, связанные с их возможным отравлением. Теперь в роли отравителя выступал наследник престола, кардинал Фердинандо.

Чтобы остановить распространение слухов по Флоренции, Фердинандо приказал провести вскрытие умерших и указать публично точную причину смерти. Придворные медики, выполнив приказание кардинала, в качестве причины смерти, постигшей герцога и герцогиню, указали малярию. Спустя столетия

ученым представилась уникальная возможность опровергнуть или подтвердить версию медиков или слухи, распространявшиеся по Флоренции после смерти четы Медичи. Останки Франческо Медичи были захоронены в семейной базилике Сан-Лоренцо. Супруга герцога была захоронена отдельно от него, и место ее захоронения неизвестно. Считается, что ее похоронили в общей могиле, хотя проведенные исследования дают надежду на обнаружение захоронения Бьянки, которое может находиться в семейном склепе, но под вымышленным именем.

Хроники тех лет лишь сообщали, что внутренности усопших были извлечены и подвергнуты процессу бальзамирования. После проведения процедуры бальзамирования внутренности были погребены отдельно. Забальзамированные останки были найдены учеными в церкви Бонисталло спустя два года после вскрытия гробницы Медичи. В подземельях церкви были найдены два глиняных кувшина, в которых находились в почти истлевшем состоянии останки печени, принадлежавшие мужчине и женщине. Размер органов не превышал лесного ореха.

К радости ученых, найденные останки мужчины на основании генетического исследования принадлежали семейству Медичи, что дало основание предположить, что это останки герцога Франческо и его жены Бьянки. Результаты второго исследования оказались не менее впечатляющими. Исследование показало, что найденные останки содержали недопустимо высокое для человеческого организма содержание мышьяка. К сожалению, в руках ученых оказалось всего несколько волос из бороды Франческо. В 1947 г. его захоронение

было вскрыто неким ученым-антропологом, который по нелепому стечению обстоятельств уничтожил скальп с головы герцога. Тем не менее версию об отравлении подтверждают результаты анализа волос бороды Франческо Медичи, взятые при вскрытии захоронения в соборе Сан-Лоренцо, также содержащие мышьяк. Остается лишь догадываться, кто подмешал смертельную дозу яда чете Медичи.

Перед смертью своим преемником Франческо назначил младшего брата — кардинала Фердинандо (Фердинанд) I (1587–1609), заслужившего звание лучшего герцога из рода Медичи. За годы своего правления он успел уменьшить налоги, устроить гавань в Ливорно, осушить Мареммы, сблизиться во внешней политике с Францией. Оказывая покровительство науке и искусству, он основал музей Уффици. Наставником Фердинанда был великий ученый эпохи Возрождения Галилео Галилей. Оказавшись перед сложным выбором между духовным послушанием и светской жизнью государя и политика, Фердинандо решает снять с себя сан кардинала, что позволило ему в конце жизни назначить своим преемником сына — Козимо II (1590–1621).

К сожалению, с правления Козимо II, мечтавшего о славе великого полководца и активно занимавшегося для этого внешней политикой, начинается окончательный упадок Флоренции. Несмотря на неосуществимые планы на завоевание Испании, Козимо II продолжал покровительствовать науке, искусству и просвещению, лично поощряя научные труды Галилея.

При его сыне Фердинандо II (1610–1670) экономическое положение страны становилось с каждым годом все более удручающим. Продолжая оказывать

покровительство Галилео, Фердинандо II и кардинал Леопольдо, также относящийся к семейству Медичи, защищали ученого во время суда инквизиции над ним.

При сыне Фердинандо II Козимо III (1642–1723) упадок Флоренции был неизбежен. Сын Козимо — Джиованни-Гастоне (1671–1737) оказался не только физически слабым и болезненным, но также совершенно не способным к управлению государством. Смерть его сестры Анны-Марии, произошедшая в 1743 г., окончательно оборвала славную линию рода Медичи. После смерти Анны-Марии во Флоренции продолжали жить второстепенные потомки рода Медичи.

Столетия спустя после появления во Флоренции первых из рода Медичи, со временем образовавших несколько династических ветвей, вполне резонно предположить, что и во Флоренции XXI в. должны жить далекие отпрыски знаменитого семейства. В 2004 г. американские и итальянские ученые, проверяя информацию архивных документов середины XIX в., обнаружили склеп с неизвестным захоронением семейства Медичи. Гробница с захоронениями была закрыта от глаз посторонних люкообразной панелью в часовне Медичи церкви Микеланджело в Сан-Лоренцо.

После того как вход в склеп был открыт, перед учеными открылись семь ступеней, уходящие в глубь подполья. Ступени вели в просторную комнату, где были спрятаны 9 гробов, значительно пострадавших от землетрясения 1966 г. После проведенных исследований ученые сделали сенсационное заявление: в обнаруженном неизвестном ранее захоронении, принадлежащем семейству Медичи, найдены останки семерых неизвестных детей, мужское захоронение и захоронение последнего

великого герцога Тосканского из рода Медичи Джованне Гастоне, известного также под именем Джон Гастон. Джон Гастон вошел в историю Флоренции как большой любитель поесть и хорошенько выпить. Это был толстый и веселый человек, умерший в 1737 г. естественной смертью в возрасте 66 лет. Именно его останки пытались найти ученые, поскольку официальная гробница Джона Гастона пустовала.

Что же касается других захоронений, то они вызвали у историков неоднозначные суждения. Ни одно из найденных захоронений не имеет отношения к Медичи. Личность взрослого человека, чьи останки были захоронены вместе с Гастоном, также не была установлена. Один из мальчиков 9 лет был погребен в красных одеждах, а его голову венчала корона.

Одновременно с найденным неизвестным захоронением итальянские ученые приступили к научным исследованиям более 50 захоронений, сделанных в знаменитой семейной капелле Медичи во Флоренции. Узнав об этом, один из жителей города — некто Оттавиано де Медичи, утверждающий, что он является прямым потомком Лоренцо Великолепного, — изъявил желание пройти тест на определение ДНК, чтобы ученые могли составить истинное представление о генеалогическом древе рода.

Уже первые результаты исследований захоронений семейной усыпальницы Медичи потрясли ученых. Комментируя сделанные открытия, профессор университета города Пиза Джино Форначьяри назвал их шокирующими. В частности, во время эксгумации тела сына великого герцога Франческо I, Филиппино, о котором на момент начала исследований было извест-

но, что он умер в возрасте 4 лет и 9 месяцев, оказалось, что это останки годовалого ребенка. Это открытие дало повод предположить, что в склепе Медичи было захоронено тело другого, неизвестного ребенка, поскольку письменные источники однозначно указывают на возраст Филиппино Медичи. Ученые пришли к выводам о необходимости составления генетической карты семьи Медичи, в которой могли быть учтены и незаконнорожденные дети семейства на основе ДНК-тестов. Не подтвердилась версия и о насильственной смерти двоих детей герцога Козимо I Медичи.

Проект «Медичи» уже с самых первых находок может быть отнесен к уникальным. Приступая к работе над проектом, ученые видели своей задачей восстановить картину жизни флорентийского общества на примере одной отдельно взятой семьи через анализ привычек, характеров ее представителей. Тем более что в качестве исследуемой семьи было взято уникальное семейство, сыгравшее ключевую роль в становлении культуры и искусства эпохи Возрождения. Однако даже спустя столетия клан Медичи не спешит расставаться со своими семейными тайнами, пряча каждый раз новый «скелет в шкафу» и будоража воображение исследователей.

Глава 2

Борьба за власть: от сторонников народной демократии до тиранов

Первые Медичи появились во Флоренции в период времени, знаменующий собой переход от одной эпохи к другой, от Средневековья к Возрождению. На переломе двух великих исторических эпох время рождает самых ярких ученых, художников, писателей, архитекторов и... политиков. Время правления Медичи — это время авантюристов и мошенников, тайных убийств и политических заговоров. Медичи весьма комфортно ощущали себя в этой зыбкой, смертоносной среде, позволявшей людям с самым темным прошлым стремительно совершать восхождение вверх по социальной лестнице, двигаясь к вершинам власти; вчерашние простолюдины — искатели приключений — стремились как можно быстрее забыть темное прошлое, которое выдавало бы их истинное происхождение.

Не были исключением и Медичи, словно хамелеон, стремившиеся слиться с населением города, ставшего для беглецов новой малой родиной. Поселившись во Флоренции, они начинают создавать обновленную историю семейства, в которой не было бы «скелета в шкафу». Напомним еще раз читателям, что до сих пор у исследователей нет точной информации, кем были Медичи в действительности — лекарями, рыцарями или бежавшими от преследования евреями. Не вызывает сомнений лишь один исторический факт: уже первые Медичи были невероятно богаты. Понимая, что у них из-за финансового состояния может появиться множество врагов, готовых напомнить им о непонятном происхождении, чтобы уничтожить их формирующуюся торгово-банковскую империю, Медичи были вынуждены идти на любые компромиссы. Они создали семейный герб, чтобы закрепить свое положение состоятельных купцов и банкиров, стремились заключать браки с девицами из известных аристократических семейств. Окрепнув и встав на ноги, Медичи становятся и сами активными участниками политических интриг.

Политика уже задолго до времен Медичи превращается в искусство, в котором победу одерживают не знатным происхождением, подкрепляемым родовыми гербами, а деньгами и реальной властью, с помощью которой можно всегда с легкостью подчинить народ. Одно из определений термина «политика» звучит как «искусство возможного». Участвуя в политической жизни Флоренции, Медичи делали все для того, чтобы «искусство возможного» превращалось в их руках в «искусство невозможного». Благодаря тому что уже

первые из Медичи обладали значительным финансовым состоянием, они продолжали борьбу за власть над Флоренцией. Соревнуясь со своими конкурентами, в том числе и в торговых делах, Медичи могли похвастаться, что такого всепоглощающего желания обладать властью над народом не было ни у одного семейства во Флоренции.

Первые шаги к вершине власти

Если попытаться найти первого представителя семейства Медичи, для которого активное участие в политической жизни Флоренции было важнее ведения банковских дел, то это, без сомнения, Козимо Медичи Старший. Именно Козимо Старший с легкостью овладел искусством политической борьбы. Талант политика помог ему сконцентрировать в своих руках власть не только над Флоренцией, но и над частью Европы. Его главными поручителями выступали деньги банка Медичи, которые весьма искусно выдавались в качестве кредита не самым простым жителям Старого Света. В числе должников банка Медичи значились короли Англии и Франции, папа римский, титулованные особы Старого Света и даже богатейший город-республика Венеция.

Состояние Козимо Медичи к концу его жизни составляло огромную сумму — 400 000 золотых флоринов. Но, даже несмотря на это, знаменитый представитель династии был всего лишь простым жителем Флоренции, а не высокопоставленной особой. Сам приход Козимо в политику имел для него весьма горький привкус разочарования. Свое огромное состояние

Козимо и его брат получили от Джованни ди Бичи. Оказавшись в одночасье после смерти отца богатейшими наследниками, молодые Медичи решили возглавить во Флоренции партию пополанов, объединившую торгово-ремесленные слои населения города. Партия пополанов вела борьбу с аристократами, стремясь установить свою власть в городе. Не обладая опытом и знаниями политика, Козимо Медичи из-за поддержки партии пополанов оказался главной мишенью своих политических противников — партии аристократов, возглавляемой Ринальдо Альбицци. Ринальдо Альбицци, воспользовавшись политической наивностью Медичи, не замедлил обвинить его в распространении ложных слухов и подстрекании народа, в то время как Флоренция вела войну с городом Луккой.

Для жителей Флоренции этого обвинения в адрес Медичи было достаточно, чтобы призвать его к ответу. Узнав о приглашении Козимо Медичи в Синьорию, его друзья стали всячески отговаривать его не делать столь необдуманного шага и постараться на какое-то время скрыться из города. Между тем, уверенный в своей невиновности, Козимо Медичи явился в Синьорию, где ему было предъявлено обвинение в возвеличивании себя, что было в глазах флорентийцев одним из самых страшных преступлений, последствия которого для обвиняемого трудно было себе представить.

После вынесения обвинения Козимо Медичи был немедленно заключен под стражу и брошен в темницу, где он пробыл без воды и пищи четыре дня. В то время как Медичи мучился в темнице от голода, сырости и обиды, созданный чрезвычайный комитет —

балия (*balia*), в который входил в том числе и Ринальдо Альбицци, выступил с предложением казнить Медичи. Только промедление, допущенное членами чрезвычайного комитета, позволило Медичи с помощью денег убедить членов комитета заменить смертный приговор на изгнание из Флоренции. Чтобы понять истинные корни столь сурового приговора, вынесенного в отношении Медичи, следует внимательно взглянуть в историю Флоренции, предшествовавшую этим драматичным событиям.

Политическая система во Флоренции

С самых первых лет своего возникновения Флоренция заявляла о себе как о мощном экономическом и политическом центре. Со дня своего образования Флоренция была независимым городом-коммуной, что предопределило дальнейшее развитие этого города. К XII в. Флоренция стала мощным экономическим и политическим центром северной и центральной Тосканы.

Главные политические принципы управления Флорентийской республикой были заимствованы из Рима периода республики и заключались в следующем: невозможность насильственного захвата власти одним лицом и вовлечение граждан в формирование органов власти. Общее собрание граждан явилось высшим представительным органом власти республики, собираемым четыре раза в год. Из состава собрания избирался Совет численностью в 150 человек, имевший законодательные функции. В Совет входили наиболее

представительные граждане Флоренции. Исполнительная власть в городе принадлежала коллегии двенадцати консулов, избираемых сроком на один год.

Особое место в республике занимала аристократия, сформировавшаяся из мелких и средних рыцарей и купечества, сумевших придать власти во Флоренции ярко выраженный олигархический характер. Термин «олигархия» впервые был использован в трудах античных философов Платона и Аристотеля для обозначения власти богатых людей, противопоставляющих себя власти аристократии. Богатейшие семейства Флоренции, обязанные своим богатствам не знатности происхождения, а исключительно коммерческой удаче и успеху, начинают постепенно включаться в борьбу за власть над городом, вытесняя с политической арены представителей аристократических кругов. Формированию олигархического характера правления во Флоренции во многом способствовали внешние факторы. В XIII в. Флоренция объединилась с городом Луккой, чтобы вместе вести борьбу с общим противником Пизой — крупнейшим морским портом Тосканы. Объединение Флоренции и Лукки послужило поводом для начала борьбы внутри Флоренции между партией гвельфов и гибеллинов.

Партии гвельфов и гибеллинов объединили в непримиримой борьбе сторонников и противников папы римского и императора Священной Римской империи. Если гвельфы выступали за переход власти в городе под покровительство папы римского, то гибеллины, наоборот, считали, что власть должна быть передана императору Священной Римской империи. В разные периоды истории власть во Флоренции переходила с

переменным успехом от гвельфов к гибеллинам и наоборот, что не могло не сказаться на политической атмосфере в городе. Бурная политическая борьба в городе между гвельфами и гибеллинами, нарушавшая размеренную жизнь города, жители которого выступали против концентрации власти в руках одного человека, предсказуемо привела к изменению внутренней политики Флоренции. Коллегию двенадцати консулов неожиданно сменил подеста, превратившийся в единовластного правителя Флоренции. Новая должность представляла интересы все тех же торгово-ремесленных слоев, которые со временем стали основой олигархии. Объединяясь в цеховое братство, пополаны вели успешную борьбу с представителями аристократии, не желая делить с ними власть в городе.

В 1238 г. новым подестой был назначен незаконнорожденный сын императора Священной Римской империи Фридрих Антиохийский, что привело к вновь начавшейся борьбе между гвельфами и гибеллинами. Результатом противостояния стало установление во Флоренции в 1250 г. периода первой демократии. Подеста был отстранен от власти, а во главе республики встал капитан народа, являвшийся главой малой пополанской коммуны. Одновременно флорентинцы избрали Совет старейшин, сконцентрировавший в своих руках финансовое и фискальное управление республикой.

С 1260 по 1293 г. во Флоренции устанавливается период приората и переход власти к сторонникам императора, продлившийся достаточно недолго. Острая политическая борьба, разворачивавшаяся между гвельфами и гибеллинами, не помешала Флоренции к концу XIV в. превратиться в ведущий промышленный и

финансовый центр Европы, где успешно развивались банки, мануфактурное производство, формировались основы капиталистических отношений.

После отстранения от власти сторонников императора во Флоренции была проведена принципиально новая система управления городом. Было введено полезное новшество: теперь на государственные должности чиновники выбирались по жребию. При этом за каждым из 21 цеха Флоренции закреплялось право на власть. Затем изжившая себя система советов и коллегий была упразднена, а вместо нее были созданы Совет коммуны, которому были вручены судебные и законодательные полномочия; Совет народа при капитане, отстаивавший интересы цехов, и Совет 100, выполнявший роль Сената республики. Во Флоренции появились 16 гонфалоньеров, представлявших интересы 16 районов и вместе с 12 ранее избранными старшинами образовавших Совет Синьории. Совет Синьории занимался утверждением законов, предлагаемых приорами до рассмотрения в Совете. При вновь созданной системе управления Совет народа и Совет коммуны представляли высшие законодательные органы Флорентийской республики.

Продуманная до тонкостей система управления делала невозможной любую узурпацию власти в городе одним лицом, сохраняя тем самым заветы предков. В 1343 г. Синьория состояла из 9 приоров, причем распределение по цеховой принадлежности было осуществлено следующим образом: два приора избирались от старших цехов, три от средних, три от младших. Последний, девятый, приор избирался поочередно от каждого цеха. Подобная система власти открывала

доступ к управлению городом представителям младших цехов. В середине XIV в. возможность избираться на государственные должности во Флоренции получили члены 21 цеха. Исключение составляли магнаты, иммигранты, наемные рабочие, нецеховые ремесленники. По закону, проведенному в 1351 г., в обязанности Синьории входило выявление граждан, уличенных в симпатии гибеллинам, также отстраняемых от выборов. Закон 1351 г. на деле позволял с легкостью избавляться от неугодных, стремящихся к власти.

Выборы в высшие органы власти Флоренции были всегда очень представительными. Число кандидатов, предлагаемых во время жеребьевки для работы в Синьории, доходило от 2000 человек и более. Приоров избирали сроком на два месяца. Полномочия членов Совета коммуны и Совета народа распространялись на шесть месяцев. С каждым годом процедура выборов становилась все более и более гибкой, что в конце XIV в. позволяло представителям правящей флорентийской олигархии, возглавляемой Альбицци, жестко контролировать процедуру выборов, позволявшую удерживать власть олигархам на протяжении десятилетий.

Учитывая печальный опыт борьбы гвельфов и гибеллинов, негативно отразившейся на экономическом и политическом положении Флоренции, во второй половине XV в. здесь появляется особая чрезвычайная комиссия — бальи (итал. *balia*). Комиссия бальи работала лишь в период кризисов, внутренних или внешних, получая на время работы особые полномочия. Появлению нового чрезвычайного органа способствовали события, развернувшиеся во Флоренции, глав-

ным участником которых стал один из представителей семейства Медичи — Сальвестро де Медичи.

Сальвестро де Медичи станет единственным человеком из клана Медичи, сумевшим своими речами и призывами поднять простой народ на бунт, известный как восстание «чомпи». Эти драматические события развернулись весной 1378 г. во время вступления в должность нового гонфалоньера справедливости. Этим новым гонфалоньером справедливости и должен был стать Сальвестро де Медичи, снискавший себе славу народного трибуна.

Все попытки флорентийской аристократии не допустить к власти простолюдина из рода Медичи не увенчались успехом. Первого мая Сальвестро не только вступил в должность, но и, опираясь на простое население города, начал готовиться к восстанию против грандов, управлявших Флоренцией, за восстановление демократии. Восстание, которое было спровоцировано уходом Сальвестро Медичи с поста гонфалоньера справедливости, обернулось крупнейшим за всю историю Флоренции народным бунтом. Силы восставших и их противников не были равными. Восстание завершилось полным поражением народных масс, лидеры были схвачены и казнены. Но больше всего пострадало семейство Медичи.

Из-за участия и главной роли в восстании Сальвестро Медичи и некоторые члены семейства были изгнаны из Флоренции, другие затаились на долгие тринадцать лет, ожидая, когда из памяти флорентийцев сотрется это позорное пятно на репутации Медичи. От полного физического уничтожения семейство Медичи спасла лишь добрая слава первых Медичи, с 1293 г.

избравшихся на должность гонфалоньера справедливости, в обязанность которого входило исполнение судебных решений, принятых в отношении лиц, состоявших на государственной службе.

После подавления восстания чомпи власть олигархов в городе приобрела постоянный характер. Начавшееся военное противостояние между Флоренцией и Луккой привело к наделению бальи правом изгонять из города лиц, обвиненных в измене. Очень быстро бальи стали цепными псами флорентийских олигархов, сумевших подчинить себе политическую власть во Флоренции.

Триумфальное возвращение

В этих непростых политических интригах Козимо Медичи — богатейший наследник состояния империи Медичи, поддержав партию пополанов, сразу же оказался в числе опасных политических врагов олигархического семейства Альбицци и в полной мере испытал на себе маховик власти, что, впрочем, не сломало его, а стало полезным уроком. Находясь в изгнании по решению бальи, Козимо Медичи сумел провести блестящую политическую операцию, целью которой было возвращение в родной город, на что у него имелись вполне законные основания. В 1433 г., через год после изгнания, Медичи вернулся в город триумфатором, одержав блистательную победу на выборах в правительство республики. Тайна столь триумфального возвращения, так же как и секрет долгой политической жизни Козимо Медичи, скрывалась в его житейской мудрости и политическом благоразумии.

Козимо Медичи никогда не позволял себе показать своим противникам и оппонентам, насколько велико его личное финансовое состояние, чем открывал бы дорогу для зависти. Для Медичи зависть была опаснейшей травой, которую следовало не поливать, а иссушать, не позволяя расти всходам. Находясь в изгнании, Козимо Медичи сумел заручиться поддержкой самых влиятельных флорентийских семей, чьи голоса открыли ему дорогу к возвращению. Такое же особое благоразумие было проявлено Медичи в случае со строительством нового дворца Медичи во Флоренции. Приступая к строительству дворца, он отказался от проекта, предложенного ему известным архитектором Возрождения Филиппо Брунеллески.

Дворец испугал его роскошью и огромными размерами, бросавшими вызов простым жителям Флоренции. Зато проект пришелся по душе конкуренту и сопернику по коммерческим делам Луке Питте, ведшему отсчет истории своей семьи от славного рода Питте, более древнего и знатного, чем Медичи. Желая еще больше унижить противника, Питте потребовал от Брунеллески, чтобы двор дворца мог вместить всю резиденцию Медичи, а окна здания были равными по размеру дверям особняка Медичи.

К несчастью для Питте, строительство не принесло ему ни любви флорентийцев, ни зависти Медичи. Потратив на стройку все свое состояние, несчастный умер, так и не завершив строительство. По иронии судьбы дворец будет позже куплен новым официальным правителем Флоренции Козимо I Медичи, герцогом Тосканским.

Козимо I Медичи каждым из принятых политических решений стремился показать, что он является

не только сторонником политики жесткой руки, стремящимся к порядку, но и потомком богатейшего флорентийского рода, не имеющего достойных соперников. Перебравшись из мрачного и неуютного дворца Медичи в палаццо Синьории, он всем своим видом показывал гражданам города, кто теперь является его главой. Но и это новое помещение показалось ему недостойным для герцога Флоренции жилищем, и тогда он купил то самое палаццо Питти, которое возводилось с одной лишь целью — унижить Козимо Медичи Старшего. Ненавидя демократию, Козимо I Медичи, чтобы не встречаться с простолюдинами, приказал построить подземный проход, ведущий от галереи Уффици на площадь Синьории. Совершая прогулки по Флоренции, Медичи потребовал, чтобы вокруг моста Понте-Веккье, встречавшегося ему на пути, были убраны лавки торговцев мясом, тухлый и зловонный запах которых портил прогулки герцогу. Вместо мясных лавок были выстроены лавки золотых дел мастеров, и эта традиция сохранилась в современном облике Флоренции.

Но были ли возмущены столь дерзким поведением флорентийцы? Нет, Флоренция приняла этого маленького тирана, вступив с ним в настоящий брак по расчету, утомленная своими бурными романами с правителями, мечтавшими сохранить осколки античной демократии. Впрочем, никто из Медичи, даже демонстрируя свою любовь и верность простому народу и выступая в защиту черни, не мечтал о подлинной демократии, которая могла быть установлена во Флоренции.

Хотелось бы отметить весьма любопытную деталь, касающуюся периода правления Медичи во Флорен-

ции. Несмотря на огромную власть этой семьи над Флоренцией, никто из клана Медичи никогда не проявлял презрения к городской черни. Во многом именно это подкупающее отношение к беднякам позволило Медичи сохранять за собой власть и избегать потрясений на протяжении столетий, даже когда на смену республиканским идеалам Флоренции пришла система власти «синьора». Козимо Медичи Старшего можно назвать одним из немногих правителей Флоренции, который, используя качели соглашений и компромиссов, сумел создать механизм политического диалога со всеми слоями общества, названный в XX в. толерантностью.

С 1439 по 1445 г. во Флоренции по инициативе Медичи проходила работа Вселенского собора, итогом которого стало подписание знаменитой Флорентийской унии между католическим Ватиканом и православным Константинополем. То, что этот важный политический документ между двумя враждующими христианскими церквями был подписан во Флоренции, подняло международный престиж города-республики.

Медичи стал самой авторитетной фигурой в городе. В последующие годы хитрый и прозорливый Козимо Медичи стремился не нарушать открыто республиканской конституции, поэтому всегда старался учитывать мнение оппозиции. Стремясь сформировать в сознании флорентийцев образ мудрого и справедливого правителя, Козимо Медичи открыл во Флоренции первую в Европе публичную библиотеку, а через несколько лет восстановил уникальную Платоновскую академию, собравшую в своих стенах самых талантливых и ярких интеллектуалов Италии.

Помимо этого, Козимо Медичи неустанно проявлял заботы о внешнем облике города, занимался его благоустройством. Благодаря стараниям Козимо Медичи в городе будут творить, создавая свои великолепные творения, Донателло, Брунеллески и Фра Анжелико. Оставаясь по своей сути тираном и обладая огромной властью над Флоренцией, Козимо Медичи, уходя, собирался передать власть над Флоренцией своим сыновьям — Пьеро и Джованни. Однако править пришлось только одному из них — Пьеро, потому что Джованни умер еще при жизни отца.

Период правления Пьеро Медичи не принес семейству особой славы, более того, власть едва не выпала у них из рук благодаря заговору Питти. Нерешительный и неумный политик, Пьеро Медичи все-таки сумел отдать управление Флоренцией своим сыновьям — Лоренцо и Джулиано.

Правление Лоренцо и Джулиано Медичи во Флоренции было также омрачено заговором, известным как заговор Пацци, превратившим окончательно Медичи в единоличных тиранов Флоренции.

Заговор Пацци

Заговор Пацци относится к одному из наиболее ярких исторических эпизодов, показывающих непростое политическое утверждение абсолютной власти клана Медичи над Флоренцией. Сюжет этой запутанной и драматичной истории напоминает по динамичности и трагизму жанр детективного романа. В конце XV в. во Флоренции после упорной и продолжительной политической войны между двумя мощными по-

литическими и финансовыми кланами победа была одержана семейством Медичи. Никому не известный, но богатый клан Медичи победил влиятельный аристократический род Пацци. Благодаря победе, одержанной Медичи, их финансовая власть с этого момента распространялась не только на территории города Флоренции, но и за его пределами, что было весьма важно для их банкирского дома. С тех пор Медичи получили возможность финансировать лучшие королевские дома Европы и папский престол.

Вся политическая и финансовая полнота власти оказалась сосредоточена в руках двух молодых представителей клана Медичи — Лоренцо и Джулиано. Финансовая империя Медичи переживала стремительный расцвет, в то время как финансовое положение семейства Пацци становилось с каждым днем все более незавидным. Допустить, чтобы не имеющий аристократических корней клан победил в конкурентной борьбе за Флоренцию, Пацци не могли. Со временем борьба между семейством Медичи и семейством Пацци превратилась в настоящую войну на выживание, полем битвы которой стала Флоренция.

Безусловно, Медичи также испытывали огромное желание как можно быстрее избавиться от своих конкурентов. Что же делали Медичи, чтобы устранить своих явных противников? В отличие от клана Пацци Медичи предпочли тактике политического заговора тактику политической блокады. Фактически семейство Пацци оказалось заблокировано в своей финансовой деятельности, и единственный путь, ведущий к сохранению их финансовой империи, лежал через уход из Флоренции.

Оказавшись в ситуации финансовой войны, Пацци решились на отчаянную попытку физического устранения Медичи. Понимая слабость своего положения, Пацци обращаются за поддержкой к наиболее знатным и древним аристократическим семействам Флоренции, также не испытывавшим симпатии к «выскачкам» Медичи, чье происхождение и природа финансового состояния были покрыты завесой таинственности. В отличие от Медичи представители династии Пацци могли похвастаться не только родовитостью и знатностью своего семейства, запечатленными в городских хрониках, но и той особой ролью, которую члены семейства играли в жизни города. Именно этот солидный багаж позволял им надеяться на успех своего рискованного плана.

В 1099 г. среди участников Первого крестового похода был славный рыцарь капитан Паццино Пацци родом из Флоренции. Благодаря своей исключительной храбрости и смелости Паццино первым из крестоносцев сумел перебраться через Великую стену, окружавшую Иерусалим, мощными ударами меча разметая в стороны неверных и расчищая путь к священным реликвиям. Смелый рыцарь не только сумел преодолеть неприступную твердыню на глазах у шедших за ним рыцарей-крестоносцев: предвосхищая победу над врагами, он водрузил на иерусалимскую крепостную стену священную христианскую хоругвь.

Этот смелый поступок запечатлен в исторических хрониках Первого крестового похода. В благодарность за исключительную смелость храбрый рыцарь Паццино, имя которого на итальянском языке означает «сумасшедший», получил не только благодарность от

Готфрида Бульонского, провозглашенного после захвата крестоносцами Иерусалима правителем Иерусалимского королевства, но и нечто более ценное. Из рук барона Готфрида де Бульон, принявшего титул «Защитника Гроба Господня», рыцарь Паццино получил два, а по некоторым сведениям — три осколка кремня из Гроба Господня. Священные реликвии рыцарь Паццино должен был доставить во Флоренцию на празднование светлого Христова Воскресения. Вернувшись в родной город из крестового похода, храбрый рыцарь завещал своим потомкам возжигать ежегодно на праздник Пасхи ритуальный огонь с помощью привезенных кремневых осколков. Так семейство Пацци стало их вечным хранителем. Вместе с этим правом члены семейства Пацци обрели, согласно легенде, еще один дар. Потомки славного рыцаря верили, что священные осколки обладали волшебной силой. Поднесенные к смертельным ранам члена рода Пацци священные камни давали исцеление. Утрата камней пророчествовала роду Пацци смерть.

С XI в. члены рода свято соблюдали завет предка, зажигая огонь на Пасху, о которой возвещал голубь, вылетевший из собора Санта-Мария дель Фьоре. Угли от священного огня раздавались всем благочестивым прихожанам, пришедшим в праздник на площадь к собору. От этих углей жители Флоренции зажигали свои семейные очаги для того, чтобы очистить свои дома от скверны.

Примечательно, что эта древняя традиция сохранилась в культуре Флоренции и до настоящего времени. В измененном виде она получила название «Огненной колесницы», или *Brindellone*. По случаю празднования

Пасхи в современной Флоренции сооружается колесница, по своей форме скорее напоминающая башню. Во время пения певчими гимна *Gloria* епископ запускает игрушку-«коломбину», изготовленную из железа и окрашенную в белый цвет, по форме напоминающую фигурку голубки. Игрушка, пролетая над повозкой, поджигает потешные огни, спрятанные в повозке, а затем возвращается к алтарю. При этом все флорентийцы и гости города, столпившиеся в ожидании чуда взрыва колесницы, или *Scoppio del carro*, на площади перед собором Санта-Мария дель Фьоре, в напряжении следят за тем, чтобы голубка совершила свой полет и зажгла огонь. Согласно поверью, если голубка прерывала свой полет, следовало ожидать неурожайного года или несчастий, готовых обрушиться на город.

О том, что этому обряду придавалось особое, почти мистическое значение, свидетельствует исторический факт, запечатленный в хрониках города. В 1478 г. один из трех священных камней, хранителями которых были члены семейства Пацци, был таинственным образом утрачен. В тот год священный огонь Пасхи не был зажжен от реликвий, привезенных рыцарем Паццино Пацци. Именно в этом флорентийцы усмотрели дурное предзнаменование для членов семейства Пацци, несмотря на то, что камень был найден после праздника. Мрачные события не заставили себя ждать.

По странному, почти мистическому совпадению, выбирая день покушения на Медичи, члены семейства Пацци остановили свой выбор именно на дате 26 апреля 1478 г. — дне празднования Пасхи, что изначально пророчествовало несчастью членам семейства Пацци. Священный праздник Пасхи обернулся для

флорентийцев страшными расправами над родом Пацци. Кровавая волна человеческой боли и страданий захлестнула Флоренцию.

Главной целью заговорщиков стали не все многочисленные члены клана Медичи, а только сыновья Пьеро Медичи — Лоренцо и Джулиано. Местом покушения заговорщиками был избран кафедральный собор Флоренции, где должна была, согласно установленному христианскому ритуалу, произойти торжественная месса, выбранная заговорщиками декорацией для готовящегося нападения.

Младшему из братьев — Джулиано Медичи — в тот год исполнилось 24 года. Он был хорош собой, любим толпой и обожаем женщинами. Он делал только первые шаги во власти, предоставив всю самую тяжелую и трудную работу публичного политика своему старшему брату Лоренцо, всего на несколько лет опережавшему его по возрасту, но при этом отличавшемуся ясным умом государственного мужа. Он уже успел основать Академию Платона и снискать себе славу поэта. Лоренцо Великолепный, в отличие от младшего брата, обещал занять место блестящего политика не только Флоренции, но и всей средневековой Европы. Для Пацци, однако, не было разницы в том, кого из братьев следовало убить во время заговора. И Джулиано, и Лоренцо были одинаково опасны Пацци уже тем, что принадлежали к мощному банкирскому дому Медичи и являлись первыми людьми города, чего они не могли допустить. Ненависть Пацци была настолько сильна, что ее уже не мог остановить даже межклановый брак Бьянки Медичи, родной сестры Лоренцо Великолепного, и Гульельмо де Пацци, в котором было рождено 15 детей.

Раздор между богатейшими банковскими домами Флоренции был результатом интриг хитрого и коварного папы Сикста IV. К моменту заговора папа римский был уже немолодым человеком, и его заветной мечтой было подчинить своей власти богатый город Флоренцию. Для осуществления своей мечты ему следовало лишь удалить от власти членов семейства Медичи, вступивших с ним, самим папой, в спор за влияние на Италию.

Для Медичи как политиков было важно сохранить баланс политических сил государств, расположенных на Апеннинском полуострове, главную роль в котором играл Милан. Заполучив Милан в качестве своего союзника, Медичи могли установить политическое равновесие с Неаполитанским королевством, что могло, в свою очередь, привести к нейтрализации Венеции и Папской области, выступавших главными торговыми конкурентами Флоренции. Кроме этой опасности, папе угрожала еще одна, не менее серьезная опасность, исходящая от семейства Медичи. Лоренцо Медичи, стремясь максимально укрепить свои позиции во Флоренции, мечтал сделать одного из членов своего семейства кардиналом. Наиболее реальной кандидатурой на пост кардинала был младший брат Лоренцо Джулиано. Папа же мечтал посадить во Флоренции членов семейства Пацци в роли марионеточных правителей, превратив город-республику в небольшое светское государство в центральной части Италии, полностью подчиненное папе, и не допустить Медичи до папского двора, что, впрочем, полностью совпадало с интересами семейства Пацци, главная цель которых заключалась в устранении соперников.

Анализируя весь ход заговора, можно с удивлением обнаружить его бессмысленность и отсутствие должной подготовки. Историки справедливо считают, что если бы заговора Пацци не было, то его непременно следовало бы выдумать. В действительности заговор, способствовавший еще большему укреплению власти Медичи во Флоренции, как нельзя лучше послужил возвышению клана. Именно после расправы над заговорщиками Лоренцо Медичи стал называть себя Великолепным. В этом заговоре поражает то, что даже спустя столетия он продолжает оставаться одним из самых загадочных преступлений, совершенных в эпоху Возрождения. Главная интрига данного преступления, произошедшего более 526 лет назад, кроется в его организаторах и авторах.

Анализируя социально-экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся во Флоренции и Риме во время совершения покушения на братьев Медичи, современные итальянские исследователи обратили внимание, что даже в случае удачно завершившегося убийства папа не мог бы получить желаемой власти над Флоренцией. Как показывают события, несмотря на непримиримое противостояние между папой римским и Медичи, а также на последовавшее отлучение жителей Флоренции и Лоренцо Медичи от церкви, со временем противоречия были сглажены и между папским престолом и Медичи вновь были установлены дружеские отношения. Так кто же больше, чем папа римский, был заинтересован в устранении от власти Медичи?

В руки итальянских исследователей попали уникальные письменные документы, долгие годы пролежавшие

среди других старых бумаг в библиотеке города Урбино. Найденные письменные источники были зашифрованы, и лишь после их расшифровки ученые обнаружили тайну, хранившуюся долгие столетия в тиши библиотечных залов. Одним из документов было письмо, автором которого был не кто иной, как владетельный герцог Урбино Федерико ди Монтефельтро. В нем прописан детальный план убийства братьев Медичи. Адресатами письма были два посланника Урбинского герцогства, в то время находившиеся при дворе папы Сикста IV.

Описывая подробно план покушения на Медичи, герцог настоятельно предупреждал своих посланников, чтобы те внушили папе, что в случае его отказа или промедления осуществить убийство Медичи вспыхнет ненависть к папскому престолу со стороны Милана и Венеции. Предавая публичности содержание письма, ученые обнажили новые черты, характеризующие Федерико ди Монтефельтро как политика макиавеллиевского типа, более напоминающего в своем поведении лису, чем льва.

Подобных открытий и маленьких сенсаций, раскрывающих по-новому людей и события прошлого, достаточно много. Поэтому мы постараемся избегать одной-единственной исторической линии, в которой Медичи рассматриваются как величайшие убийцы и отравители. Тем не менее их роль в истории в оценках современников и потомков неоднозначна.

Сегодня заговор Пацци рассматривается как пример классической экономической войны, целью которой было желание сохранить свой бизнес и устранить конкурента любой ценой. В этом заговоре в тесный узел

сплелись интересы сильных игроков, и разрешить эти противоречия дипломатическим путем было уже невозможно. Первым на финансовую империю Медичи начал атаку папа римский, который принял решение передать финансовые привилегии на распоряжение папской казной от семейства Медичи роду Пацци. Чтобы остановить финансовое возвышение Пацци, Лоренцо Великолепный в ответ на шаги, предпринятые папой, ограничил экономические возможности соперников. Однако следующий шаг, предпринятый Сикстом IV, нанес сокрушительный удар по финансовому положению клана Медичи, еще более мощный, чем лишение Медичи привилегий на распоряжение папской казной. Папа отнял у Медичи монопольное право на торговлю квасцами, приносившую колоссальную прибыль финансовой империи Медичи на протяжении столетия.

Сделав все для того, чтобы ослабить финансовую мощь Медичи, папа римский надеялся на успешное завершение этой интриги, рассчитывая, что, получив такую мощную поддержку папского двора, Пацци без особого труда расправятся с членами банкирского дома Медичи.

В то время как папа римский плел свою паутину вокруг Медичи, с каждым шагом все туже и туже стягивая экономическую сеть, флорентийское общество оказалось расколотым на сторонников и противников Медичи. Используя поддержку папского двора, Пацци привлекли в ряды заговорщиков флорентийского прелата Франческо Сальвиати, банкира Бернардо Барончелли, графа ди Монтесекко. Последний в то время выполнял обязанности командующего военным корпусом. Эта должность позволяла ему

ежедневно встречаться с Медичи, превращая его в глазах заговорщиков в уникальный источник информации.

Разжигая пламя вражды между Медичи и Пацци, Сикст IV направил нового кардинала, родного племянника, в город Исмолу, расположенный рядом с Флоренцией. Вновь назначенный кардинал должен был следить за событиями, разворачивавшимися во Флоренции, при необходимости направляя и поддерживая семейство Пацци. Второй племянник папы — Джироламо Риарио — стал архиепископом Пизы. Назначая Риарио на эту должность, папа рассчитывал, что Медичи не смогут отказаться от личного участия в церемонии встречи нового представителя папского двора. Лучшего случая для осуществления коварного замысла невозможно было себе представить. В свиту, сопровождавшую Медичи на церемонию, под видом слуг были незаметно включены заговорщики. При необходимости на помощь заговорщикам были готовы прийти и солдаты папской гвардии, сопровождавшие кардинала. Однако в столь мастерски составленный план заговора вмешалось Провидение.

Ожидая официального прибытия первых лиц Флоренции, свита кардинала остановилась недалеко от города. Все посвященные в тайный план заговора в нетерпении ожидали прибытия братьев Медичи. Однако на встречу с архиепископом прибыл лишь младший из братьев — Джулиано. Убийство только одного брата не входило в планы заговорщиков, и план коварного двойного убийства был сорван. Сегодня достаточно трудно установить истинную причину отсутствия Лоренцо Великолепного на торжественной церемонии встречи кардинала. Природная интуиция или здравый смысл ос-

тановили Лоренцо от рокового шага, но судьба в тот раз дала возможность братьям избежать смерти.

К сожалению, подобное счастливое везение происходит в жизни реже, чем того требует ситуация. Столь необходимое везение отвернулось от братьев Медичи во время заговора 1478 г., и клинок убийц все же достиг своей цели. Если бы не отсутствие Лоренцо Медичи во время торжественной встречи кардинала, заговорщики с легкостью осуществили бы свой план, приобретая не только власть над Флоренцией, но и мощную финансовую империю Медичи, чего нельзя было сказать о ситуации, складывавшейся вокруг клана Медичи в апреле 1478 г.

Усилия, направленные папой на финансовое уничтожение дома Медичи, принесли свои плоды. Банкирский дом Медичи испытывал серьезные финансовые проблемы, разрешить которые без крупных денежных вложений было невозможно. Именно это обстоятельство заставило одного из заговорщиков — Ренато — решительно выступить против плана папы, в основе которого лежало физическое устранение Медичи. Зачем подвергать себя опасности, доказывал заговорщикам Ренато, когда следует чуть-чуть подождать. Нужно предложить Медичи денежный заем под высокий процент, от которого они не смогут отказаться, чтобы хоть как-то спасти свое положение, и затем довести Медичи до разорения.

Этот путь уничтожения Медичи был верным, но слишком долгим. Несмотря на запутанность финансового состояния дел Медичи, талант Лоренцо Великолепного мог затянуть агонию некогда богатого торгового дома на годы. Утратив монополию на продажу

квасцов и право распоряжаться папской казной, Медичи постепенно бы обанкротились. Лишение финансовой устойчивости Медичи незамедлительно привело и к утрате политической власти над Флоренцией.

Могли бы заговорщики услышать здравый смысл, скрывавшийся в словах Ренато? Жажда власти и ненависть к Медичи не давали возможности заговорщикам прислушаться к его словам. Главный из заговорщиков — Франческо Пацци — уже видел себя во главе республики. Желание Франческо Пацци расправиться с Медичи поддержал и Джироламо Риарио, видевший угрозу папскому двору в усилении власти Медичи. Мечтал о мести и папа Сикст IV, почтенный возраст которого не позволял мешкать.

Проникнув в собор, заговорщики ждали сигнала, чтобы, обнажив клинки своих мечей, расправиться с ненавистными Медичи. Сигналом для начала кровавой резни в храме послужили слова причастия, произнесенные священником: «*Agnus Dei, qui tollis peccata mundi: miserere nobis*» (в пер. с лат. «Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, помилуй нас»). Вслед за этими словами раздался удар церковного колокола, возвестившего прихожанам о начале вознесения Святых Даров.

В тот момент, когда атмосфера службы еще окружала всех присутствовавших в храме, в смирении преклонивших колени перед алтарем, заговорщики вынули клинки из ножен. Первым получил удар клинком младший брат — Джулиано. Предательский удар меча в голову поразил коленопреклоненного Джулиано, лишив его шанса на спасение. Вслед за первым ударом Бернардо Бандини нанес Джулиано, упавше-

му на пол собора, второй удар кинжалом в грудь, а затем наступило время безудержной ярости, которую выплеснул на беззащитного противника Франческо Пацци. По свидетельству очевидцев трагедии, Пацци наносил в уже бездыханное тело удар за ударом. Всего, по заключению экспертов, проводивших эксгумацию останков Джулиано, было нанесено 19 ран.

Вторая группа заговорщиков должна была расправиться с Лоренцо. В эту группу входили Маффеи и Баньоне, а возглавлял ее Джакоппо Пацци, старший из братьев Пацци. Однако, несмотря на мощную поддержку заговорщиков испанцами из свиты кардинала, Лоренцо счастливым образом избежал смерти. Клинки заговорщиков смогли ранить его в шею, но рана не была смертельной. Отбиваясь от нападавших мечом, в окружении своих единомышленников Лоренцо Медичи чудом удалось выбраться из собора, на полу которого осталось лежать недвижимое растерзанное тело любимого брата.

Понимая, что судьба не дает ему шанса на передышку, Лоренцо уже спустя час после заговора обращался к народу Флоренции, стоя на балконе дворца Медичи. Вместо привычных двух фигур братьев Медичи перед собравшейся толпой возвышалась одна окровавленная фигура Лоренцо Великолепного. Бледность его скорбного лица, кровавые повязки, торопливой рукой наложенные на шею, и спокойная мужественная речь, с которой Лоренцо обратился к народу Флоренции, заставили жителей города встать на сторону Медичи. Что мог сказать народу политик, еще не успевший предать земле тело коварно убитого брата и горящий огнем мщения? Надо отдать должное

таланту и выдержке Лоренцо. Обращаясь к флорентийцам в надежде обрести так необходимую ему силу и поддержку, он призвал их держать себя в руках, чтобы суметь свершить справедливость, не причиняя вреда невиновным. О себе Лоренцо лишь скромно добавил, что его рана не опасна. Толпа, собравшаяся у стен дворца, замерла, но лишь на мгновение, чтобы затем разразиться громкими криками радости! Ради Лоренцо Медичи флорентийцы были готовы на все.

В то время как Лоренцо искал поддержку у народа, часть заговорщиков, пытаясь спасти положение, которое с каждой минутой становилось все более и более трагичным для них, направили небольшой отряд во главе с архиепископом Сальвиати, чтобы силой захватить дворец Синьории. Понимая, что ему необходима поддержка, чтобы захватить власть в городе, архиепископ решился на политические переговоры с гонфалоньером справедливости Чезаре Петруччи. Предлагая в обмен на политическую поддержку продвижение по политической лестнице сына, архиепископ не сумел добиться необходимого союза.

Не располагая информацией о произошедшем убийстве, но чувствуя надвигающуюся опасность, проницательный Петруччи арестовал архиепископа, а его тридцать подручных оказались запертыми в потайной комнате, куда они попали, доверившись Чезаре Петруччи. Сам Чезаре Петруччи, имея под рукой лишь несколько вертел от очага, кочерги и другие средства, вооружив прислугу и членов городского совета, своих соратников, поднялся на башню Синьории, откуда он ударил в набатный колокол, возвестивший об опасности, подстерегающей республику.

Не сумев убить Лоренцо Медичи, Джакоппо Пацци собрал около сотни человек союзников, выехал на улицы Флоренции и начал призывать горожан к свержению ненавистных ему тиранов Медичи. «Народ и свобода!» — кричал Джакоппо, обращаясь к флорентийцам, пытаясь разжечь недовольство кланом Медичи. Однако, к ужасу Джакоппо, народ Флоренции не только не поддержал его, а, напротив, он и его союзники оказались забросанными градом камней. При этом отовсюду неслись крики: «Долой предателей!» Поняв, что симпатии флорентийцев отданы Медичи, Пацци поспешил в свой дворец, где на постели истекал кровью его младший брат Франческо, пораженный мечом в бедро во время неудачного нападения на Лоренцо Медичи.

Джакоппо все еще не оставлял надежды на помощь Рима, но с каждой минутой надежда таяла. Тогда Пацци решились бежать из города, чтобы сохранить себе жизнь. Но время было упущено. Лоренцо Великолепный жесткой рукой проводил в жизнь свой план мести. Оказавшийся в ловушке отряд перуджийцев, состоявший из 30 человек, был отдан на растерзание толпе. Обезображенные трупы были выброшены на площадь. Не препятствуя желанию разгоряченных кровью и видом смерти флорентийцев поживиться за счет проигравших, Лоренцо отдал на разграбление дома сторонников папы и Пацци. Толпа, ворвавшаяся во дворец Пацци, обнаружила лежащего в бреду Франческо Пацци. Обнаженного и окровавленного Франческо толпа безжалостно выволокла из дворца, повесив его так, что тело свисало из окна Палаццо Веккьо.

Не смог избежать смерти и архиепископ Пизы. Связав руки несчастному, толпа выбросила его из окна, где внизу болталось тело Франческо.

Утро следующего дня началось с казней. Теперь на окнах дворцов Синьории и Подесты, служивших местом для заседания полиции республики, зловеще висели трупы заговорщиков. Были казнены члены семьи Сальвиати, включая слуг. Но на этом жестокая расправа не была закончена. Каждому, кто оказывался в числе подозреваемых в соучастии в заговоре Пацци, грозило быть отравленным либо заколотым беснующейся толпой. Тела убитых с невероятной жестокостью расчленялись, а отрезанные головы вешались на пики. Лоренцо с равнодушием смотрел на ужасы, происходившие в городе. Его не трогали мальчишки, игравшие отрубленными человеческими ногами и руками, и хозяйки, в котел которых в те дни попадали человеческие мясо и печень. Улицы города багровели страшными сувенирами в виде отрезанных ушей или выколотых человеческих глаз.

Среди убитых оказался и Ренато Пацци, активно выступавший против заговора. А вот Бернандо Бандини, нанесшему первый удар по Джулиано Медичи, удалось чудом покинуть Флоренцию. На неаполитанской галере он прибыл в Константинополь, но год спустя был возвращен во Флоренцию после ареста, произведенного султаном Мухаммедом II, выполнившим личную просьбу кузена Лоренцо Медичи — Антонио де Медичи, служившего послом при дворе султана. Год спустя Бернандо Бандини вернулся во Флоренцию в турецкой одежде, в которой его повесили по приказу Лоренцо в окне дворца подесты. Невольным

свидетелем казни оказался молодой Леонардо да Винчи. В его альбоме сохранился рисунок повешенного Бернандо ди Бандини Баронкильи, сопровождаемый комментариями художника.

Но как же сложилась участь главного из заговорщиков, Джакоппо Пацци? Оставив своего беспомощного младшего брата на растерзание толпы, Джакоппо покинул пределы города, но был тут же схвачен крестьянами, отказавшимися принять золото в обмен на жизнь. Джакоппо был жестоко избит и связан, а затем на простой крестьянской телеге привезен во Флоренцию. К Джакоппо был применен допрос с пристрастием, целью которого было выяснение всех имен заговорщиков. Еще надеясь на спасение своего младшего брата, Франческо, Джакоппо заявил мучителям, что его и его брата поддерживает папа Сикст IV. После допросов Джакоппо был повешен в том же окне, что и его брат, но, обладая крепким здоровьем, он долго сопротивлялся смерти, выкрикивая проклятья и заявляя, что отдает свою душу дьяволу.

Тело Джакоппо после смерти было захоронено в фамильном склепе, построенном великим архитектором Ф. Брунеллески. Этот склеп представлял уникальное архитектурное строение великого мастера, в котором впервые было применено купольное строение крыши.

Через месяц, в мае 1478 г., тело Джакоппо было вынуто из семейного склепа и перезахоронено возле городской стены, где погребали городских бродяг и нищих. Это вызвало в городе волну слухов и небылиц. На рынках и площадях Флоренции женщины судачили о том, что перезахоронение нечестивца на

освященной земле может навлечь гнев божий и вызвать гибель урожая. Тогда тело Джакоппо вновь было вынуто из земли и брошено, дети стали таскать труп по всему городу, держа его за веревку, которой была обвязана шея висельника. Дети подтаскивали труп к дверям домов флорентийцев, останавливались возле дверного молотка и кричали: «Стучи в дверь». Когда эта страшная забава им наскучила, они отволокли тело к реке Арно и бросили с городского моста Рубиконте в воду. Утром следующего дня уже в Броцци дети извлекли тело из воды, повесили на иве и хорошенько избили палками. Затем бросили труп отступника в реку Арно. Согласно городским легендам, тело мертвеца еще долго плыло по реке, достигнув берегов Пизы.

Драматична судьба священников, ставших участниками заговора. Они были обнаружены в монастыре в Бадие, где они пытались скрыться от расправы. Привезенным во Флоренцию священникам прилюдно были отрезаны носы и уши, а затем они были обезглавлены.

После подавления заговора Лоренцо Великолепный устроил невероятно пышные похороны для своего младшего брата, демонстрируя непоколебимость власти Медичи над Флоренцией. Теперь во Флоренции не осталось ни одной политической силы, способной угрожать власти Медичи, и Лоренцо Великолепный мог в полной мере насладиться вкусом безраздельной власти, ключи от которой флорентийцы сами добровольно вложили ему в руки. Внимательно изучая детали заговора Пацци, можно легко предположить, что подобные решительные действия, направленные на устранение конкурентов, были выгодны в большей степени Медичи, чем Пацци. Если на время забыть о

ста растерзанных или повешенных участниках заговора, можно с удивлением обнаружить, что итогом этого вспыхнувшего вооруженного мятежа, поддержанного папским престолом, стала убедительная и неоспоримая победа клана Медичи.

После гибели Джулиано Медичи Лоренцо Великолепный превратился в тирана — правителя Флоренции с неограниченной властью. Приход к абсолютной власти Лоренцо Медичи был окрашен трагическим светом. Символично, что день заговора совпал с одним из величайших христианских праздников — Пасхой. Помня о трагических и скорбных событиях, связанных с праздником Пасхи, в основе которых лежит победа жизни над смертью, можно увидеть в образе умирающего Джулиано символическую жертву, принесенную на алтарь величия семейства Медичи. И на фоне этой жертвы, воспетой поэтами и запечатленной живописцами, история как-то легко простила смерть ста заговорщиков, убитых сторонниками Лоренцо.

Медичи и галерея Уффици

Завораживающий магнетизм членов семейства Медичи таится не только в той мрачной славе, с которой они вошли в мировую историю, и той легкости, с которой народ поверил Лоренцо Медичи, обратившемуся к нему, народу, за помощью наказать убийц брата. В сравнении с настоящими злодеями, чьи фигуры окрашивали палитру истории в трагические цвета смерти — Нероном, Калигулой, царем Иродом, Иваном Грозным, Кромвелем, — Медичи выглядели не столь мрачно. Парадокс истории заключается в том,

что Медичи фактически были первыми светскими государами в мировой истории, которые возвели меценатство в ранг государственной программы, но во всех учебных и популярных пособиях о них говорят лишь как о великих тиранах и убийцах. На протяжении трехсотлетней истории Медичи трепетно заботились о культурном развитии Флоренции, не жалея денег для создания подлинных шедевров мировой культуры и искусства.

Конечно, было бы неправильным утверждать, что Медичи были единственными правителями, уделявшими столь пристальное внимание искусству, выступая в роли покровителей талантливых, но бедных художников, музыкантов, архитекторов. Сколько можно привести в мировой истории примеров, когда великие правители добровольно расставались со своей художественной коллекцией, собираемой с любовью и трепетом столетиями, т. е. целыми династиями!

Медичи и здесь оказались пионерами. Галерея Уффици, распахнувшая свои двери для всех любителей искусства во времена Медичи, была единственным музеем в мире, посещение которого было доступно всем без исключения жителям Флоренции. Термин «галерея» (итал. *galleria*) был впервые введен флорентийцами для обозначения длинного светлого помещения с большими окнами на продольной стене комнаты. Создавая доступный музей, хранящий под сводами настоящие произведения искусства, блистательный Лоренцо Великолепный вряд ли мог надеяться или предполагать, что его детище сможет пережить своего создателя.

Доподлинно неизвестны истинные причины, подтолкнувшие Лоренцо на столь щедрый поступок. Можно

лишь высказать предположение, что Лоренцо, с одной стороны, было крайне важно показать свое могущество и подлинное великодушие настоящего господина Флоренции, делая доступными шедевры, выставляемые в галерее жителям города. С другой стороны, можно предположить, что Лоренцо втайне боялся флорентийцев. Можно с уверенностью утверждать, что именно простым гражданам города-республики Лоренцо Великолепный был обязан концентрацией власти в своих руках, произошедшей на пике популярности. Этот широкий жест только укреплял авторитет семейства Медичи в глазах флорентийцев, смягчая постоянно накатывающие волны недовольства горожан по отношению к ним. Открывая посетителям двери художественной галереи, Медичи очень трепетно относились к произведениям искусства, собранным под ее сводами. Современники отмечали гармоничное единство интерьера и художественных работ. В залах галереи во времена Медичи выставались произведения С. Боттичелли, Л. да Винчи, Рафаэля.

Сегодня галерея Уффици представляет уникальное собрание произведений искусств, не имеющее аналогов во всей Италии. Объясняется это достаточно просто. Великолепные художественные произведения, созданные итальянскими художниками, в предприимчивом XIX в. распродавались с невероятной быстротой, переходя в частные коллекции состоятельных русских, французских, а в конце века и американских любителей живописи. Неудивительно, что современные ведущие музеи России, Парижа и Нью-Йорка могут похвастаться прекрасными коллекциями итальянской живописи, о чем музеи Италии могут только мечтать. Исключение составляет галерея Уффици. Последняя

представительница рода Медичи, герцогиня Анна-Мария, безвозмездно подарила Флоренции уникальную коллекцию при условии, что она никогда не покинет Флоренции и будет доступна публике. Поступок этот лучше всего оценить, зная всю непростую историю семьи Медичи, да и наше обращение к истории картинной галереи не является праздным любопытством.

Изучая историю галереи Уффици, можно увидеть истинное лицо семейства Медичи. Уже то, что владельцы галереи не пожелали дать ей свое имя, говорит само за себя. Медичи не нуждались в излишней рекламе. Фамилию Медичи очень хорошо знали в Старом Свете, а их банковскими услугами не брезговали пользоваться монархи, представители аристократических кругов, папский престол. Название галереи «Уффици» в русском языке имеет единственный аналог, обозначающий... офис. Для ее размещения Медичи выбрали просторные и светлые помещения, принадлежавшие мэрии города и по своей форме напоминавшие галереи.

Обладая огромным состоянием, Медичи не выводили свое золото за пределы Флоренции, трусливо пряча его в европейских банках или скупая недвижимость в виде дворцов и усадеб. Они вложили часть своего состояния в художественные произведения, которые потом передали городу и его жителям.

Может быть, в этом и проявляется подлинная природа демократии, в основе которой лежит личное стремление принести пользу обществу? При этом множественными примерами доказано, что процветание города не может выстраиваться без частной инициативы. Поступок Медичи в России может быть сравним разве что с поступком П. Третьякова, которого

можно называть русским Медичи. Но при этом фигура Медичи кажется значительно крупнее и значимее, поскольку, в отличие от Третьякова, Медичи на протяжении трехсотлетней истории Флоренции являлись ее некоронованными правителями, тиранами и богатейшими людьми Европы.

Переход от республики к тирании

В современном мире ежегодно на свет «рождается» одновременно несколько новых богатых людей, составляющих между собой рейтинг успешности. При этом вопрос легальности нажитого богатства всегда как-то стыдливо замалчивается. Флоренция во времена правления Медичи имела небывалый коммерческий успех, который во многом формировался благодаря их предпринимательским способностям. Если взглянуть на карту Италии, то можно легко убедиться, что город был расположен достаточно далеко от оживленных торговых путей, что не способствовало коммерческому успеху. В чем же тогда заключался секрет финансовой удачливости Медичи? Ответ на этот вопрос следует искать в конъюнктуре европейского рынка и умении занимать свою собственную торговую нишу, которая превращалась со временем в мощный источник дохода. Этой конъюнктурной нишей для семейства Медичи оказалась шерсть.

Именно Медичи оказались первооткрывателями в поставках шерсти в Европу, значительно опередив жителей Туманного Альбиона. Шерсть, которую производили во Флоренции, за короткий период обеспечила европейцев востребованным сырьем, что позволило

флорентийцам с легкостью заложить фундамент финансового благополучия своего города. Определив истоки и корни первоначального капитала, который по всем известным законам экономики не должен был лежать без движения, Медичи создали свой собственный банк, уже через несколько десятилетий превратившийся в мощный источник кредитования для сильных мира сего. Здесь хотелось бы обратить внимание на один крайне любопытный прием ведения финансовых расчетов, которым блестяще пользовались Медичи.

Традиционно единственной формой расчетов во времена зарождения финансовой империи Медичи был кожаный мешочек или сундук, набитый золотыми или серебряными монетами. Купцы, занимавшиеся торговлей, отправляясь в путь, всегда подвергали себя и свое состояние огромному риску быть ограбленными по пути следования. По одной из средневековых легенд, члены ордена тамплиеров, вернувшись из крестовых походов сказочно богатыми, разработали уникальную схему ведения коммерческих операций. Имея разветвленную сеть по всей Европе, они придумали расплачиваться за поставленные товары не золотом, а ценными бумагами, которые можно было обменять на золото в любой части света при условии, что там будут находиться члены рыцарского ордена.

Аналогичную систему работы с денежными потоками разработали (или заимствовали) Медичи. Медичи использовали так называемые кредитные письма, при предъявлении которых производился расчет, в том числе и драгоценными металлами. Именно Медичи первыми ввели в банковскую терминологию слова «дебет», «кредит», «касса». Даже рождение первой

твердой золотой валюты, названной золотым флорином, произошло во Флоренции при непосредственном участии Медичи. Именно в этих маленьких на первый взгляд банковских секретах была зашифрована формула финансового успеха Медичи.

Успехи, достигнутые Медичи, поражают воображение даже спустя столетия. Банкирский дом Медичи выдавал деньги под кредиты европейским монархам не только для поддержания в роскоши и богатстве королевского двора. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что Медичи финансировали участников европейской Столетней войны, выдавая золотые займы всем воюющим странам. В качестве кредиторов Медичи выступили и во время гражданской войны в Англии, известной как война Алой и Белой розы.

Превратившись за весьма короткое время из никому не известного семейства эмигрантов в богатейшее семейство банкиров, финансировавших расходы самых известных персон эпохи Возрождения, Медичи не удовлетворились ролью банкиров и начали свое восхождение к вершинам политической власти. И здесь Медичи взяли правильную ноту. Они заняли свободную и малопривлекательную на первый взгляд нишу политиков, выступавших за права простых рядовых граждан Флоренции, оказывая решительное сопротивление нападкам аристократии. При этом ни один из Медичи, несмотря на мощную финансовую основу, не позволял себе возвыситься над простыми флорентийцами, не давая повода своим оппонентам обвинить себя в одном из ужаснейших проступков того времени.

Медичи на протяжении десятилетий умело управляли Флоренцией, удивительно талантливо создавая

из синтеза демократии и олигархии свои собственные принципы власти. Только страшное убийство Джулиано Медичи заставило Лоренцо Великолепного, чудом избежавшего смерти, через волну репрессий и убийств остановить свой окончательный выбор на тирании. Выбирая тиранию как единственно возможный путь правления для Флоренции, еще не забывшей республиканские идеалы, Лоренцо Медичи сохранил идеи гражданского гуманизма, повлиявшего на дальнейшее развитие города-республики.

Глава 3

Папский престол

Пройдя тернистый путь к власти, Медичи не остановились на достигнутом. Честолюбивые, умные и расчетливые, они понимали, что их положение может заметно укрепиться, если помимо светской власти в их руках будет сосредоточена и власть духовная, пути к обладанию которой вели в Рим — город, где находилась резиденция апостола римско-католической церкви — папы римского.

Из истории папства

В церковной номенклатуре папа римский занимает самое главное место. Папа считается не только епископом Рима, древнейшего города мира, но также, что было намного важнее, он воспринимался, да и сейчас воспринимается прихожанами как наместник или викарий Иисуса Христа. Кроме этих титулов папа римский является носителем еще одного не менее важного звания: он является архиепископом римской провинции,

что на языке светской власти означает титул суверена города-государства Ватикана. Несмотря на то что папы подчеркивали, что они являются лишь «слугами божьими», в периоды Средневековья и Возрождения власть пап была огромна и могла сравниться лишь с властью императора светского государства. Для того чтобы понять истоки власти папы римского, необходимо обратиться к этапам формирования института римско-католической церкви.

Слово «папа» было заимствовано католиками из греческого языка, где оно обозначало слово «отец». В период раннего христианства, религии гонимой и запрещенной, первые верующие-христиане называли папой монахов, священников, епископов. Первым назвал свою должность «папой» александрийский патриарх восточной христианской церкви. Случилось это на рубеже II и III вв. Затем это же наименование взяли себе епископы городов Рима и Карфагена. В Средние века папой называли только епископа Рима, что было официально закреплено в качестве исключительного права римским папой Григорием VII в 1073 г.

Делая небольшое историческое отступление, следует отметить, что в официальных документах римское католическое право главу церкви именует как римского понтифика (*Romanus Pontifex*) или как верховного жреца (*Summus Pontifex*). Эта двойственность названия главы римско-католической церкви отразилась и в дуализме его функций. Папа римский одновременно являлся епископом Рима и главой католической церкви. Верующие изначально вложили в его руки огромную власть, поскольку первым и самым знаменитым епископом Рима был не кто иной, как

апостол Петр. Естественно, что римские понтифики объявляли себя прямыми наследниками апостола, что давало им неограниченную власть, освященную авторитетом Петра. В последние годы открытые учеными древние письменные источники не позволяют с уверенностью утверждать, что апостол Петр был в Риме первым епископом и здесь же принял мученическую смерть. Однако эти новые открытия уже не способны изменить ту огромную власть, которой обладал римский понтифик и к которой стремились Медичи. За весь период существования католической церкви на папский престол было возведено 262 понтифика, история правления которых скрупулезно заносилась в анналы католической церкви. Среди этих имен есть и имена пап, происходивших из флорентийского рода Медичи.

Здесь нам хотелось бы вновь остановиться и напомнить читателям, как происходила процедура избрания папы на ватиканский престол. Первых епископов Рима избирал народ, и после процедуры происходил обряд посвящения в епископы. Начиная с V в. из процедуры выбора духовного лица были исключены светские люди, и новый кандидат на роль римского епископа избирался исключительно духовенством. С этого времени выборы папы приобрели кастовый, закрытый характер, что позволило, тем не менее, включить в процесс избрания носителей высшей светской власти — императоров и королей, прекрасно осознававших, какую высокую ставку имеет трон св. Петра. Для достижения цели светская власть пускала в ход подкуп, нажим, даже право вето. Впервые право вето было применено в XVI в. при избрании очередного

папы римского испанским королем, а вслед за ним этим исключительным правом воспользовался и австрийский император. Однако последнее слово при принятии окончательного решения по поводу кандидатуры папы продолжало оставаться у духовенства.

Первым понтификом, нарушившим правило сохранять имя, данное при рождении, после избрания на папский престол, стал в VI в. папа Иоанн II, сменивший имя Меркурий на более благозвучное и лишенное языческого оттенка. С папы Иоанна II все римские понтифики принимали новые имена, а с середины XVI в. при смене имени дополнительно указывался порядковый номер, дабы показать свое смирение перед предшественником. Так в истории папства появились Иоанн XXIII, Петр II, Климент X и т. д.

Традиционно в сознании прихожан глава христианской церкви чаще всего воспринимался как человек немолодой, наделенный жизненным опытом и божественным знанием. Однако подобное правило действовало не всегда. Поскольку папский престол нередко становился ареной крупных политических интриг и сделок, возраст пап шокирует даже нас, людей, живущих в XXI в. и привыкших взирать на жизнь с заметной долей цинизма. Характерно, что до периода Нового времени возраст пап намеренно не указывался. В письменных источниках этого периода, описывая процедуру принятия нового понтифика, авторы использовали термины «молодой» или «старый» в определении возраста нового епископа Рима. Безусловно, что данная терминология вряд ли помогает понять, кто же в действительности пришел к власти на папский престол, поскольку человек в

возрасте 50 лет считался глубоким стариком. Гораздо чаще возраст папы соответствовал 24 или 20 годам. Встречались и совсем уникальные папы, чей возраст едва достигал 15 или 12 лет, как в случае с папой Бенедиктом IX. Столь же неровными по продолжительности были периоды правления пап. Одни понтифики оставались у власти несколько месяцев, другие — долгие десятилетия. Нередко папы могли отказываться от тиар, желая продолжать вкушать плоды светской жизни.

Этот небольшой экскурс в историю папства как нельзя кстати помогает понять причину той настойчивости, с которой Медичи стремились к духовной власти. Возраст и национальность не являлись существенной преградой на пути Медичи к Ватикану. Настоящим пропуском к папскому престолу оставались неслыханные богатства, которыми владели члены семейства Медичи и которые открывали дорогу к власти любому из их клана, пожелавшему стать новым папой.

Медичи и трон св. Петра

Надо отдать должное представителям династии Медичи: на фоне истории других пап, правивших до них и после них, чей тернистый путь к власти чаще всего начинался в бедняцких семьях, они не были нищими оборванцами, волею судеб вознесенными к самым вершинам власти. Конечно, во времена Возрождения среди пап было много аристократов, но одновременно с ними понтификами становились вчерашние бедняки, принявшие монашеские обеты и получившие уникальное право подняться по ступеням иерархической лестницы

на вершину пирамиды римско-католической церкви: известно, что среди пап было несколько бывших рабов. На фоне этой пестрой картины происхождения и судеб понтификов банкиры и купцы Медичи смотрелись весьма убедительно. Они были богаты и имели знатное происхождение, подлинность которого была закреплена на страницах истории города Флоренции.

Во времена расцвета династии Медичи, приходящегося на исторический отрезок Возрождения и Нового времени, двор папы римского не был местом благочестия и смирения. Напротив, в период Возрождения папский двор можно было легко принять за рассадник разврата и всех человеческих грехов. Однако это никак не отразилось на стремлении Медичи к получению власти над папским двором. Первым из Медичи, кому пришла в голову идея наладить деловые, торговые и отчасти родственные отношения с Ватиканом, был легендарный Козимо Медичи. Будучи крупным финансистом, владельцем банковского дома, он сумел настолько расположить к себе папу Пия II, что последний даже доверил ему управлять папской казной.

Блестяще справившись с порученным делом, Козимо к 1462 г., продолжая пользоваться исключительным расположением папского двора, как уже говорилось, получает право монополии на квасцовые шахты, став в одночасье недостижимо богатым человеком, чей капитал составляли не только многочисленные банковские вклады и векселя, но и значительная часть золота. На этом знакомство Медичи с папским двором не закончилось. При Пьеро Медичи положение семейства еще больше укрепилось. Имея прочные деловые связи с Ватиканом, Пьеро Медичи в 1466 г. решает направить свое-

го старшего сына Лоренцо Медичи во главе чрезвычайного посольства ко двору папы римского. Отношения между Медичи и папским двором в середине XV в. складывались достаточно удачно. Секрет этого делового успеха таился в происхождении очередного римского папы, возведенного на престол в 1464 г., — Павла II. Павел II в прошлом был венецианским купцом, и Медичи с их поразительной торговой и деловой хваткой импонировали бывшему купцу.

Папа Павел II вынашивал мечту превратить в настоящее доходное место месторождение квасцов, расположенное в местечке Тольфе. Здесь квасцы добывались с 1462 г. Месторождение было столь богатым, что квасцы импортировались. Добываемые квасцы шли на обработку тонких натуральных тканей, и ими же пользовались для закрепления краски на ткани.

Особое расположение папского двора позволило Медичи выступить в качестве основных поставщиков этого ценного природного материала за границу, вырученные деньги направляя в Апостолическую палату. Безусловно, что, продавая квасцы на экспорт, Медичи максимально использовали эту уникальную возможность и для собственного обогащения. Но одно лишь омрачало коммерческий успех этой крайне выгодной торговой операции: Медичи, представлявшие компанию откупщиков, были уполномочены производить и продавать только 1,5 т в год добытого и обогащенного минерала. Рынок сбыта квасцов, представлявший Европу, был готов принять значительно большее количество сырья, столь необходимого в производстве тканей. Согласно сохранившимся деловым документам семейства Медичи, только за 1463–1466 гг. на европейский

рынок были сделаны поставки более 4 т квасцов, что, в свою очередь, принесло Апостольскому престолу значительную долю прибыли.

Доказав коммерческий успех вверенного им производства, Лоренцо Медичи, прибывший в Рим, имел жесткие указания от своего отца, Пьеро Медичи, добиваться от Священного престола контроля над всем процессом производства квасцов на правах пайщиков компании откупщиков, при этом сохраняя монопольное право ведения торговли этим сырьем в Европе. Трудно сейчас утверждать, что в большей степени повлияло на решение Святейшего престола положительно принять предложение, поступившее от Медичи, — убедительность приводимых аргументов или несомненная выгода, которую сулила папскому престолу эта сделка. Святейший престол одобрил сделку и после заключенного нового договора Пьеро Медичи занимает место Бартоломео да Фрамуры, представлявшего интересы папского престола в компании откупщиков.

С этого момента можно уже говорить о рождении новой компании по добыче, переработке и сбыту столь необходимого европейцам природного сырья, главенствующее место в которой занимали Медичи. Эта удачная операция еще больше сблизил Священный престол с семейством Медичи. Соприкоснувшись с финансовыми и политическими возможностями, которыми обладал папский престол, Медичи уже не стремятся дистанцироваться от церкви. Даже наоборот: флорентийское семейство столь близко к престолу, что заключает все торгово-финансовые операции от имени Апостольской палаты. Более того, с XV в. банкирский дом Медичи являлся спонсором крестовых походов, орга-

низатором которых выступала католическая церковь. Основу финансовых потоков, поступавших в кассу, составляла прибыль от продажи на рынке квасцов. Договор, скреплявший финансовый союз Медичи и папского престола, был составлен таким образом, что денежную прибыль получали от продажи квасцов не только Апостолическая палата, но и в большей степени Медичи: две трети забирала себе палата, а одна треть шла в кассу семейства Медичи, выступавшего в роли откупщика. Золото буквально лилось в казну Медичи, что позволило им за относительно короткий отрезок времени превратиться в крупнейших финансистов Италии.

Благодаря этой головокружительной торговой операции главный рынок Европы XV в. лежал у ног малоизвестного флорентийского семейства. В этой упоительной победе лишь одно небольшое обстоятельство несколько сглаживало радость: монопольное право на продажу квасцов Медичи разделили с Венецией, городом-государством, получавшим квасцы непосредственно от Апостолической палаты.

После смерти Пьеро Медичи Флоренция оказалась под властью его сыновей Лоренцо и Джулиано. Помня об успехе, достигнутом им во время переговоров с папским престолом в 1466 г., Лоренцо Медичи вновь возвращается к переговорам с Ватиканом с целью подписания нового контракта с представителями папского престола. И вновь удача на стороне Лоренцо: Медичи получили монопольное право на добычу и продажу квасцов сроком на четыре года. Но флорентийские банкиры не смогли насладиться успехом. Одно за другим на них свалились несчастья: крах лондонского филиала, захват пиратами из Данцига кораблей с большой

партией квасцов и различными другими товарами, наконец, смерть бургундского герцога Карла Смелого, которому до этого Медичи под честное слово ссудили значительную сумму денег.

Напомним, что при Лоренцо Великолепном могущество семьи пошатнулось. Лоренцо Медичи казалось, что это всего лишь временное поражение и впереди вновь маячат крупные финансовые успехи семейства, вселявшие надежду. Этим мечтам не суждено было воплотиться в реальность, поскольку в 1471 г. умер папа Павел II, весьма благосклонно относившийся к Медичи. Что же касается нового понтифика Сикста IV, происходившего из Савоны, то его отношение к Медичи было несколько холодным и настороженным.

К этому времени Лоренцо Медичи был убежденным сторонником сближения духовной и светской власти, необходимого для достижения финансового рывка вперед. Празднование по случаю избрания на престол нового папы римского Лоренцо Медичи решил использовать для укрепления банкирского дома Медичи, одним из слагаемых успеха которого было бы избрание Джулиано Медичи новым кардиналом. Отправляясь к папскому престолу, Лоренцо вез с собой изысканные подарки, способные растопить самое твердое сердце: античные мраморные бюсты времен императора Августа, драгоценные камеи, резные кубки и римские медали.

Однако, несмотря на то что папа достаточно благосклонно принял преподнесенные дары, никакие рекомендации и уговоры не смогли повлиять на его решение. Сикст IV не хотел видеть Джулиано Медичи в кардинальской шапочке на голове.

Подобное отношение не могло негативным образом не сказаться на дальнейшем взаимодействии с папским престолом. Более того, у папы Сикста IV возникло желание найти замену банковскому дому Медичи, на протяжении десятилетий обслуживавшему папский престол. Замена была найдена незамедлительно в лице представителей древнего флорентийского рода Пацци, давних конкурентов Медичи по торговым делам. В довершение всех несчастий Медичи, связанных в большей степени с неудачами на коммерческой ниве, в 1476 г. папа разрывает многолетний договор с Медичи, дающий монопольное право на добычу и продажу квасцов. Одновременно лишая Медичи мощного денежного потока, с которым была связана продажа квасцов за границу, папа на долгих шесть лет передал это монопольное право Пацци. И лишь спустя десятилетие было найдено понимание между домом Медичи и папой римским Сикстом IV.

Что же лежало в основе этой яростной неприязни, которая на протяжении десятилетий превратилась в настоящее противостояние, завершившееся кровавой бойней, известной как заговор Пацци? Загадка вражды таилась в личности нового римского папы Сикста IV, даже среди внушительного списка пап, когда-либо занимавших священный престол, являвшегося фигурой весьма внушительной. Папа Сикст IV, или Франческо делла Ровере, прежде чем вступить на папский престол, прошел тернистый путь от францисканского монаха, потом магистра этого ордена, чтобы затем, став кардиналом, за деньги купить голоса жадных и завистливых кардиналов, что позволило ему в 1471 г. в 55 лет быть избранным новым папой римским.

Вступая на папский престол, Сикст IV видел свою главную миссию в укреплении папского престола. Его политическим и государственным идеалом была папская монархия во главе с понтификом. Что касается более прозаических целей, то вчерашний монах-францисканец, безоглядно преданный своей семье, делал все для продвижения многочисленных родственников из обедневшего дворянского рода Ровере. Для этого папа создавал новые церковные должности, раздавал земли княжеств и герцогств. При папе Сиксте IV из 34 кардиналов, приближенных к папскому двору, 6 были его прямыми родственниками.

Человек амбициозный, властный и импульсивный, новый папа был последователен в достижении своих целей. Именно Сикст IV активно занимался организацией нового, четвертого крестового похода, целью которого были владения турецкого султана Фатиха Махмуда; при нем получила мощную поддержку испанская инквизиция в лице печально знаменитого главного инквизитора Испании Торквемады.

Анализируя время пребывания Сикста IV на папском престоле, блистательный Никколо Макиавелли высказал замечательную мысль. Все то, что до прихода папы Сикста IV воспринималось обществом как неблагоприятные поступки, неожиданно под авторитетом папы приобрело законный и достойный характер. Сикст IV вел активную жизнь, в которой было больше места светским утехам и развлечениям, нежели благочестивому смирению и молитвам. При новом папе началась подготовка реформирования юлианского календаря. Он выступил в роли мощного и успешного мецената, оказывая особое покровительство изящным искусствам.

Благодаря всесторонней поддержке папы Сикста IV архитектурный ансамбль Ватикана был дополнен знаменитой Сикстинской капеллой, внутреннее пространство которой украшают гениальные фрески Микеланджело. Как ни странно, но с именем этого понтифика связано рождение еще одного мирового шедевра — работы Рафаэля Санти «Сикстинская мадонна».

К несчастью для Италии, новый папа рассматривал страну как территорию, подчиненную интересам семейства Ровере, что неминуемо привело к расколу Италии на два враждебных лагеря. Один лагерь представляли Неаполитанское королевство и Ватикан, второй, противоположный лагерь образовали города-республики Венеция, Флоренция, Милан. Семейство Медичи из союзников и друзей папского престола превратилось в его главного врага. Плетя паутину интриг, понтифик несколько раз пытался уничтожить своих главных противников на пути создания папской монархии — братьев Джулиано и Лоренцо Медичи. Из нитей ненависти и была соткана сеть заговора, получившего название «заговор Пацци».

Так же как древние римляне, понтифик, используя неувядаемый принцип «разделяй и властвуй», столкнул интересы двух знаменитых и богатейших флорентийских семей — Пацци и Медичи. И в то время, когда в полумраке храма умирал заколотый заговорщиками юный Джулиано Медичи, а спустя несколько часов обезумевшей толпой флорентийцев были растерзаны заговорщики — братья Пацци, римский понтифик взирал на эти события, находясь в Вечном городе. Когда же заговор не удался, папа римский, не скрывая своего негодования и бешенства, приказал

незамедлительно конфисковать имущество Медичи, расположенное на территории Ватикана, и закрыть контору банкирского дома Медичи в Риме. Когда до Рима дошло известие о жестокой расправе над заговорщиками, закончившейся убийством более ста человек, папа решился на крайнюю меру: он отлучил от церкви жителей Флоренции и их лидера Лоренцо Медичи. Мы умышленно пропускаем подробное описание событий, последовавших в ответ на действия папы со стороны Медичи, уже представленное на страницах нашей книги. Противостояние двух личностей, двух политических титанов эпохи Возрождения — Лоренцо Медичи и папы Сикста IV — завершилось взаимным признанием и заключением мира.

Одержав победу над Сикстом IV, Лоренцо Медичи получил возможность теперь уже беспрепятственно создавать своей собственный оплот власти у папского престола. Первым духовным лицом, родившимся в семействе Медичи, следует считать сына Лоренцо Великолепного Джованни Медичи, сумевшего реализовать самую амбициозную мечту своего отца. Сын купца из Флоренции, Джованни Медичи в марте 1513 г. в возрасте 37 лет был избран папой римским под именем Льва X.

С юных лет Лоренцо Великолепный определил будущее Джованни, связав его со служением церкви. В детстве и юности Джованни уделял большое внимание вопросам церковной жизни, чему не в малой степени способствовали домашние занятия с лучшими учителями Флоренции, формировавшими в юном Медичи пылкий ум и благочестивые взгляды. Важной чертой характера юного Джованни была страстная

любовь к родной Флоренции и желание видеть во главе родного города членов своей семьи. В сознании юноши понятия «власть», «Флоренция» и «Медичи» оказывались слиты воедино, что найдет отражение в политике будущего папы Льва X. Получив прекрасное домашнее образование, Джованни отправился в университет города Пизы, чтобы там продолжить изучать церковное право и теологию. К 37 годам он прошел путь от кардинала до епископа. Его коронация сопровождалась невиданным пиршеством.

Один из современников Льва X писал, что новый папа мог бы стать лучшим понтификом римско-католической церкви, если бы, кроме искусства, он занимался вопросами религии. Искусство и возвращение власти над Флоренцией династии Медичи стали его главными целями в жизни, на их достижение он с легкостью расточал богатства церкви. К этому следует добавить невероятную роскошь, которой он окружил себя и свое ближайшее окружение. Среди блюд, подаваемых к столу Льва X, во время его многочисленных пиров можно было увидеть пироги из павлиньих языков, из которых, пугая гостей, вылетали живые соловьи. Чтобы развлекать папу, при нем постоянно находился карлик, выполнявший роль шута. В число любимых домашних животных Льва X входил белый слон. Этот редкий подарок был преподнесен папе королем Португалии. Дрессированный слон вставал перед папой римским на колени, приводя последнего в неописуемый восторг.

Продолжая вслед за папой Юлием II создавать новый архитектурный облик Ватикана, папа Лев X пригласил для завершения архитектурного проекта и его

отделки лучших художников эпохи Возрождения — Микеланджело и Рафаэля. Огромные затраты, необходимые для завершения строительных работ базилики Святого Петра в Риме, требовали своего восполнения. И тогда внук и сын банкира, папа Лев X придумал замечательную схему пополнения деньгами опустевшей казны. Он предложил своим священникам продавать индульгенции, которые освобождали владельцев данных документов от грехов, совершенных как в прошлом, так и предположительно в будущем.

Когда эта странная бумага попала в руки священнику и одновременно профессору северогерманского университета Мартину Лютеру, то настолько глубоко поразила его своим неприкрытым цинизмом, что, в свою очередь, подтолкнула к решительным поступкам. Лютер написал свои знаменитые «95 тезисов», бросая вызов всем служителям римско-католической церкви. Таким образом, время правления папы Льва X, или Джованни Медичи, оказалось отправной точкой в начале процесса протестантской Реформации, охватившей всю старую Европу. Благодаря Мартину Лютеру Джованни Медичи стал едва ли не самым знаменитым папой, главная заслуга которого состояла в его непримиримой позиции по отношению к Реформации. Именно Лев X публично обвинил Мартина Лютера в ереси, потребовав незамедлительно подчиниться Риму. Однако Лютер упорствовал. И тогда взбешенный понтифик отлучил Мартина Лютера от церкви, заложив, не задумываясь, первый кирпичик в, как оказалось, прочный фундамент нового здания реформированной церкви.

Жизнь папы Льва X не была легкой и безоблачной, и у него, так же как почти у всех членов семейства Медичи, были враги и недоброжелатели. Летом 1517 г. против папы римского был составлен хладнокровный заговор, целью которого было убийство понтифика. Этот заговор более известен как заговор кардиналов, поскольку именно кардиналы выступали в роли убийц. Используя для покорения священного престола деньги, связи и влияние семьи Медичи, Лев X испытывал определенные сложности в общении с коллегией кардиналов. 27-летний Альфонсо Альберто Петруччи был одним из кардиналов, входивших в состав коллегии. С большой настороженностью он, так же как и другие, наблюдал за решительными действиями нового папы, уверенно укреплявшего позиции своей семьи. Чаша терпения кардинала оказалась переполненной в тот момент, когда Лев X назначил своего человека, сместив брата Петруччи на высшем посту в Сиене, захватив вместе с назначением и семейные богатства семейства Петруччи.

Еще древние заметили, что гнев и ненависть мешают осторожности. пылая ненавистью к папе, Альфонсо Петруччи стал искать союзников для осуществления заговора. Зная, что Лев X мечтает поставить во главе герцогства Урбино своего племянника, кардинал неосторожно написал письмо герцогу Урбинскому, где поделился своими сокровенными планами, которые сводились к убийству папы. Уже в мае 1517 г. папа Лев X благодаря своим агентам знал источник опасности и был готов к решительным действиям. Зная о болезни папы, связанной с желудком, кардинал сумел подкупить врача-флорентийца, некоего доктора

Баттиста де Верчелли, которого он убедил ввести в организм папы яд во время медицинского осмотра. Несчастный доктор был тотчас же схвачен агентами папы и после мучительных пыток казнен.

После убийства доктора папа созвал кардинальскую консисторию, во время которой приказал публично схватить одного из присутствовавших кардиналов, обвинив его в заговоре. Вслед за первой экзекуцией папа повторял еще несколько раз процедуру публичного разоблачения заговорщиков и лишь во время последней, третьей консистории Лев X огласил имя истинного заговорщика. Несколько недель спустя, в июле 1517 г., заточенный в замке Санта-Анджело, мрачной цитадели, возведенной во времена императора Адриана, а в период Средневековья превращенной в крепость, кардинал Альфонсо Петруччи, приговоренный к смерти, был задушен мавром. После этого случая Лев X взял коллегия кардиналов под свой неуспынный надзор, введя в нее двух двоюродных братьев и трех племянников из рода Медичи.

После смерти папы Льва X его преемником стал еще один представитель семейства Медичи — Джулио де Медичи, вошедший на папский престол под именем папы Климента VII. Незаконнорожденный сын Джулиано Медичи, он с большим трудом сумел удержать в руках семейства Медичи завоеванный папский престол. В отличие от своего предшественника, папа Климент VII оказался слабым политиком. В течение 12 лет его правления следовала череда постоянных поражений и потерь. Стремясь, так же как и его предшественники, вести активную внешнюю политику, Климент VII попытался стать деятельным участником дипломатических переговоров между Францией, Миланом и Венеци-

ей с одной стороны и Карлом V, за спиной которого стояла набирающая силу и мощь империя Габсбургов, с другой. В результате срыва дипломатических переговоров армия императора вошла в Рим, подвергнув христианскую святыню колоссальным разрушениям, сравнимым лишь с разрушениями, причиненными городу варварами. Это событие было названо в истории Рима *Sacco di Roma* (разграбление Рима), ознаменовав тем самым закат эры папства.

Другой замечательный сюжет из истории папства Климента VII связан с именем английского короля Генриха VII. Этот король известен тем, что за религиозный фанатизм получил от предыдущего папы прозвище «очень католического короля». Непримируемая позиция Климента VII в отношении развода и последующего брака английского короля выполнила роль запала, взорвавшего английскую церковь, что привело к ее последующему отделению от Рима.

На фоне этих крупных тактических и политических поражений, виновником которых отчасти был сам Климент VII, совершенно по-иному воспринимается история возведения знаменитой гробницы Медичи. Строительство гробницы, замысел которой был гениально воплощен Микеланджело, было начато в 1520 г. Однако лишь с 1523 г., с момента вступления на папский престол Джулио Медичи, строительные работы развернулись по-настоящему. В течение 15 лет Микеланджело работал над гробницей, увековечившей память первых Медичи, благодаря которым власть во Флоренции оказалась сосредоточенной в руках славного семейства. Примечательно, что понтифик, понимая глубину и силу таланта Микеланджело, делал все для того, чтобы мастер не испытывал материальных

затруднений. Климент VII предложил стареющему гению стать монахом-францисканцем, суля выгодную духовную должность. Натолкнувшись на отказ, папа подарил мастеру дом возле церкви Сан-Лоренцо, одновременно назначив ему жалованье, кратно превышавшее запросы мастера.

Следующим папой из рода Медичи был Пий IV, род которого являлся боковой обедневшей веткой семейства Медичи. Прекрасно образованный, до вступления на престол учившийся в европейских университетах, Пий IV выступил автором Тридентского катехизиса, предназначавшегося для изучения основ католической веры низшим духовенством.

Последним понтификом из семейства Медичи был Алессандро Медичи, ставший при вступлении на папский престол Львом XI. Папа Лев XI оказался знаменит лишь тем, что благополучно умер на 24-й день своего долгожданного понтификата. Помимо выделенных фамилий четырех пап, происходивших из рода Медичи, можно упомянуть значительное количество имен кардиналов, происходивших из славного рода флорентийских торговцев.

Папский престол, такой таинственный и притягательный, сулящий абсолютную власть над людьми, на деле оказывался аренной кровавых распрей, заложниками которых были амбициозные политики. Что же касается Медичи, то со временем их позиции в Ватикане становились все более и более неустойчивыми, что в конечном счете способствовало их вытеснению из числа претендентов на папский престол.

Глава 4

Искусство вечно: Лоренцо Великолепный

Смерть Лоренцо Медичи была долгой и мучительной, словно многочисленные враги пытались отомстить ему в последние минуты пребывания на земле за уникальный природный талант и яркую славу политика, создававшие вокруг него ореол великолепия на протяжении сорока двух лет и четырех месяцев его земной жизни.

Роль Лоренцо Великолепного в истории Флоренции

Для флорентийцев, все еще хранивших в своей исторической памяти принципы средневековой культуры, жизнь и смерть были неразделимы в сознании и воспринимались буднично и естественно. Ничего удивительного не было бы в том, что смерть одного из отпрысков клана Медичи могла остаться незамеченной,

если бы не масштаб его личности. В отличие от многих своих дальних и близких родственников, представлявших ветвистое генеалогическое древо династии Медичи, Лоренцо Великолепный не был заколот предательским кинжалом или отравлен ядом, подосланным врагами-злодеями. Он умер естественной смертью, как и следовало бы умереть главе мощного финансового клана — в окружении родных и самых близких и преданных ему друзей.

И тем не менее смерть Лоренцо Великолепного была воспринята флорентийцами как начало конца великой эпохи. Его уход странным образом предвосхитил страшные бедствия и несчастья, которые в скором времени обрушились на горячо любимую Флоренцию. В своем труде «История Флоренции» философ Н. Макиавелли напишет, что никогда еще не только Флоренция, но и вся Италия не теряла гражданина, столь прославленного своей мудростью и столь горестно оплакиваемого своим Отечеством. А затем Макиавелли добавит, что даже небо ответило знамением на смерть Лоренцо Великолепного, к изумлению и ужасу флорентийцев¹.

Согласно преданию, когда душа Лоренцо Великолепного, величайшего гражданина Флоренции, покидала его земное тело, небо над городом оказалось расколотым могучим ударом молнии. Удар был настолько силен и страшен, что напомнил флорентийцам мифологических титанов, яростно сражающихся с богами в последней предсмертной схватке. Сила небесной стихии была настолько мощной, что, поразив

¹ См.: Макиавелли Н. История Флоренции. — Л., 1973.

купол церкви Санта Репарта, с легкостью расколола его. Огромный кусок купола, отколовшись от основания крыши, со страшным грохотом упал на землю. В этот миг, как рассказывает легенда, перестало биться сердце Лоренцо Медичи.

Величайший правитель и яркий политик, Лоренцо Медичи, всю свою земную жизнь стремившийся продолжить дело, начатое его дедом Козимо Медичи, не сумел превратить политическое искусство, которым он владел в безупречности, в дар, передаваемый по наследству. Не имея власти над будущим, он своим уходом обрекал потомков на политическое изгнание. В этом и заключалась трагедия Медичи. Обладая огромной властью, Лоренцо, так же как его отец и дед, никогда не стремился юридически учредить государственную должность верховного правителя, чтобы узурпировать власть.

Медичи принимали с достоинством свое положение некоронованных правителей Флоренции, умело используя его в достижении поставленных целей. Когда же после смерти Лоренцо его сын Пьеро Медичи попытался осуществить свое тайное желание, став юридическим правителем Флоренции, эта попытка закончилась для клана Медичи восстанием, поднятым свободными жителями Флоренции, и позорным изгнанием сына Лоренцо Великолепного.

Все, кто стоял в этот скорбный час возле кровати умиравшего тирана в комнате, озаренной всполохами бушевавшей за окном стихии, понимали, что вместе с ним умирала эпоха Кватроченто, живым олицетворением которой он являлся. Это эпоха, в которой на короткий миг произошло воскрешение античной классики,

а город Флоренция благодаря Медичи в сознании философов, ученых, поэтов, художников стал средневековым воплощением классических Афин.

Весьма символично, что год смерти Лоренцо Медичи совпал с величайшим событием европейской истории. В 1492 г. каравеллы генуэзца Христофора Колумба достигли берегов Америки. Открытие Нового Света привело к закату средиземноморской торговли, что самым болезненным образом отразилось на экономическом положении Флоренции. После смерти Лоренцо Великолепного закат финансового и торгового могущества города-республики был просто неизбежен. Вместе с финансовым положением города-республики в одночасье рассыпалась прекрасная идея, заимствованная из античного мира и любовно взращенная на земле Флоренции, как редкий цветок, на протяжении полувека о процветающем государстве с государем-философом. О том, что правитель может быть философом, утверждали еще античные мудрецы; его главной государственной задачей должно стать стремление к созданию величайших творений искусства, способных прославить его имя в вечности. Медичи были увлечены Античностью и верили пророчествам великих мудрецов. Но лишь Лоренцо Великолепному удалось воплотить в коротком миге своего правления эти идеи. Он был и правителем, и философом.

Судьба Лоренцо Великолепного, впрочем, так же как и судьба других членов клана Медичи, с легкостью могла бы стать сюжетом по-голливудски масштабной и захватывающей саги — саги о семействе Медичи. В этом повествовании сплелись в невероятном сюжете рождение и смерть, коварство и злоещее

предательство, невероятная щедрость и алчущая скупость, прекрасная любовь и жгучая ревность.

Среди многочисленных членов семейства Медичи судьба отвела Лоренцо Великолепному особую роль и особое место. Именно ему выпала счастливая звезда войти в историю интеллектуалом-олигархом, с невероятной щедростью тратившим свое фантастически огромное состояние на поэтов, музыкантов, скульпторов, архитекторов. Гений Лоренцо, невероятным образом соединивший в одной личности умелого дельца-банкира, хитрого дипломата, поэта, тонко чувствующего стихотворную строку, философа, блестящего специалиста в военном искусстве и музыке, позволил ему подняться над суетной жизнью своих современников. За годы своего правления во Флоренции он сумел создать режим милостивого тирана, управлявшего республикой. При этом Лоренцо имел лучшее гуманитарное образование, какое можно было получить в XV в. в Европе, что объясняет его решение отдавать половину доходов города на приобретение редчайших рукописных книг.

Будучи сыном своего непростого времени, Лоренцо Медичи не был святым. Ему было свойственно пользоваться теми же методами, что и его враги. Чтобы удержать власть во Флоренции, Медичи использовали ложь, обман, подкуп, предательство. Размышляя о природе политической власти Медичи во Флоренции, исследователи нередко сравнивают Лоренцо с мясником, чьи руки по локоть забрызганы кровью уничтоженных им врагов. Однако именно с этим «мясником» жили, творили, создавая новое искусство, великий Микеланджело, Донателло, Боттичелли, Леонардо да Винчи.

Жизненное кредо Лоренцо было сформулировано им еще в юности: «На свете нет ничего более достойного, чем превосходить других в щедрости».

Годы правления Лоренцо Медичи оказались вплетенными в исторический период, названный Кватроченто, или Искусство Возрождения XV в. В этот период истории небольшой итальянский город, значительную часть населения которого составляли ремесленники, торговцы, банкиры, наделенные природой уникальным даром мыслить и созидать, любить и ценить свободу и независимость, переживал период небывалого расцвета благодаря во многом мощной созидательной силе, носителями которой были Медичи.

Рождение наследника

«Цветущая» Флоренция в начале XV в. превратилась в культурную Мекку для ярких творческих людей: художников, скульпторов, поэтов, архитекторов. Еще раньше, в XIV в., или Треченто, во Флоренцию проникли ростки гуманизма, а вместе с гуманизмом приходит осознание простой истины: суть мироздания заключена в человеке, способном мыслить, действовать, созидать, выступая единственным носителем данной Великим Творцом нравственной основы.

Чтобы постичь тайны жизни разумом, основанным на опыте, полагали гуманисты, следует неумоимо познавать человека, приоткрывая его духовную и телесную природу, ибо человек — это и есть Мировая Вселенная, скрывающая свои тайны во мраке почти двенадцать столетий, канувших в темную пропасть Средневековья. Выразителем идей флорентийских гу-

манистов, сформулировавших квинтэссенцию Кватро-ченто, считается Пико дела Мирандола, итальянский мыслитель периода Раннего Возрождения. Семена разума, брошенные гуманистами в благодатную флорентийскую почву, дали великолепные всходы, нашедшие воплощение в культуре, науке, искусстве и, как это ни парадоксально звучит, в политике, которая также приобрела черты искусства.

В этой необычной атмосфере, наполненной ожиданиями грядущих изменений, 1 января 1449 г. в семействе Медичи появился новый наследник — Лоренцо ди Пьеро де Медичи. Судьба уготовила ему недолгую, но яркую жизнь. Можно ли сегодня с уверенностью предполагать, о чем мечтали родители Лоренцо, с любовью заглядывавшие в колыбель с новорожденным младенцем? Могли ли они мечтать о том, что родившееся на свет дитя станет настоящим баловнем судьбы, создавшим моду на *Dolce far' niente* — «блаженное ничегонеделанье», что стало стилем жизни людей богатых и успешных, талантливо скрывающих от навязчивой толпы свои проблемы и неудачи? Или, быть может, с его рождением связывался невероятный расцвет семейного капитала, сравнимый с капиталом богатейших монархов Европы?

Лоренцо Великолепный был лишен внешней привлекательности, в отличие от своего младшего брата Джулиано, прекрасного белокурого юноши. Если Лоренцо Медичи был удостоен имени «Великолепный», то его брата современники называли Джулиано Лучезарный. В лице Джулиано нашли отражение детская безмятежность и хрупкая юношеская красота. Коварное время не успело отразиться на чертах его лица в

жестких складках и глубоких морщинах. Дитя Весны было поражено ударом кинжала убийцы в тот миг, когда Лето вступало в свои права. Однако именно образ этого хрупкого белокурого юноши становится символом эпохи правления Лоренцо Медичи. Во внешности старшего брата — Лоренцо — напротив, отразилось редкое сочетание власти, богатства и человеческого подвига.

Спустя десятилетия после его смерти художник и летописец флорентийского Кватроченто Джорджио Вазари решится приступить к работе над портретом Лоренцо Медичи. Когда портрет был завершен, его первые зрители были поражены великолепием портретного сходства. Джорджио Вазари, снискавший себе славу первого историка искусств, но при этом остававшийся посредственным живописцем, сумел совершить невероятное.

Воскресив гениальность старой флорентийской художественной школы, позволившей создать не только прекрасное, но по-настоящему глубокое художественное произведение, Вазари написал идеализированный портрет Лоренцо, аллегория правителя-философа. Вместо блестящего щеголя и франта с портрета Вазари на зрителя из глубины столетий смотрит усталое, изможденное, некрасивое и одновременно одухотворенное мудростью лицо зрелого мужчины. В его широких плечах, слегка согнутых, словно под тяжестью тяжелого бремени, в наклоне головы можно физически ощутить усталость, которая мешает герою стать по-настоящему счастливым. Та самая усталость, природа которой таится в деятельном созидании, усталость, не имеющая ничего общего с безудержным развратом, пресыщающим душу, или усталостью, рож-

денной деньгами, толкающими человека на безумные и бессмысленные преступления ради плотского удовольствия. Для Вазари как для художника было важно не только показать лицо человека, настоящего титана Возрождения, чей путь был наполнен полнокровным и противоречивым биением жизни.

Лоренцо никогда бы не смог стать Великолепным в глазах современников, если бы в его личности не было искр подлинного таланта, превративших первого богача Флоренции в величайшего мецената. Меценатство эпохи Возрождения имело совершенно особую, отличную от современного понимания этого термина природу. С меценатством в эпоху Возрождения связывалась возможность людей богатых и состоятельных поддерживать свой имидж и репутацию через вложение денег или оказание материальной помощи людям творческим, талантливым, готовым выполнить за деньги любую работу или любой заказ, прославляя имя заказчика-мецената. На портрете кисти Вазари тонкие, аристократические кисти рук Лоренцо с длинными почти прозрачными пальцами, свидетельствующими об изысканной натуре их обладателя, покоятся рядом с кошельком, указывающим на принадлежность их обладателя к корпорации банкиров и символически оттеняющим своей красной бархатной поверхностью белизну и изящество пальцев портретируемого. Эта двойственность натуры никогда не мешала Лоренцо находить гармонию в мире, в котором мог выжить лишь сильный и решительный человек.

Во внешнем облике Лоренцо Великолепный повторил черты лица своей матери, Лукреции Торнабуони. Сохранившиеся изображения Лукреции позволяют

рассмотреть деформированную форму носа, которую унаследует и Лоренцо. Можно предполагать, что подобная форма носа явилась результатом генетической мутации, точно так же, как широко известный по портретным образам деформированный подборок Габсбургов, передававшийся всем потомкам королевской династии. Сохранились свидетельства современников, рассказывающие о том, что несчастная Лукреция из-за сильной деформации носа не могла различать оттенки запахов и вкусов. В отличие от Лоренцо его брат Джулиано унаследовал черты лица от отца, Пьеро Медичи, что позволило ему прослыть первым красавцем Флоренции. Однако весьма скромные внешние данные Лоренцо компенсировались мощной мужской силой, делая его желанным кавалером в глазах красавиц.

Медичи и Платоновская академия: путь к бессмертию

Рождение мальчика в семействе Медичи более всего обрадовало Козимо Медичи, деда Лоренцо. В этом еще маленьком, но невероятно смышленном мальчугане Козимо видел будущего великого правителя Флоренции. Если в раннем детстве воспитанием Лоренцо занималась его мать, Лукреция Торнабуони, то уже повзрослевшего Лоренцо дед поручает Иоанну Аргиропуле, Кристофоро Ландино, Марсилио Фичино, снискавшим себе славу ученых-гуманистов. Это еще раз подтверждает тот факт, что Медичи очень внимательно относились к вопросам образования.

Лоренцо и его младший брат Джулиано получили блестящее образование, в основе которого лежало изу-

чение античной философии и культуры, греческого и латинского языков. Классическое образование способствовало расцвету Лоренцо как блистательного интеллектуала.

Еще в юности прикоснувшись к трудам античных философов, Лоренцо, придя к власти, создал на свои средства уникальный интеллектуальный центр — Академию Кореджи, или Платоновскую академию. Академия возникла в 1462 г. как место для научного развития идей флорентийского неоплатонизма силами ученых-гуманистов. Это учебное заведение никогда бы не было открыто, если бы не усилия, прикладываемые Козимо Медичи Старшим и способствовавшие его появлению. Первый шаг к ее открытию был сделан именно Козимо Медичи. Он подарил еще юному Марсилио Фичино античные рукописи и сочинения Платона, переведенные на латинский язык, а также виллу Кореджа. Уроженец Флоренции Марсилио Фичино получил образование во Флорентийском университете, где он усердно изучал философию и медицину. Овладев греческим, он стал серьезно заниматься переводами, одновременно работая секретарем у Козимо Медичи. С ним Козимо Медичи Старший связывал честолюбивые планы перевода трудов Платона на итальянский язык.

Возглавив Платоновскую академию, конкуренцию которой составляли Академия в Риме во главе с итальянским гуманистом Помпонио Лето и Неаполитанская академия во главе с поэтом-гуманистом Джованни Понтано, Марсилио Фичино делал все для того, чтобы не разочаровать Козимо Медичи. Академии стали новой инновационной формой самоорганизации

ученых, поэтов, литераторов, тяготеющих к философским традициям античного мира. Отличием академии от набиравших силу университетов было отсутствие принципов корпоративности, которыми так славились европейские университеты, и обращение в своих научных поисках исключительно к философским традициям античного мира. Наиболее востребованными античными учеными оказались Аристотель и Платон, труды которых активно переводились, исследовались, а взгляды ученых становились предметом научных дискуссий. С академиями связывался путь к формированию совершенного человека, и не случайно патроном Неаполитанской академии был король Неаполя.

На протяжении более чем тридцати лет вилла Кореджа, подаренная Медичи Марсилио Фичино, была местом сосредоточения блистательных умов Раннего Возрождения, ученых-гуманистов Кристофоро Ландино, Джованни Пико делла Мирандолы, Джованни Нези, поэтов — Анджело Полициано, Джироламо Бенивьени, Нальдо Нальди, художников — Сандро Боттичелли и др. Частым гостем на вилле был не только Козимо Медичи, но и его внук Лоренцо, уже с юных лет интересовавшийся философскими проблемами. Умный, хорошо образованный Лоренцо Медичи оказывался в эпицентре дискуссий, носивших эстетический характер. Учение о прекрасном волновало всех гуманистов, и в атмосфере дружеских обсуждений и свободного научного поиска формировался новый принцип работы с научным материалом, в основу которого теперь был положен синтез научных знаний.

Платоновская академия представляет сегодня не меньший интерес, чем семья Медичи. Помимо моло-

дых итальянских ученых, нашедших под ее сводами покой и понимание власть предержащих, в академии работали ученые, бежавшие из погибавшей под ударами исламского мира Византии. Здесь нашел приют выдающийся византийский ученый Георгий Гемист Плифон (или Плетон), с именем которого связано появление одной из первых теорий о государстве. После того как в 1453 г. Византия пала, стареющий ученый приехал во Флоренцию, привезя с собой свой уникальный архив, состоявший из древних свитков и рукописей. Именно этот архив, вывезенный чудом из Византии, стал интеллектуальной основой созданной Козимо Медичи в эти же годы Платоновской академии. Невозможно недооценивать научную составляющую трудов ученых, которые работали в академии под неусыпным контролем семейства Медичи. Современные историки, причисляющие себя к сторонникам так называемой альтернативной истории, убеждены, что именно с Платоновской академии была положена печальная традиция фальсификации источников. Процесс исторической фальсификации был важен и нужен лично Медичи, содержавшим на свои собственные средства академию. Как настоящие коммерсанты, они желали видеть отдачу от вложенных денег. Уже через год после прибытия во Флоренцию Георгий Гемист Плифон публикует 12-томный исторический труд «История Флоренции». В этом многотомном труде использованы византийские хроники, имена и события в которых были переделаны на флорентийский лад. Благодаря этой исторической мистификации история Флоренции оказалась длиннее на 260 лет, и в ней, конечно же, нашлось место славному и богатому

роду Медичи! Любопытно, что в историю рода Медичи удачно вписалась не только Византийская империя, но и Древняя Русь! Борис Синюков, исследователь, причисляющий себя к сторонникам радикальных взглядов на мировую историю, выдвинул смелую гипотезу, согласно которой знаменитая Лаврентьевская летопись была написана в недрах Платоновской академии Медичи. Название летописного свода родилось от имени сына Козимо Медичи Лаврентия, заведовавшего так называемой Лаврентьевской библиотекой в Академии².

После смерти Козимо Медичи благодаря исключительно усилиям, приложенным Лоренцо Медичи, академия очень быстро превратилась в интеллектуальный центр неоплатоников. Неоплатониками принято называть сторонников направления античной мысли III–VI вв., в котором соединились взгляды Платона, Аристотеля и восточных мудрецов. Неоплатоники создали новое учение об особом, иерархически устроенном мире, в котором душа может совершать восхождение к своему первоначальному истоку, стремясь соединиться с Высшим Божеством. Одним из положений учения неоплатоников было освобождение души от материальных оков для достижения подлинной духовности через состояние экстаза.

Любовь к наследию Платона и Аристотеля была унаследована Лоренцо от его деда Козимо Медичи, полагавшего, что без учения Платона невозможно стать ни хорошим гражданином, ни хорошим христианином. Увлечение мистикой было свойственно и време-

² См.: <http://www.borsin1.narod.ru>.

ни Лоренцо Медичи. После того как под ударами турок рухнул оплот православного мира — Византийская империя, Флоренция начала превращаться в центр философии и культуры, выступая наследницей великой византийской цивилизации.

Усердие, проявленное Лоренцо в юности при изучении древних языков, не прошло для него даром. Полученные им знания сделали его блестящим знатоком древнейших языков, позволяя читать труды великих мыслителей античного мира на языке оригинала. Сознавая важность содержания древнейших трактатов, Лоренцо не жалел денег, отправляя на Восток своих людей, чтобы те искали и привозили во Флоренцию все найденные ими древние манускрипты или свитки. Со временем количество привезенных письменных источников стало столь велико, что подтолкнуло Лоренцо к идее создания первой публичной библиотеки, появившейся в Европе. Библиотека Лоренцо по числу собранных в ней манускриптов, рукописей, печатных книг могла состязаться с великой Александрийской библиотекой. Если Александрийская библиотека носила имя легендарного Александра Македонского, то библиотека Флоренции стала называться Библиотекой Лауренциана в честь Лоренцо Великолепного.

Начало формированию уникального культурного фонда было положено при Козимо Медичи. В 1444 г. ему удалось собрать уникальную коллекцию древних рукописей, фундаментом которой стало собрание древних рукописей, принадлежавших другу Медичи Никколо Никколи. Идея дать собранию древних рукописей имя Лоренцо Медичи принадлежала племяннику Лоренцо Джулио Медичи, с 1523 г. возведенному в сан

папы римского Климента VII. Следуя семейным традициям, Климент VII в 1524 г. поручил Микеланджело разработать проект здания библиотеки, с которым он блестяще справился. Жемчужиной библиотеки стала центральная лестница, выполненная в не характерном для Микеланджело архитектурном стиле. Лестница своей пластикой и динамичностью напоминает потоки огнедышащей лавы, с мощью и силой которой великий Микеланджело сравнивал знания, вытекающие из залов библиотеки.

Создавая культ знаний, Лоренцо в 1472 г. на основе школы в Пизе открывает Тосканский университет, а затем в любимой им Флоренции — уникальный европейский университет, в стенах которого греками-византийцами будет впервые преподаваться греческий язык. В 1488 г. усилиями Лоренцо будет издано первое печатное издание Гомера.

Желание Лоренцо наполнить свою жизнь атмосферой Античности способствовало формированию особого, неповторимого образа жизни, который вел не только Лоренцо, но и его многочисленные друзья. Следуя образу жизни древнегреческих ученых-философов, Лоренцо Великолепный имел привычку обедать в окружении друзей. Он объяснял подобную странность тем, что лишь животным свойственно прятать свою пищу, чтобы в одиночестве ее съесть. Человеку, говорил Лоренцо, следует насыщаться не столько плотской, сколько духовной пищей. Следовательно, беседа с друзьями во время трапезы является лучшей приправой к вкусной еде. Ежедневно во дворце Лоренцо, следуя традициям античных пиров, собирались блистательные ученые, музыканты, певцы. Каждый из

гостей должен был уметь поддержать умную беседу, одновременно получая возможность вкусно поесть.

Однажды гости Лоренцо заговорили об искусстве флорентийских мастеров. Между ними завязался спор. Мнения гостей разделились: одни гости принялись хвалить флорентийских оружейников, другие — суконщиков, третьи — ювелиров. Лоренцо Великолепный, наслаждавшийся нитью спора, с улыбкой спросил у своего шута Гонеллы, что тот думает на этот счет. Тот, не задумываясь, произнес, что Флоренция славится докторами, потому что этого народа здесь больше всего. Правитель пришел в изумление: ведь во Флоренции было всего лишь три медика, один из которых служил при его дворе. Ничуть не смутившись, шут Гонелла ответил Лоренцо, что во Флоренции каждый десятый — доктор.

Став предметом насмешки, Лоренцо очень разозлился на своего шута, но, не подав вида, он с любезной улыбкой предложил шуту сто флоринов, если на следующий день он принесет доказательство своим словам. Развязав кошелек, богач выложил на серебряное блюдо сто золотых флоринов, а хитрый шут, увидев деньги хозяина, лукавыми словами заставил каждого из гостей выложить в вазу ровно столько денег, сколько положил Лоренцо.

На следующее утро шут, обвязав щеку платком, отправился в город. Каждый, кто встречал беднягу, зная, при чьем дворе тот служит, старался дать ему совет, как избавиться от зубной боли. Хитрый шут, ссылаясь на невыносимую боль, просил записывать на бумаге понравившийся ему рецепт, сопровождая его подписью советчика. Последним шуту встретился

Лоренцо Великолепный, который, не подозревая об обмане, с удовольствием дал страждущему несколько советов, цenia свои знания значительно выше знаний своего придворного лекаря. Написав на листе бумаги свой рецепт, Лоренцо, не задумываясь, поставил свою подпись.

Вечером собравшиеся гости в нетерпении ожидали окончания спора. К удивлению Лоренцо, ваза с деньгами была пуста. Видя изумление господина, шут объяснил, что все деньги он потратил на сбор доказательств правоты своих слов. Каково же было удивление Лоренцо, когда в списке, поданном шутом, было более трехсот фамилий флорентийских ученых, поэтов, купцов, а рядом с каждой из фамилий стояло указание «просвещенный медик». Последней в списке стояла фамилия Медичи. Произнеся фамилию своего господина, мудрый шут сказал, что, несмотря на то что стоит она последней, именно Лоренцо Медичи является первым медиком Флоренции, недаром он носит фамилию Медичи — «лекарь», а в его фамильном гербе изображены шесть пилюль. Эта веселая история могла бы остаться лишь наивной детской сказкой, если бы в ней не были указаны реальные исторические персонажи, жившие во времена Медичи. То, что сказка устами шута Гонеллы передает историю рода Медичи, сегодня может расцениваться как весьма достоверный исторический факт. Кто знает, быть может, генетическая память, передающаяся из поколения в поколение, заставляла Медичи стремиться к наукам, как и их далекого предка, врачевавшего еще при дворе Карла Великого.

Преклоняясь перед философией неоплатоников, Лоренцо Медичи стремился постичь тайный смысл чело-

веческой души и смысл бытия. Философия неоплатоников учила, что задачей настоящего искусства является поиск совершенной формы предмета. Любое знание, правильно понятое, превращается в ключ, способный открыть дверь к божественной истине, а земная, физическая красота, высшим воплощением которой является человеческое тело, отражает красоту духовную. И в то же время тело — это всего лишь тюрьма для души, стремящейся к Создателю. Только в смерти человеческая душа способна достичь совершенства. Развивая идеи Платона, один из близких друзей Медичи, философ и ученый Пико делла Мирандола, утверждал, что, обладая свободной волей, человек может в течение всей своей жизни либо погружаться в состояние бессознательное, близкое к животному, либо возноситься в небеса к ангелам. Утверждая безграничность возможностей человека, неоплатоники сформулировали удивительно оптимистичную философию, сотканную из идей гуманизма.

Проводя много времени в кругу своих друзей, Лоренцо Медичи любил разыгрывать своих гостей. Однажды гость, по профессии лекарь, стал предметом розыгрыша, в котором отразились взгляды неоплатоников на мир и человека. Беднягу, изрядно перебравшего вина и оттого совершенно бесчувственного, по приказу Лоренцо закрыли в темной комнате, где держали сытым и пьяным целый год, не разговаривая с ним и не отвечая на его вопросы. В то время как несчастный узник томился в заточении, по Флоренции был пущен слух, что бедняга умер от чумы. Чтобы уверить всех в случившемся, вместо лекаря был предан земле случайный бродяга, до судьбы которого не было никому дела.

Через год лекаря по приказу Лоренцо выпустили в неизвестном ему лесу, но благодаря смекалке он нашел дорогу к себе домой. Можно представить, какой ужас испытал несчастный, когда увидел в страхе разбегавшихся от него людей, а придя в дом, обнаружил жену, вышедшую замуж и уже успевшую понести ребенка. Крича и изрыгая проклятья, бедный лекарь пытался под смех свиты Лоренцо Великолепного войти в собственный дом, куда его не пускал никто, полагая, что это призрак. Когда же по требованию лекаря была вскрыта гробница, принадлежащая якобы ему, то вместо тела из склепа вылетел совершенно черный голубь, предусмотрительно спрятанный там свитой Лоренцо. Вдоволь посмеявшись над лишившимся чувств лекарем, Лоренцо Медичи милостиво признал его, а вслед за ним его признали и все остальные. Лекарь вернулся к жене, ее новый муж был изгнан из дома, а родившийся несчастный младенец передан на воспитание монахам. Так, руководствуясь идеями неоплатоников, Лоренцо позволил себе стать Создателем, заставив пьяницу-лекаря пройти путь от животного к человеку.

Миф о Лоренцо Великолепном

Магнетизм личности Лоренцо Великолепного с годами не ослабевает, переживая естественный для такой масштабной политической фигуры, каким он был при жизни, процесс мифотворчества. Нам хотелось бы привести в качестве примера рассказ, посвященный знаменитому пасьянсу Лоренцо Великолепного, написанный в начале XXI в. В рассказе Лоренцо Велико-

лепный предстает по-земному трагической фигурой, жаждущей любви и теплоты, исходящей от земной женщины, и одновременно демоническим существом, власть и богатства которого явились результатом сделки с дьяволом.

На закате своей жизни сорокалетний Лоренцо Великолепный, к несчастью для него не познавший радости плотской любви с любимой женщиной, влюбился в юную флорентийку, оказавшуюся на редкость хитрой и умной девицей. Видя любовные страдания самого богатого человека Флоренции, девица согласилась разделить с ним ложе любви при условии, что Лоренцо преподнесет ей в дар нечто такое, чего у него не могло быть. Умный и проницательный Лоренцо, опьяненный молодостью и красотой юной проказницы, обратился за помощью к астрологу, о котором во Флоренции ходили темные слухи как о колдуне и чародее. Внимательно выслушав просьбу Медичи, старик преподнес несчастному влюбленному карты для пасьянса. Они исполняли любое желание их владельца, стоило только разложить их в пасьянс. Обретя дьявольские карты, Лоренцо забыл о своей возлюбленной. Спустя несколько лет на площади по приказу Лоренцо колдун был предан смерти. В тот миг, когда остановилось сердце чародея, остановилось и сердце Лоренцо Великолепного. После смерти тирана каждый посвященный в страшную тайну стремился обладать картами колдуна. Очередной новый хозяин карт, раскладывая дьявольский пасьянс, получал все то, что загадывал перед игрой: деньги, власть, любовь. Плата за счастье была всегда одинаковой: через несколько лет сказочные богачи умирали в страшных муках. Что

же касается магических карт Лоренцо и дьявольского пасьянса, то, может быть, и сегодня кто-то играет с судьбой, ставя на кон свою собственную жизнь, раскладывая карты Медичи? В этом рассказе скрывается одна из драматических страниц Лоренцо Медичи, связанных с его разбитым сердцем.

Исследователи полагают, что в жизни Лоренцо Медичи были три женщины, способные утверждать, что именно они сыграли в его судьбе главную роль возлюбленной. В 16 лет Лоренцо встретил свою первую и единственную даму сердца — Лукрецию Донати, происходившую из знатного и богатого флорентийского рода. Когда Лоренцо встретил ее, она уже была замужем и всю оставшуюся жизнь позволяла Лоренцо посвящать ей стихи, сонеты, называть Дианой и сравнивать со звездой, явившейся на землю в образе совершенства. Эта куртуазная любовь юного Медичи к прекрасной даме не могла перерасти в нечто большее, поскольку Лоренцо был связан обязательствами династического брака. Сделав Лукрецию своей официальной музой, Лоренцо в 1469 г. поместил на штандарте, созданном художником Верроккьо, во время турнира имя Лукреции рядом с именем Клариче, своей супруги. После объявления Лоренцо победителем Лукреция стала королевой красоты рыцарского турнира. Отношения между женщинами складывались достаточно буднично, поскольку Лоренцо не давал Клариче повода усомниться в своем добром расположении к ней, законной супруге, что позволило Клариче в 1471 г. стать крестной матерью сына Лукреции, Пьетро.

Вторая женщина Лоренцо Медичи была его официальной женой и матерью его детей — Клариче Ор-

сини. Она любила своего мужа любовью женщины, которая не в состоянии изменить свою судьбу. Она считала, что все, что с ней случается, следует принимать со смирением и терпением. Она происходила из древнего римского рода, позволявшего ей считаться настоящей римской принцессой. В супруги она была выбрана матерью Лоренцо, Лукрецией Торнабуони, посчитавшей, что эта девушка будет достойной супругой для ее сына. Четвертого июня 1469 г. во Флоренции была торжественно отпразднована свадьба Лоренцо Медичи и римской принцессы Клариче Орсини. Родители Клариче также были довольны выбранной для дочери партией. Медичи были самым богатым семейством, занимая первую строку в числе десяти знатных семейств Италии — Медичи, Сфорца, Арагонский дом, Борджа, Орсини, Делла Ровере, Колонна, Эсте, Гонзага, Монтефельтро.

Клариче предстояло провести свою жизнь в городе, в котором принадлежность к аристократии не значила ничего. Наоборот, аристократия не имела права по законам Флоренции заседать в Совете, в то время как вся власть была сосредоточена в руках патрициев, к которым относилось семейство будущего мужа. Отличавшаяся угрюмым нравом, она посвятила свою жизнь детям, как и подобает богатой флорентийке. За десять лет совместной жизни Клариче родила супругу четверых дочерей — Лукрецию, Маддалену, Луизу и Контессину и трех сыновей — Пьеро, Джованни и Джулиано. Все свободное время женщина посвящала домашним делам, и единственной ее радостью было посещение службы в церкви. Родившаяся в одной из самых богатых и влиятельных семей Италии — Орсини, Клариче

не стремилась унижить своим происхождением супруга, который относился к ней с нескрываемой заботой и участием.

С именем Клариче Орсини связан один любопытный исторический сюжет, участницей которого стала будущая супруга русского царя Ивана III византийская принцесса Зоя Палеолог. В 1472 г. Клариче оказалась свидетельницей заочного обряда бракосочетания русского царя и византийской принцессы, состоявшегося в Ватикане. Сопровождавший Клариче во время церемонии в Ватикан придворный поэт Медичи флорентиец Луиджи Пульчи оставил весьма странное описание этого визита. В его глазах византийская принцесса была лишь разряженной куклой, толстой и отвратительной особой. Но совершенно по-иному восприняла будущую царицу Софью Клариче. Луиджи Пульчи напишет, что супруга Лоренцо Великолепного сидела на приеме, заколдованная видом и речью византийской принцессы. Клариче увидела в ней красавицу, богатство и знатность происхождения делали ее недостижимой в глазах жены флорентийского купца и банкира, в то время как она продолжала ощущать себя римской принцессой. К несчастью для бедняжки, она достаточно рано ушла из жизни, подхватив чахотку, которая унесла жизнь не одной из блистательных дам Флоренции.

Третьей женщиной, которая, как звезда, внезапно осветила жизнь Лоренцо и так же внезапно погасла, могла быть Симонетта Веспуччи, первая красавица Флоренции, возлюбленная Джулиано Медичи. Жизнь Симонетты оборвалась в 22 года. Причиной ее смерти стала все та же чахотка. Ее необыкновенная красота,

манера держаться и разговаривать с людьми кружили головы знатым флорентийцам, кто хоть однажды видел или общался с ней. В число ее преданных поклонников входили и братья Медичи. Выбор красавицы был сделан в пользу младшего брата Джулиано. Лоренцо не мог сравнить свою внешность с красивыми, точеными чертами брата и его прекрасно сложенной фигурой. В противоположность брату Лоренцо был коренастым молодым человеком невысокого роста с кривыми ногами. К этим недостаткам следовало добавить плохое зрение, тонкий голос, отсутствие обаяния и в завершение — кривой нос, доставшийся ему по наследству от матери. Но, несмотря на это, женщины Флоренции теряли голову от Лоренцо Медичи, очарованные его храбростью, отвагой, любезностью и остроумием.

Преклоняясь и любя по-своему каждую из женщин, Лоренцо стремился не причинять боль ни одной из них. Азы дипломатической школы Лоренцо познал еще в детстве, во время дипломатических приемов, которые устраивал Козимо Медичи. Умение слушать собеседника, постоянно во время переговоров отстаивать интересы своей страны и своего народа позволило Лоренцо без особого труда вести сложные дипломатические переговоры. Один из образованнейших людей своего времени, Лоренцо Медичи всегда помнил о той исключительной роли, которую сыграл в судьбе Флоренции Юлий Цезарь. Доказательством тайного преклонения Медичи перед славой Цезаря может служить весьма примечательная история, произошедшая в 1486 г.

Во время дипломатических переговоров между Лоренцо Медичи и султаном Египта Кайт-беем последним в знак доказательства дружеских отношений с

семейством Медичи был поднесен экстравагантный подарок, выпрошенный Лоренцо Великолепным, — живой жираф. Необычность подарка привела в замешательство всех жителей Флоренции, впервые видевших столь странное животное. Но почему же Лоренцо Медичи предпочел получить от султана Египта столь странный подарок и кому в действительности он предназначался?

Год 1484-й на Балканах был отправной точкой начавшейся экспансии воинственного султана Баязида II против христианских народов Балканского полуострова. Видя усилившиеся военные позиции Баязида II, в 1487 г. папа римский Иннокентий VIII выступил с призывом к европейским правителям объединить усилия для нового крестового похода, чтобы защитить христианский мир от неверных. Призыв папы был услышан европейскими монархами, однако существовавшая между европейскими государствами и папским престолом вражда стала серьезной преградой для объединения общих усилий. Одним из тех, кто не мог допустить заключения любого соглашения со Священным престолом, был неаполитанский король Фердинанд. Международная ситуация усложнилась еще больше в 1489 г., когда на политической сцене появился новый игрок — младший брат султана Баязида, султан Джем, рожденный от сербской княжны, исповедовавшей христианство. Еще в 1482 г. султан Джем поднимает мятеж против своего брата, но, потерпев неудачу, он скрывается под именем Зизима на острове Родос, найдя защиту у гроссмейстера ордена Святого Иоанна Иерусалимского Пьера д'Обюссона, превратившего остров в важный рубеж христианского мира на пути продвижения Османской империи.

Постепенно султан Джем становился в глазах европейских политиков важной политической фигурой. Они понимали, что султан Баязид никогда не нападет на страну, в которой будет жить его брат и главный соперник. За право иметь такого пленника вели борьбу венецианский дож, король Неаполитанский, король Венгрии, герцог Лотарингский Рене II, французский король, папа Иннокентий VIII. Каждый из перечисленных политиков надеялся разыграть, используя султана Джема, свою политическую карту. Пьеру д'Обюссону предлагались огромные деньги, которые участники политической дуэли намеревались взять в долг у ведущих банковских домов, в том числе и у банковского дома Медичи. Самым крупным игроком этой рулетки оказался египетский султан Кайт-бей, власть которого распространялась на все побережье Северной Африки, Палестины, Сирии. Кайт-бей был личным врагом опасного и коварного Баязида, что заставляло его искать поддержку в лице христианских правителей. Он предложил за пленника 600 тыс. дукатов, сумма огромная по тем временам, а в качестве посредника в решении этого непростого вопроса султан избрал Лоренцо Медичи. Вопрос о передаче пленника должен был решить король Франции, вассалом которого был гроссмейстер ордена Пьер д'Обюссон, к которому от имени султана и должен был обратиться Лоренцо Медичи. Пьер д'Обюссон происходил из древнего рода французских аристократов. Уже в ранней молодости он принимал участие в походах против неверных под знаменами католической церкви. В 1476 г. он был избран гроссмейстером ордена иоаннитов, проявив незаурядный талант стратега и

невероятное мужество при осаде острова Родос турецкими войсками.

Флоренция, активно развивая внешнюю торговлю в период правления Лоренцо Медичи, стремилась наладить, как бы сегодня сказали экономисты, прямые торговые связи с Египтом. Заключая договор с султаном Египта, флорентийцы желали избавиться от посреднических торговых услуг, которые традиционно им оказывали венецианские купцы. Направляя к Медичи посольство, султан Египта вместе с богатыми подарками отправил в 1487 г. во Флоренцию несколько видов дорогих и редких животных, среди которых особо выделялся жираф, животное, крайне редкое в Европе. Так несчастное животное стало частью политического договора.

Вполне допустима версия, что Лоренцо Медичи лично попросил привезти во Флоренцию жирафа. Для того чтобы получить это экзотическое животное, Лоренцо Великолепный, тщательно скрывая истинный смысл подарка, который знал лишь он один, употребил весь свой дипломатический талант. Дело в том, что жираф, подаренный Лоренцо Медичи египетским султаном, был отнюдь не первым жирафом, появившимся на итальянской земле. Еще в 46 г. до н. э. в зверинец, созданный в Риме по приказанию Юлия Цезаря, был привезен жираф, названный римлянами «камелопардом» (лат. *camelopardalis*), поскольку в глазах римлян это странное животное соединяло в себе черты хищного леопарда и безобидного верблюда. Жираф вызывал у римлян непреодолимый животный ужас, что и позволило Цезарю использовать чувства римлян для укрепления собственной власти. По приказу Це-

заря при большом стечении народа несчастное животное было отдано публично на растерзание стае львов, содержащихся в том же зверинце.

Что же касается султана Кайт-бея, то он с радостью исполнил неожиданную просьбу Медичи, тайно мечтавшего повторить триумф Цезаря. Султану не составляло большого труда заполучить это животное. Жирафы в Египет поставлялись в качестве дани покоренными народами из Судана. Однако хитрый султан как настоящий восточный политик использовал необычное желание Лоренцо для того, чтобы приблизиться к осуществлению своего плана. Кайт-бей прекрасно понимал, что в восточном политическом пасьянсе султан Джем мог стать главной картой. Заняв место брата Баязида II, султан Джем мог изменить всю международную политику Ближнего Востока, повлияв в том числе и на экономическое и политическое положение Египта. Отправляя посольство во Флоренцию, ловкий султан Кайт-бей предложил Лоренцо Медичи обменять жирафа на султана Джема.

Историческая эпоха, в которой жил Лоренцо Медичи, в отличие от времени Юлия Цезаря, не могла позволить ему пойти на откровенно бессмысленное и жестокое убийство ради упрочения власти или из-за глупости лишиться союзника, каким являлся султан Египта. Повторяя поступок Цезаря и стремясь, так же как и Цезарь, упрочить свою власть, Лоренцо избрал дипломатический путь укрепления своей власти над жителями Флоренции, одновременно сохранив торговый союз с Египтом. Лоренцо принял предложение султана, тем более, что в противном случае султан Джем оказывался под покровительством папы,

что было недопустимо для Медичи. Лоренцо Медичи заявил, что животное он готов подарить королеве Франции, чтобы продемонстрировать ей дружеское расположение Флоренции. Ведь жираф в символике знаков обозначает богатство. Получив столь необычный подарок, французская королева должна была понять его глубинный тайный смысл и согласиться на предложенную ей сделку. В адрес французского двора было направлено послание. В нем витиеватым дипломатическим языком излагалась просьба Лоренцо Медичи. Вскоре из Франции был получен положительный ответ от королевы Анны.

Холодной дождливой осенью 1487 г. вместе с египетским посольством во Флоренцию привезли жирафа. Вместе с жирафом во Флоренцию прибыли и несколько других редких для Европы животных, в том числе и львы. Но планы Медичи были расстроены: судя по хроникам, жираф прожил во Флоренции недолго, потому что сломал себе шею. После смерти жирафа Медичи Европа на долгие три столетия забыла о существовании подобных животных. Продолжение этой необычной истории имело место ровно через год после гибели животного. В апреле 1489 г. Лоренцо получил от королевы Франции письмо, в котором она спешила узнать, где же подарок, обещанный ей еще год назад. Принеся свои глубокие извинения, Лоренцо отправил во Францию богатую коллекцию египетской косметики в качестве компенсации для августейшей особы.

Что же касается судьбы несчастного изгнанника, то ее решили деньги и дипломатические переговоры. Снискав расположение французского короля, папа

Иннокентий VIII сумел в обмен на кардинальскую шапочку для Пьера д'Обюссона и значительной суммы пожертвований для военного ордена Святого Иоанна Иерусалимского заполучить в Ватикан желанного пленника. Несчастный султан Джем был незамедлительно отправлен в Рим 17 марта 1489 г. Султану Джемму было всего тридцать лет. Он был настоящим восточным красавцем: высоким, черноволосым, с орлиным носом и яркими голубыми глазами. Ватикан видел в нем нового правителя Константинополя и поэтому превратил его приезд в Рим в настоящее политическое шоу. Кортёж султана проехал при большом стечении народа по улицам Рима, и его лично встретил в своих апартаментах понтифик. Папа видел в нем нового христианского правителя. Делая официальное заявление о приезде в Ватикан настоящего законного наследника константинопольского престола, Рим рассчитывал вызвать новую волну раздора внутри Османской империи. В феврале 1495 г. султан Джем умер или, по слухам, был отравлен по приказу папы Александра VI, выполнившего просьбу Баязида II за весьма внушительную сумму. Так в этой странной истории, жертвами которой стали несчастный жираф и пленник-султан, проявился незаурядный дипломатический талант Лоренцо Медичи, достойный похвалы Цезаря.

Личность Лоренцо Медичи очень многогранна. С его именем связано много легенд и преданий. Одной из загадок является капелла Медичи во Флоренции. Капелла Медичи была создана великим Микеланджело, и даже спустя столетия она остается одним из загадочных и мистически таинственных архитектурных

творений гения. Капелла Медичи композиционно является составной частью собора Сан-Лоренцо. Микеланджело жил и воспитывался в доме великого правителя, испытывая к хозяину дома самые возвышенные чувства. Капелла Медичи была заказана после смерти Лоренцо его сыном папой Климентом II, пожелавшим видеть в скульптурных композициях гробницы фигуры Лоренцо Великолепного и его погибшего брата Джулиано. Завершала композицию, по замыслу, гробница самого папы Климента II. Приступая к работе над заказом, Микеланджело неожиданно обратился в первую очередь не к ярким образам Лоренцо Великолепного и его брата, а к двум посредственным фигурам герцогов из рода Медичи, знаменитых лишь тем, что они носили столь яркую фамилию. Вторая загадка, оставленная потомкам скульптором, кроется в полном отсутствии портретного сходства, которое не могли не заметить современники Лоренцо Великолепного, многие из которых хорошо помнили его лицо. И тем не менее, покидая Флоренцию и окидывая взглядом завершенную скульптурную композицию, Микеланджело был полностью доволен своим замыслом, при этом он полагал, что Лоренцо Великолепный был бы также доволен капеллой в том виде, в каком она была сотворена им.

Своего покровителя Микеланджело изобразил в образе Мыслителя, облачив при этом скульптуру в рыцарские доспехи. Будучи последним профессиональным банкиром в семействе Медичи, Лоренцо не скупился на деньги, которые он жертвовал для поддержания талантливых художников, архитекторов, скульпторов и философов. Если внимательно приглядеться

к скульптуре, изображающей Лоренцо, то под левым локтем Медичи можно увидеть небольшую коробочку, орнаментом для которой послужило изображение... мыши. Образ мыши в восточной и западной культурах имеет противоположное значение. На Востоке мышь олицетворяет ловкость, смелость, проворство, в буддизме мышь считается первым животным, получившим благословение Будды, она олицетворяет благополучие, зажиточность и достаток. Не случайно в Индии существует обычай расставлять в доме фигурки мышей и крыс, благодаря покровительству которых в семье будет сохраняться и накапливаться богатство. В культуре Запада, к которой относится Флоренция, мышь воспринимается крайне негативно. Мыши пользовались дурной репутацией, поскольку с ними в Средневековье связывались эпидемии чумы.

Так как Микеланджело трудно обвинить в легкомысленном отношении, проявленном им при создании капеллы Медичи, следовательно, изображение мыши рядом с Лоренцо Великолепным не было случайным. Не исключая знакомство Лоренцо Великолепного, так же как и Микеланджело, с индийской философией, можно предположить, что будущий скульптор, находясь в Платоновской академии, мог оказаться невольным свидетелем синтеза культур, ставших толчком для создания в капелле Медичи совершенно новых художественных образов, синтезировавших искусство Запада и Востока.

Спустя столетия, взирая на мир мраморными глазами, Лоренцо Медичи продолжает оставаться государем-философом, всю свою жизнь стремившимся идти по дороге, открытой Платоном. Для врагов он

был ужасным тираном, для друзей — щедрым меценатом, для современников — правителем, сумевшим сделать все возможное, чтобы годы его правления во Флоренции назвали золотым веком итальянского Возрождения. И даже несмотря на монументальные фигуры его великих современников, Лоренцо не оказался в тени истории, воплотив в себе явление древнего божества в земном человеке.

Глава 5

Женщины рода: великие авантюристки и великие убийцы

Эпохе Ренессанса, совершившей головокружительный переворот в сознании людей, принадлежит открытие, значение которого нашло свое отражение в эстетике восприятия новой жизни. Ренессансная культура подарила миру Женщину, чьи возвышенная красота и гармония стали символами новой эпохи. Мужчины из рода Медичи, создавая уникальное культурное пространство, ставшее впоследствии колыбелью Возрождения, одними из первых осознали мистически божественную женскую красоту, воспевая ее в стихах и живописи. Но, даже испытывая самые нежные и трепетные чувства к прекрасным дамам, никто из Медичи не позволял женщине возвыситься над мужчиной или стать равной ему.

Выбирая спутницу, мужчины из рода Медичи предпочитали женщин, согласных занять место заботливых

супруг и верных спутниц, любящих матерей многочисленного семейства. Это восприятие женщины соответствовало новым религиозным взглядам, формировавшимся во флорентийском обществе. Браки, заключаемые Медичи, более всего напоминали деловые сделки, завершавшиеся финансовыми вложениями либо приобретением права родства к древним патрициям. Начало столь прагматичному отношению к заключению брачных союзов было положено основателем рода Медичи Аверардо Медичи, взявшим в супруги девицу из знатного флорентийского рода патрициев Гонди. По легенде, род Гонди происходил от храброго юноши Филиппи, произведенного в рыцарское звание легендарным Карлом Великим. Семейство Гонди считалось едва ли не самым уважаемым и богатым во всей Флоренции. Потомки Гонди удостоивались величайшей чести быть захороненными в фамильной капелле в церкви Санта Мария Новелла. Этот брак позволил никому не известному Аверардо говорить на равных с самыми уважаемыми семействами Флоренции. Время не сохранило историю любви Аверардо к супруге, но то, что именно этот союз, столь выгодно заключенный между семействами Медичи и Гонди, укрепил финансовое положение двух известных банкирских домов, очевидно.

**Бьянка Капелло,
супруга Франческо Медичи**

Находясь в тени своих супругов, женщины из рода Медичи нередко становились жертвами или участницами кровавых событий. Так, средняя дочь Козимо Медичи и Элеоноры Медичи Изабелла, герцогиня Брач-

чано, была задушена собственным мужем. Не менее страшная смерть постигла ее сестру, Лукрецию, герцогиню Феррарскую, отравленную собственным супругом. Следуя традиции избавляться от порядком надоевших жен или любовниц, Пьеро Медичи без сожаления убил свою юную жену, имея лишь смутные подозрения в ее неверности.

Однако самые драматичные события связаны с любовной историей, вспыхнувшей между великим герцогом Франческо I, третьим сыном Козимо Медичи, и редкой красавицей венецианкой Бьянкой Капелло. Со временем эта история обрела много почти фантастических деталей, а куртуазный XVIII в. и вовсе превратил Бьянку Капелло в величайшую обольстительницу, на протяжении десятилетий заставлявшую страстно биться сердце флорентийского герцога и ценой жизни близких людей добившуюся права называться его законной супругой.

Юная Бьянка родилась в семье богатого венецианского купца Бартоломео Капелло, придерживавшегося строгих правил в воспитании дочери. До шестнадцати лет Бьянка находилась в доме отца, где ее обучали рукоделию, ведению домашнего хозяйства, чтению. Ее единственным развлечением был выход в церковь во время религиозных служб в сопровождении служанки. Видя, как с каждым годом расцветает удивительная красота дочери, отец Бьянки мечтал породниться со знатным венецианским семейством, достойным рода Капелло. Несмотря на строгие запреты, именно во время одного такого посещения церкви юная Бьянка встретила юношу, бывшего родом из Флоренции, по имени Пьетро Бонавентури. Пьетро прибыл в

Венецию по поручению своего господина, флорентийского банкира Сальвиати, не обладая никаким состоянием. Однако он был молод, хорош собой и дерзок. Случайно встретив на улице невероятно красивую молодую девицу, юноша вспыхнул к ней любовью и на последние деньги, имевшиеся у него, купил красную шапочку, которая была отличительным знаком банкиров, и снял комнату рядом с домом красавицы. Выдавая себя за богатого банкира Сальвиати, юноша спустя несколько дней после первой встречи сжимал в объятиях свою возлюбленную, которая с девичьей наивностью восприняла эту встречу, словно предначертанную судьбой.

Рискуя жизнью, влюбленные встречались до тех пор, пока Бьянка не почувствовала, что ждет ребенка, о возможном появлении которого юные влюбленные не задумывались. Впервые испытывая бурную страсть к мужчине шестнадцатилетняя Бьянка не замечала ни его потертого костюма, ни стоптанных башмаков, а когда Пьетро предложил тайно бежать во Флоренцию, чтобы обвенчаться, девушка не задумываясь согласилась, уверенная, что брак с богатым банкиром сможет смягчить гнев отца.

Можно представить ужас, охвативший несчастную Бьянку при виде убогого жилища, в котором обитали Пьетро и его семейство. Открывая возлюбленной свой обман, Пьетро надеялся на прощение, не предполагая, какую глубокую рану он нанес честолюбию венецианской красавицы. Окруженная роскошью, привыкшая отдавать приказание многочисленным слугам, Бьянка вынуждена была убирать жалкую лачугу, носить воду, готовить еду не только для своего мужа, но

и для многочисленного, вечно грязного и шумного семейства Бонавентури.

Обнаружив исчезновение шестнадцатилетней дочери, к тому же наследницы большого состояния, доставшегося ей после смерти матери, и узнав о ее побеге, отец Бьянки — Бартоломео Капелло — немедленно обратился в Сенат с обвинением в растлении юной девицы. Он потребовал смертной казни для обидчика. Горя мщением, Бартоломео добавил к уже назначенной сумме вознаграждения в 1000 золотых дукатов тому, кто первым найдет сбежавших влюбленных и выдаст их, ровно такую же сумму.

Несмотря на отчаянные поиски, предпринимаемые отцом Бьянки, поиски беглецов не принесли ожидаемого результата. Тем временем в семействе Бонавентури на свет появилась очаровательная девочка. К счастью, рождение дочери не изменило природной красоты Бьянки, а трудности лишь укрепили ее сильный характер.

По невероятному стечению обстоятельств уже смилившуюся со своим нищенским положением девушку увидел в окне убогой лачуги герцог Франческо, сын Козимо Медичи, случайно проезжавший по улице, где обитало семейство Бонавентури. С этого момента желание обладать красавицей становится для Медичи навязчивой идеей. Однако его положение и традиции Флоренции не позволяли ему украсть красавицу из дома, сделав ее своей любовницей.

Взяв в качестве посредника своего приближенного, Мондрагоне, Франческо устраивает тайное свидание, воспользовавшись редким выходом в свет красавицы для посещения службы в соборе Сан-Марко.

Играя на доверчивости свекрови Бьянки, Мондрагоне через несколько дней после первого знакомства в соборе приглашает Бьянку в сопровождении свекрови в богатый дом, напоминающий дом ее отца.

В то время как свекровь Бьянки бродила по богатым комнатам дворца, пораженная его роскошью, Франческо Медичи, ожидавший в нетерпении прибытия гостыи, получил возможность открыться в своих чувствах прекрасной возлюбленной. Никто из мужчин Медичи не отличался красотой, и Франческо, к несчастью для Бьянки, не был исключением. Но блеск и роскошь дворца сгладили внешнюю непривлекательность герцога, который был к тому же галантным кавалером. Поняв, чего так страстно желает герцог, Бьянка не задумываясь согласилась стать его любовницей. К тому же, по одной из вполне возможных версий, встреча герцога Франческо и красавицы Бьянки была организована Пьетро Бонавентури, который мечтал сделать Бьянку любовницей самого могущественного и богатого человека города.

После встречи с герцогом жизнь Бьянки резко изменилась. Она и ее муж были отмечены невероятной щедростью герцога. Прежде всего герцог позаботился о том, чтобы Пьетро и Бьянка получили право на жительство. Пьетро, муж Бьянки, был приближен ко двору Медичи, превратившись во влиятельного и богатого горожанина.

Единственным серьезным препятствием на пути Бьянки к замужеству был отец Франческо, Козимо I Медичи, жестокий тиран, не одобрявший любовного увлечения сына. Обладая огромным влиянием на сына, Козимо Медичи мечтал о прочном и успешном брач-

ном союзе своего отпрыска с девицей из знатного и богатого рода, способном упрочить положение Медичи в Европе. Именно в подобном браке Козимо видел возможность сохранить династические интересы своей семьи.

Несмотря на сильное любовное увлечение сына, Козимо устраивает его брак с эрцгерцогиней Иоганной Австрийской, сестрой императора Максимилиана. Серая и незаметная герцогиня во время свадебных торжеств значительно проигрывала на фоне красавицы-венецианки, представшей во время свадьбы во всей своей обольстительной красоте. Всем своим видом Бьянка подчеркивала, что даже законный брак не способен изменить отношения к ней герцога, она, несмотря ни на что, остается первой дамой Флоренции.

Образовавшийся любовный четырехугольник требовал действий со стороны его участников. Первым вышел из любовной игры Пьетро, муж Бьянки. Благодаря усилиям супруги Пьетро Бонавентури имел высокую должность при дворе Медичи, дававшую ему возможность не знать недостатка в деньгах. Однако вместо того, чтобы обратить свое новое положение во благо и процветание своего семейства, Пьетро становится участником постоянных скандалов с молодыми людьми из состоятельных флорентийских семей, составлявших окружение Медичи.

Смерть молодого и полного сил мужчины, каким был муж Бьянки, породила среди жителей Флоренции много сплетен и досужих суждений. По одной из версий, Пьетро был отравлен ядом по приказанию Франческо, безумно ревновавшего Бьянку к мужу. По другой версии, Пьетро был убит кинжалом возле здания

дворца, подаренного Бьянке Медичи, мужчинами из богатого флорентийского семейства Риччи. Считается, что Пьетро имел оскорбительную любовную связь с юной Кассандрой Риччи, которая была зарезана родными вместе с ним. Бьянка, оплакивая супруга, любовь к которому когда-то заставила ее беспечно покинуть родной дом, восприняла его раннюю смерть как еще один шаг на пути к продвижению к заветной цели — стать женой Франческо Медичи.

В 1574 г. умер Козимо I, тиран и ловкий политик, всю свою жизнь мечтавший превратить Тоскану в государство, где бы он имел полную и неограниченную власть. После его смерти новым великим герцогом становится Франческо, не обладавший талантом политика и более склонный к роли покровителя науки и искусства. Бьянка понимала: чтобы упрочить свое положение при дворе Медичи, ей необходимо стать матерью внебрачного ребенка, отцом которого должен был стать Франческо. Однако столь долгожданная беременность не наступала.

В полном отчаянии Бьянка решает пойти на обман, имитируя наступившую беременность. Сделать это было весьма не сложно, поскольку Бьянка была прекрасной актрисой. После объявления о наступившей беременности в доме Бьянки тайно были поселены три молодые беременные женщины. Первый младенец мужского пола, появившийся на свет у одной из них, должен был сыграть роль долгожданного ребенка. Выждав время, необходимое для благополучного разрешения от родов, Бьянка заявила о рождении внебрачного сына. Франческо, не догадывавшийся о тайном умысле своей возлюбленной, незамедлительно объявил его

бастардом, т. е. незаконнорожденным ребенком, отцом которого является король или герцог. Новорожденный был наречен Антонио де Медичи и официально введен в семью Медичи. В качестве наследства ему были пожалованы земли в Неаполитанском королевстве, специально приобретенные по случаю рождения. Если обман Бьянки не был замечен Франческо, то члены семейства Медичи были прекрасно осведомлены о подлоге, и в дальнейшем Антонио де Медичи так и не был принят в семью, несмотря на признание отцовства, сделанное Франческо.

Одновременно с бурными событиями, происходившими в доме Бьянки, во дворце Медичи его законная супруга, герцогиня Иоанна, рожала своему супругу дочерей в надежде, что очередная беременность разрешится рождением мальчика. Молитвы несчастной женщины были услышаны небесами. В 1577 г. великая герцогиня разрешилась от бремени мальчиком, единственным законным наследником династии Медичи.

Можно представить, какие чувства обуревали Бьянку, узнавшую о рождении наследника. Прекрасно владея собой, Бьянка никому из придворных не позволила прочесть на своем лице выражение гнева или ненависти к более удачной сопернице. Ровно через год, в апреле 1578 г., великая герцогиня неожиданно умерла. В момент смерти герцогиня была беременна очередным ребенком, и данное обстоятельство делает ее смерть чудовищной, если предположить, что она была убита.

Бьянка, со временем превратившаяся в жестокую и расчетливую авантюристку, для достижения своей цели вполне могла убить несчастную женщину, подсыпав ей яд. Существует не менее ужасное предположение,

что герцогиня была сброшена с лестницы, что и послужило причиной смерти во время начавшихся после падения родов. Смерти Пьетро и герцогини Иоанны счастливым образом освобождали любовников от уз брака, делая возможным осуществление заветной мечты Бьянки — стать одной из рода Медичи, а для Франческо быть всегда рядом с любимой женщиной.

Брак Бьянки и Франческо был воспринят флорентийцами с большим осуждением. Однако препятствия, делавшие этот брак невозможным, были устранены. Хитрая Бьянка, помирившаяся к тому времени со своим отцом, обратилась к сенату Венеции с просьбой присвоить ей титул «Дочери республики». Благодаря этому титулу она становилась вровень с представителями высшей знати Флоренции. Став законной супругой Франческо Медичи, Бьянка исполнила свою заветную мечту. Она была торжественно провозглашена коронованной дочерью Венецианской республики и великой герцогиней Тосканской. Судьба подарила Бьянке и Франческо десять лет супружеской жизни, в течение которых Бьянка не оставляла надежду родить наследника. Флорентийцы, осуждавшие герцога за заключенный союз, прозвали новую герцогиню Колдуньей, не забыв двух странных смертей, происшедших как нельзя кстати.

На этом можно было бы прервать историю о прекрасной авантюристке времен Медичи, если бы мрачная история отравления ядами не нашла отражение в смерти обоих супругов. Смерть Бьянки и ее супруга привлекла внимание Стендаля, описавшего ее в «Истории живописи в Италии». Бьянка, мечтавшая о сыне и вконец потерявшая надежду, не веря предсказани-

ям астрологов, в отчаянии обратилась к своему духовнику, монаху-францисканцу. Заручившись божьим покровительством, Бьянка вновь разыграла беременность в надежде, что обман не будет замечен. Единственным человеком, не поверившим в счастливую беременность Бьянки, был брат Франческо, кардинал Медичи, обнаруживший новорожденного младенца в рукаве духовника Бьянки. Не подавая вида, что он разоблачил обманщицу, кардинал публично объявил о рождении наследника. Бьянка, пришедшая в бешенство от мысли, что кардинал узнал ее тайну, решила, что, лишь убив обидчика, она сможет почувствовать себя в безопасности.

Вскоре случай не замедлил представиться. Судьба свела великого герцога, Бьянку и кардинала за одним столом на вилле Поджо э'Кайяно. Торжественный обед был посвящен вступлению кардинала Фердинанда в наследство, доставшееся ему как единственному представителю династии Медичи по мужской линии после смерти маленького сына великого герцога и его умершей супруги герцогини Иоанны. Зная, что кардинал очень любит бланманже, удивительно вкусный десерт, приготовленный из коровьего молока с добавлением сахара, специй, орехов и ванилина, Бьянка незаметно положила в блюдо яд. По легенде, осторожный и хитрый кардинал был предупрежден о яде и, несмотря на уговоры Бьянки, не притронулся к десерту. Великий герцог, напротив, видя любимый десерт брата, оставленный им без гастрономического внимания, с удовольствием наполнил отравленным кушаньем тарелку. Понимая безысходность своего положения и не смея остановить мужа, чтобы не выдать себя, Бьянка

вместе с мужем съела отравленный десерт. Оба супруга скончались 19 октября 1587 г.

Благодаря Стендалю долгие годы Бьянка воспринималась как искуснейшая отравительница эпохи Возрождения. Ученые придерживались этого мнения до тех пор, пока не были вскрыты гробницы семейства Медичи в конце XX в. Проведенные исследования показали, что супруги были отравлены ядом, позволяющим предположить, что единственным отравителем был кардинал Фердинанд, стремившийся к власти и лично заинтересованный в их смерти.

Существует еще одна версия событий, рассказывающая о загадочной смерти супругов. Супруги почувствовали недомогание почти одновременно. Первым тяжело заболел Франческо, а затем его верная супруга Бьянка. Несмотря на помощь докторов, уже через несколько часов муж и жена умерли в страшной агонии один за другим, а по Флоренции поползли слухи об убийстве, произошедшем в замке Медичи. Красавица и авантюристка, готовая ради любви бросить дом и семью, пойти на обман и убийство, Бьянка Медичи умерла, не достигнув 40 лет.

После смерти супругов кардинал Фердинандо, заняв тосканский трон, с величайшими почестями похоронил своего брата в семейном склепе. Где похоронена Бьянка, никто не знает, возможно, ее тело покоится на городском кладбище. Считая ее женщиной распутной и скверной, кардинал сделал все, чтобы стереть память о ней из семейной истории. Для этого он приказал разбить или стереть ее фамильные гербы. В отношении Антонио Медичи кардинал проявил подлинное благородство, признав его приемным сыном Франческо, ли-

шая его права на наследство, но сохранив ему жизнь. Благодаря Фердинандо Антонио Медичи был посвящен в рыцари Мальтийского ордена.

Анна-Мария Луиза Медичи

Самой удивительной женщиной из рода Медичи можно считать Анну-Марию Луизу Медичи. Последняя женщина из рода Медичи родилась в 1667 г. Родители Анны-Марии-Луизы — Козимо III Медичи, великий герцог Тосканы, и Маргарита Луиза Орлеанская, приходившаяся племянницей королю Франции Людовику XIII, не испытывали друг к другу пылких и нежных чувств. Свое неприязненное отношение к мужу Маргарита Луиза публично демонстрировала, унижая его в присутствии папского нунция. Со временем вражда между супругами только усилилась, и Маргарита Луиза регулярно устраивала семейные скандалы, «угощая» своего супруга тумаками.

Известие о скором появлении в семействе наследника не сблизило супругов, а еще больше обострило отношения. Маргарита Луиза прикладывала невероятные усилия, чтобы избавиться от нежелательного ребенка, используя для этого верховую езду. Тем не менее 11 августа 1667 г. во Флоренции родилась девочка, названная в честь тетки по материнской линии — Анны Марии Луизы Орлеанской, герцогини Монпансье.

Когда девочке исполнилось семь лет, конфликт между родителями достиг своей кульминации. Маргарита Луиза приняла решение уехать во Францию, чтобы жить в уединении и смирении в монастыре на Монмартре. Козимо, соглашаясь принять решение супруги,

заставил Маргариту подписать договор, согласно статьям которого она добровольно отказывалась от своих прав на имущество, передавая его после смерти дочери. 26 декабря 1674 г. семейные отношения между Медичи были окончательно разорваны. В качестве компенсации в обмен на принятое решение Козимо выделил теперь уже бывшей супруге пенсию, равную 80 тыс. ливров. После этого Маргарита Луиза со спокойным сердцем покинула Италию в июне 1675 г., чтобы больше никогда не возвращаться в ненавистные ей места. С того времени маленькая Анна-Мария Луиза больше никогда не видела своей матери. Заботы по воспитанию ребенка взяли на себя отец, Козимо Медичи, и бабушка — Виттория делла Ровере, окружив маленькую девочку не только роскошью, но и человеческим теплом. Несмотря на странные чувства, которые Козимо испытывал к своей жене, он обожал свою дочь, являвшуюся для него вторым после сына ребенком, подчеркивая свое доброе отношение к ней. В возрасте 24 лет Анна-Мария Луиза вышла замуж за Иоганна Вильгельма, курфюрста Пфальцского.

Отец Анны-Марии Луизы достаточно долго выбирал достойного мужа своей дочери. В качестве возможных претендентов рассматривались отпрыски испанских, португальских и французских королевских династий. В конце концов император Священной Римской империи Леопольд I предложил в качестве возможного претендента на руку и сердце наследницы Медичи Иоганна Вильгельма, курфюрста Пфальца. 29 апреля 1691 г. в отсутствие молодых людей на основании доверенности был заключен брак. Сохранилось описание внешности новобрачной. Высокая, стройная, с больши-

ми выразительными глазами, придающими лицу девушки невероятное очарование, Анна-Мария была весьма недурна собой. К этому следует добавить маленький рот, полные губы, прекрасные зубы и роскошные волосы, завершающие облик новобрачной.

6 мая 1691 г. в сопровождении младшего брата, последнего герцога Тосканского Джона Гастона, она отправилась на встречу с мужем в Дюссельдорф. Брачный союз оказался на редкость удачным. Уже в 1692 г. Анна-Мария забеременела. Однако ребенку так и не суждено было появиться на свет. Иоганн Вильгельм страдал сифилисом, который передался и Анне-Марии Луизе. В результате перенесенной болезни беременность закончилась выкидышем, и в дальнейшем супруги лишились возможности иметь детей. Испытывая чувство вины перед супругой, Иоганн Вильгельм сделал все для того, чтобы их брак был счастливым. Анна-Мария Луиза получила возможность наслаждаться музыкой, великолепными балами, спектаклями, где специально для нее игрались пьесы Мольера.

Козимо III Тосканский в последние годы своей жизни делал все возможное, чтобы сохранить род Медичи во Флоренции. Видя угасание рода, Козимо пытался провести закон, дающий право его дочери в отсутствие наследников по мужской линии занять его место. Для того чтобы добиться предлагаемого изменения в законопроекте, Козимо активно искал союзников среди европейских государств. К несчастью, все его усилия были напрасны.

В 1716 г. Анна-Мария Луиза возвратилась во Флоренцию после кончины мужа. Здесь она жила уединенной жизнью, в то время как вся власть оказалась

сосредоточенной в руках ее брата, Джона Гастона, предпочитавшего более всего в своей жизни поест и напиться, при этом мало заботясь о своем внешнем виде. Сильная духом Анна-Мария Медичи делала все, чтобы сохранить Тоскану под властью Медичи, в то время как европейские монархи видели эту территорию под управлением герцогов Лотарингских и Габсбургов. Видя в этом политический сговор, Анна-Мария Луиза обратила свой взор на меценатство, свойственное всем величайшим представителям рода Медичи. Она занималась завершением строительства мавзолея великих герцогов Медичи. Став обладательницей уникального художественного собрания Медичи, экспонаты которого собирались в течение трехсотлетней истории существования этого рода, она пожелала безвозмездно передать их родному городу Медичи — Флоренции. Однако Анна-Мария выдвинула одно-единственное условие: ни один из переданных экспонатов не должен был вывозиться из Флоренции и должен быть доступным для ознакомления всем любителям прекрасного, включая иностранцев.

Эта немолодая женщина оказалась способна совершить удивительный гражданский подвиг. Уступая место правителей Флоренции, веками принадлежавшее Медичи, Габсбургам, она сумела сохранить за Флоренцией право владеть коллекциями, собранными Медичи за долгие годы правления. Благодаря Анне-Марии Луизе галерея Уффици, дворец Питти, вилла Медичи в Риме, все библиотеки семьи, этрусская и египетская коллекции остались во Флоренции, что дает основание называть Флоренцию художественным музеем Италии. Если бы не твердая позиция последней

из рода Медичи, бесценные экспонаты оказались бы вывезенными в родовые замки династии Габсбургов.

В 1800 г. во Флоренцию вступила великая армия Наполеона. Лишь только благодаря тому, что знаменитая галерея Уффици имела статус государственного, а не частного музея, Наполеон не отдал ее на разграбление французским солдатам. Единственный экспонат музея, вывезенный Наполеоном во Францию, — изящная античная статуя Венеры, символизировавшей в античном мире любовь и красоту. Лишь спустя много лет статуя была возвращена музею.

В то время как любой путеводитель по Флоренции с удовольствием пугает туристов материалами, размещенными на глянцевого страниц журналах, о злодейках и отравительницах из рода Медичи, ни один из них не сообщает о великой флорентийке, имя которой сохранилось в названии центрального проспекта города. Так жители Флоренции выразили свою благодарность за спасенные культурные ценности этой удивительной женщине.

Анна-Мария Луиза умерла в 1743 г. во Флоренции и по ее желанию была захоронена в некрополе семейства Медичи, в базилике Сан-Лоренцо, завершением строительства которой она занималась в последние годы жизни. По завещанию часть денег наследства должна была направляться на реконструкцию базилики в случае ее незавершенности на момент смерти Анны-Марии. Вместе с ней оборвался род Медичи. Ежегодно 18 февраля, в день смерти Анны-Марии Луизы, жители и гости города приходят почтить память последней из рода Медичи, собираясь возле знаменитой капеллы Медичи.

Екатерина Медичи

Галерею самых ярких женщин из рода Медичи продолжает Екатерина Медичи, самая загадочная и таинственная женщина этого рода. Екатерина Медичи — самая знаменитая итальянская купчиха на троне Франции — могла с гордостью носить имя своей семьи, от которой она унаследовала генетическую, непреодолимую любовь к красоте и изяществу, удивительным образом сочетающуюся в личности наследницы Лоренцо Великолепного с поразительной жестокостью и коварством. С легкой руки современника Екатерины Медичи Жана Бодена, не только снискавшего славу выдающегося мыслителя эпохи Возрождения, но и сумевшего проявить себя незаурядным знатоком права, позволившего ему в 1576 г. быть избранным депутатом от третьего сословия во французский парламент — Генеральные штаты — от Блуа, Екатерина Медичи за ее постоянное желание использовать в своих политических решениях излишнюю жестокость была признана «интеллектуально непригодным правителем». Столь парадоксальное утверждение, относящееся к французской королеве, Жан Боден обосновал с легкостью, присущей настоящим философам. При правлении слабого государя стране угрожает тирания, жестокого — гражданская война, распущенного — падение нравов, неукротимый правитель способен уничтожить своих подданных, высасывая из них кровь и мозг. Но все вышеперечисленное в представлении Бодена меркло при сопоставлении с несчастьями, обрушивающимися на страну, во главе которой стоит интеллектуально непригодный государь. Жестокость есть признак слабости, а слабость это и есть

интеллектуальная непригодность. Но можно ли сегодня, спустя столетия, согласиться с оценкой Бодена?

На фоне тех ужасов и жестокостей, проявленных человечеством на протяжении последующих после правления Екатерины Медичи столетий, время Медичи может рассматриваться едва ли не как гуманное управление государством. Именно об этом исключительно гуманном характере своей политики будет писать Екатерина Медичи в письмах. Всю свою жизнь эта женщина стремилась сохранить власть династии Валуа во Франции. Екатерина Медичи, так же как и ее прадеды — Козимо Медичи и Лоренцо Медичи Великолепный, железной рукой вела своих сыновей на французский трон. Без этой жестокости потомки аптекаря из Флоренции никогда бы не смогли удержать власть в стране, раздираемой религиозными войнами. И не случайно историки называют этот период истории Франции «годами Екатерины Медичи». Кем же была Екатерина Медичи в действительности? Отравительницей? Злодейкой, отправившей без сожаления на казнь десятки невинных людей, или величайшей женщиной мира, благодаря личному участию которой невероятным образом обогатилась европейская мода, появились новые черты в этикете, новыми гранями расцвело европейское искусство?

Екатерина Медичи была единственным ребенком, рожденным в удивительно счастливом браке герцога Урбинского Лоренцо II и французской принцессы Мадлены де Ла Тур д'Овернь, графини Булонской, происходившей из рода Бурбонов. К несчастью для Екатерины, в возрасте 22 дней от роду она оказалась полной сиротой. Ее мать умерла от родовой горячки

через две недели после появления на свет малышки, а вслед за ней неожиданно умер и отец. Воспитываясь в роскоши и богатстве, которую могли себе позволить Медичи, Екатерина вскоре превращается в заложницу клана Медичи, постоянно боровшегося за власть над Флоренцией. По решению, принятому членами семейства Медичи, девочка жила, словно пленница, на территории монастыря бенедиктинцев Мурате. В восемь лет Екатерина испытала все муки положения политической заложницы, которую она примерила на себя во время восстания флорентийцев. 11 мая 1527 г. жители Флоренции, ненавидевшие и боявшиеся власти семейства Медичи, держали маленькую девочку в крепости, безжалостно использовали сироту, выставляя ее на крепостную стену под град пуль нападавших на город союзников Медичи, угрожая Медичи бросить девочку на осквернение солдатам.

Один из яростных противников Медичи Сильвестро Альдобрандини предложил постричь маленькую Екатерину, сделав ее монахиней. Девочку повезли в доминиканский монастырь Святой Люции. Видя смиренное спокойствие ребенка, возмущенные монахини доминиканского монастыря Святой Люции отказали прибывшим с девочкой спутникам в осквернении имени Господа, полагая, что ребенка ждет смерть. Драматичность момента была усилена словами ребенка, ставшими полной неожиданностью для враждующих сторон. Екатерина со смирением и кротостью сказала, обращаясь к пришедшим с ней мужчинам, что она готова стать монахиней, отказавшись добровольно от мирской жизни, чтобы быть рядом с этими благородными женщинами. Унаследовав утонченную мудрость Медичи, Екатерина

сохранила жизнь, сумев пробудить в ожесточенных сердцах восставших чувство уважения.

После капитуляции Флоренции девочка два года провела при дворе папы Климента VII, приходившегося ей дедом, получив возможность прикоснуться к мировым сокровищам, хранившимся в библиотеке Ватикана. Повзрослев, Екатерина сумела подавить в себе желание отомстить обидчикам. Она простила Сильвестро Альдобрандини, впоследствии приложив немало усилий, чтобы его сын стал новым папой римским под именем Климента VIII. Став королевой Франции, Екатерина поддерживала монастырь Святой Люции, ставший на время ее обителью спасения.

В 11 лет Екатерина уже была самой знаменитой невестой Европы. Невысокого роста, с пленительными чертами выразительного лица, обладавшая миниатюрными стройными ножками, девочка стала козырной картой в политической колоде Европы. В 13 лет Екатерина была обручена с отпрыском французского короля Франциска I — Генрихом, герцогом Орлеанским. Спустя год в Марселе было положено начало свадебным мероприятиям, продолжавшимся более месяца. Юная невеста напоминала своим обликом прекрасных мадонн Рафаэля, в то время как лицо новобрачного было мрачно и угрюмо. Генрих был безвольным и слабохарактерным юношей, которого пугала почти библейская внешность новобрачной.

Роскошь и богатство свадебных торжеств не могли смягчить атмосферу недоброжелательности, которая искусственно создавалась вокруг юной невесты. В глазах французской аристократии этот брак был мезальянсом, участниками которого была юная итальянская

торговка, чей род, впрочем, мог похвастаться родством с Ватиканом, и молодой аристократ, достойный наследник французской короны.

Екатерине Медичи хватило здравого смысла не становиться участницей дворцовых интриг, предоставив эту роль двум женщинам — официальной любовнице собственного мужа Диане де Пуатье, которая была старше его на 20 лет, и любовнице короля Франциска I Анне д'Эстамп. Обаятельная итальянка прикладывала все усилия для того, чтобы быть как можно ближе к королю Франциску, разделяя вместе с ним прелести охоты или поездки по стране, несмотря на физическую близость новобрачных в первые дни торжеств, на чем настаивал осторожный и расчетливый папа Климент VII. Документальные письменные источники, содержащие рассказы о свадебных мероприятиях, сохранили любопытный факт, согласно которому во время первой брачной ночи в качестве наблюдателя присутствовал король Франции Франциск I. После скоропостижной смерти короля Франциска I новым королем Франции становится принц крови Генрих, герцог Орлеанский, а новой королевой Франции — Екатерина Медичи.

Стремительное продвижение Екатерины к власти было омрачено лишь одним обстоятельством — отсутствием наследника на протяжении длительного периода. Бесплодный брак с королем должен был закончиться неминуемым разводом. Не исключено, что помощь в лечении бесплодия оказал королеве знаменитый целитель и предсказатель Мишель Нострадамус. Лечение бесплодия было столь успешно, что Екатерина на протяжении десяти последующих лет рожала каждый год

нового королевского отпрыска. В 1544 г. Екатерина рождает первенца — сына Франциска. Вслед за первой беременностью последовало еще девять. Трое детей Екатерины Медичи умерли в младенчестве. Королева родила еще Елизавету, Клод, Карла, Генриха, Маргариту. Во время последней беременности, в 1556 г., Екатерина едва не рассталась с жизнью. Одна из двойняшек, которых вынашивала Екатерина, умерла в утробе матери, и лишь вмешательство врачей, сломавших ножки умершему в утробе младенцу, помогло извлечь труп ребенка, пролежавшего рядом со второй девочкой-двойняшкой в течение шести часов. Впрочем, родившаяся девочка умерла спустя шесть недель. Опасаясь за здоровье королевы, врачи рекомендовали Генриху, любившему всех своих детей и даже присутствовавшему лично при их рождении, избегать близости с супругой. С этого момента Генрих перестал посещать покои Екатерины, предаваясь любовным утехам в объятиях своей любовницы Дианы де Пуатье.

Екатерина Медичи с достоинством приняла новый поворот в своей судьбе, найдя утешение в детях и в погружении в искусство, понимание которого она заложила, гуляя по роскошным апартаментам папского дворца. Екатерина Медичи, так же как и столетия спустя великая русская императрица Екатерина Вторая, после своей смерти оставила стране, ставшей ее второй родиной, 476 полотен, написанных самыми известными художниками этого периода, большую часть которых составляли портреты. Живописная коллекция Екатерины Медичи вошла в собрания Лувра. Повторяя традиции знаменитых флорентийских обедов, напоминавших афинские пиршества, Екатерина

Медичи снискала славу блистательного устроителя банкетов, поражавших своим великолепием гостей дворца Фонтенбло. Ничего не понимавшая в строительном ремесле, но тонко чувствовавшая архитектурную форму зданий, Екатерина лично давала указания при возведении великолепной часовни Валуа в Сен-Дени, своим изяществом и красотой отдаленно напоминая неповторимую красоту капеллы Медичи во Флоренции. Французская королева не гнушалась заниматься вопросами оформления знаменитого дворца в Тюильри, в великолепных покоях которого впервые во Франции балет превратился в подлинное сценическое искусство благодаря личному участию королевы.

Портрет Екатерины Медичи не был бы полным без упоминания о ее роли и влиянии в формировании знаменитой парижской моды как признанного эталона мирового качества и стиля. В 1550 г. Екатерина вводит запрет на ношение толстых корсажей. Вместо них она предложила модницам использовать в своем гардеробе корсеты, сделанные из китового уса и металлических пластин, удерживающих при помощи тугой шнуровки талию модниц. Благодаря Екатерине Медичи на протяжении 350 лет сотни прекраснейших женщин мира придавали свои фигурам невероятную хрупкость и изящество. Однажды французский посол в Португалии Жана Нико преподнес королеве привезенные из Нового Света листья табака, рекомендуя их как отличное средство для снятия головной боли. С легкой руки Екатерины принесенные листья стали называться по имени посла «никотином».

Судьба уготовила Екатерине Медичи трагическую жизнь, в которой причудливо сплелись смерть близ-

ких, рождение детей, коварные интриги, тайные заговоры. В 1556 г. Нострадамус опубликовал свои знаменитые катрены, один из которых описывает рыцарский поединок: «Над старым львом возобладает львенок. На площади турнирной будет поединок. И в клетке золотой он выбьет ему глаз. Мучительной бывает смерть подчас»³. Чтобы с размахом отметить свадьбу старшей дочери Елизаветы и испанского короля Филиппа II, т. е. своей старшей сестры Маргариты, с герцогом Савойским, Генрих II устроил рыцарский турнир, решив лично принять в нем участие. Екатерина Медичи пыталась уговорить мужа не делать этого, но тщетно. На глазах у ликующей толпы копье капитана Монтгомери от удара о шлем короля открыло забрало, и осколок копья вонзился в глаз Генриха, пробив череп. Пророчество сбылось.

В память о супруге королева никогда, вплоть до своей смерти, не снимала траура. Любимым элементом одежды королевы с этого времени стал черный бархатный убор, обрамлявший ее лицо, хранящее следы женственной красоты. И вновь — загадка. При жизни супруга Екатерина, несмотря на распущенность королевского двора, вела жизнь аскета, не позволяя себе опускаться до уровня любовных интриг и прощая мужу связь с красавицей Пуатье. Историки полагают, что после гибели Генриха Екатерина Медичи позволила себе вступить в любовную связь лишь однажды — с Франсуа Вандом, доверенным лицом королевы. Когда же перед королевой встал выбор между

³ Нострадамус М. Центурии (с комментариями В. Галина к предсказаниям о прошлом, настоящем и будущем России). — М., 2010.

любовником и репутацией порядочной женщины, она без колебаний отправила возлюбленного в тюрьму. Проведя несколько месяцев в тюрьме, несчастный был выпущен на свободу, чтобы умереть при невыясненных обстоятельствах в день освобождения.

Размышляя о личности Екатерины Медичи, Оноре де Бальзак напишет, что фамильная страстность Медичи будет вытравлена из своего сердца Екатериной Медичи, которая даже в глазах врагов-кальвинистов воплощала женское целомудрие. Что же касается фаворитки короля Дианы де Пуатье, она была удалена от королевского двора и забыта. Но даже в свою добродетель Екатерина внесла крупницы фальши. Именно гению Екатерины Медичи принадлежит идея создания «летучего эскадрона любви», «бойцами» которого становились прелестные девушки-фрейлины, по указанию королевы чарами любви добывавшие самую секретную информацию у разомлевших в любовной неге мужчин. Сделав физическую любовь инструментом большой политики, Екатерина заслужила в народе прозвище «великой сводницы королевства».

Жизнь этой невероятной женщины оборвалась в возрасте 69 лет. Согласно легенде, в молодости Екатерине было предсказано остерегаться Сен-Жермена. Веря в предсказания, Екатерина Медичи фанатично избегала замок Сен-Жермен и его окрестности. 4 января 1589 г. к постели задыхающейся от нестерпимого кашля Екатерины подошел врач. На вопрос, заданный больной, как его имя, в ответ прозвучали странные слова «Сен-Жермен». Через несколько часов королева умерла. Смерть подстерегла дочь Лоренцо II 5 января 1589 г. в местечке Блуа. Когда тело

королевы остыло, придворные лекари приступили к его осмотру, после которого стало ясно, что вполне вероятной причиной ее смерти был гнойный плеврит, поразивший организм несчастной. Современники Екатерины, склонные искать в смерти королевы-матери более потаенный смысл, чем банальная простуда, считали, что ее скорая смерть была вызвана поступками, совершенными ее любимым сыном Генрихом III Валуа.

Неожиданная смерть королевы на фоне политических безумств заставила ее сторонников тайно похоронить королеву-мать в Блуа, а в дальнейшем тело королевы было перезахоронено в парижском аббатстве Сен-Дени в часовне, строительством которой королева так трепетно занималась при жизни.

Здесь можно было бы и прервать рассказ о дочери Лоренцо Медичи, если бы история Франции XVIII в. не была столь трагически похожа на русскую историю XX в. В 1793 г. тело королевы из рода Медичи было вновь потревожено, на сей раз разгоряченной революционно настроенной толпой простолюдинов, даже после смерти ненавидящих своих господ. Останки Екатерины Медичи вместе с оскверненными останками французских королей были брошены в общую яму, ставшую трагической братской могилой королям и королевам Франции.

Но Екатерина Медичи уже не могла ничего сделать. Она была мертва. Точно так же, как, к своему великому несчастью, она уже не смогла предотвратить или остановить смерть любимого сына — последнего французского короля из рода Валуа Генриха III. Ровно через восемь месяцев после погребения королевы-матери

любимый сын Екатерины Генрих III был безжалостно заколот кинжалом монаха-фанатика Жака Клемана. Словно предчувствуя надвигающуюся трагедию матери, переживавшей смерть своих детей, 11 июня 1584 г. Екатерина оставила запись, в которой она признает смерть своих детей за желание Бога заставить ее, Екатерину, повиноваться его воле. Днем раньше в Нидерландах от истощения умер младший из ее сыновей, герцог Алансонский и Анжуйский Эркюль Франсуа де Валуа, прозванный английской королевой Елизаветой «лягушонком Екатерины Медичи» за уродливую внешность. Младший сын Екатерины боролся за власть и трон Франции, но его соперником был родной брат Генрих Валуа. Стремясь завладеть тронem, Франсуа вел бездарные военные кампании, ненавидя брата и желая его смерти. После одной из таких кампаний, завершившихся полным крахом, Екатерина написала в письме к сыну, что она бы желала, чтобы он, ее сын, умер еще в юности и не стал причиной смерти такого огромного числа мужественных и благородных людей.

Расплачиваясь по счетам с судьбой, позволившей Екатерине Медичи превратиться из маленькой девочки-сиротки из Флоренции, не испытывавшей родительской любви и ласки, в самую жестокую королеву, которую когда-либо знал французский престол, летом 1584 г. Екатерина оплакивала вместе с сыном династию Валуа и мечты сохранить для нее престол Франции. Средний сын Екатерины Генрих Валуа был бесплоден, и, по древним Салическим законам франков, наследником французского престола становился гугенот Генрих Бурбон, король Наваррский, имевший здоровое потомство.

Словно испытывая прочность Екатерины, судьба не дала ей возможность обрести любовь и понимание дочери, которую она называла «мое несчастье». Это была Маргарита де Валуа, жена Генриха Наваррского. Красавица, прекрасно образованная, в юности получившая возможность изучать древние языки, историю, философию, она была живым воплощением идеалов представителей клана Медичи, для которых образование было капиталом, ценившимся наравне с золотом. Прекрасное образование и яркая внешность не помешали Маргарите войти в европейскую историю в образе распущенной и порочной женщины. Маргарите, рано познавшей прелести любовных утех, приписываются многочисленные любовные романы. Злые языки говорили о физической близости одиннадцатилетней Маргариты сразу с двумя мужчинами. Не достигнув шестнадцатилетнего возраста, юная красавица одновременно называла себя возлюбленной Карла Валуа, Генриха Валуа и Франсуа Валуа, приходившимися ей родными братьями.

Яркая темпераментная брюнетка, поражавшая окружающих контрастом молочно-белой кожи и почти черных, бездонных глаз, пользовалась своей демонической красотой, превращая мужчин в покорных слуг. Маргарите приписывается необычайная причуда встречать своих многочисленных любовников на застеленной черным муслином постели, выгодно оттенявшим белизну прекрасного обнаженного тела. Один из числа любовников Маргариты после ночи, проведенной в ее объятиях, сказал, что эта женщина создана для того, чтобы губить мужчин своей божественной красотой. И все же, несмотря на столь щекотливую репутацию, Маргарита

сумела найти в себе мужество, чтобы в страшной, кровавой резне Варфоломеевской ночи спустя пять дней после ее свадьбы с гугенотом Генрихом Бурбоном, символизовавшей примирение гугенотов и католиков, защитить своего молодого мужа от смерти.

К несчастью молодых супругов, брак, заключенный между ними, не был скреплен ни любовью, ни потомством. Все это позволяло Маргарите продолжать предаваться любовным утехам, вызывая гнев матери и супруга, постоянно уличавших молодую женщину в бесстыдных для ее положения прелюбодеяниях. Меняя любовников, не стыдясь даже порочных связей с женщинами, Маргарита несколько раз чудом удалось избежать, не без помощи матери, смерти от руки взбешенного супруга. Художественный образ этой незаурядной женщины создал на страницах романа «Королева Марго» французский писатель XIX в. Александр Дюма-отец. В 1585 г. Маргарита, согласно семейным хроникам Валуа, попыталась вначале отравить себя, а затем застрелить супруга. Спасаясь от гнева мужа, она скрылась в крепости Карлат, чтобы вновь вызвать волну гнева Екатерины Медичи, финансировавшей ее побег. Новая громкая любовная история дочери заставила Екатерину обратиться к Генриху Бурбону, и в октябре 1586 г. Маргарита была заточена в замке д'Уссон. Железная королева не простила Маргариту, опозорившую род Медичи.

Молодую женщину ждало страшное потрясение. Екатерина Медичи, повторяя жестокость своего отца, Лоренцо Медичи, безжалостно выставившего на глумление флорентийцам тела участников заговора Пацци, повешенных в оконных проемах изысканных дворцов

Флоренции, дала согласие на казнь возлюбленного дочери, устроенную на глазах Маргариты. После этого случая Екатерина Медичи с поразительным хладнокровием заявила, что у нее больше нет дочери. Маргарита не была включена в завещание матери, и больше они никогда не встречались. Маргарита Наваррская достойно перенесла разрыв с матерью. В 1600 г. она дала согласие расторгнуть брак с Генрихом Бурбоном, который вступил в новый брак, с Марией Медичи. Высоко оценивая поступок бывшей супруги, Генрих не стал лишать Маргариту титула королевы, выделив ей достойное содержание, позволявшее ей до конца своей жизни вести роскошную жизнь экс-королевы.

Судьбы сыновей Екатерины Медичи тоже сложились трагически. После смерти Генриха новым королем Франции становится старший сын Екатерины Франциск, умерший так же внезапно, как и его отец, ровно через год после коронации, от абсцесса в мозгу. Смерть первенца Екатерине также предсказал Нострадамус. Несмотря на косвенные свидетельства о попытке отравления Франциска ядом еще в то время, как он был дофином, что не могло не привести к ухудшению здоровья будущего короля, в его смерти обвинили виночерпия, который якобы подмешал яд. Другую причину ранней смерти сына Екатерина видела в фигуре невестки — прелестной шотландской королевы Марии Стюарт, которая вынуждена была покинуть Францию, чтобы не оказаться уничтоженной гневом королевы-матери. В смерти Франциска до настоящего времени остается достаточное количество темных пятен, к которым относится версия о личном участии Екатерины в организации убийства старшего сына.

После смерти сына королева-мать объявила себя регентшей при десятилетнем сыне Карле IX, что позволило ей беспрепятственно управлять страной. Новый король был странным юношей, главным занятием которого было участие в убийствах животных. Карл получал физическое удовольствие, лично перерезая глотки домашним питомцам — собакам и птицам. Видя в матери угрозу своей власти, повзрослев, Карл предпочитал как можно реже обращаться к Екатерине за советами, постепенно превращаясь в ужасного тирана. В 1574 г., спустя 14 лет после восшествия на французский престол, Карл умер в возрасте 24 лет. Согласно заключению личного врача королевской семьи Мишеля Нострадамуса, король умер от чахотки. Так же как и его старший брат, Карл несколько раз был отравлен ядом, благодаря таланту врачей избегая смерти. После смерти Карла новым королем Франции стал любимый сын Екатерины — Генрих. К несчастью для матери, Генрих оказался во власти страшного порока. Он любил мужчин и не скрывал своего особого отношения к смазливym мальчикам, страстное увлечение которыми отдаляло его от государственных дел. По Парижу ползли слухи о карнавальных нарядах Генриха, которые он шил сам, выбирая образы амазонок или дикарок и не стыдясь открывать придворным свое тело. Как уже говорилось, Генрих III Валуа был убит католиком.

Отсутствие наследников у короля Франции сделало невозможным воплощение мечты Екатерины сохранить за семейством Медичи-Валуа французский престол. Двадцать восемь лет в истории Франции связаны с именем удивительной женщины, на смерть которой

была написана эпитафия неизвестным автором, наиболее ярко раскрывающая путь итальянской сироты, в характере и поступках которой отразились человеческие добродетели и дьявольские пороки, присущие лишь членам семьи Медичи. Согласно предсказаниям, Екатерина должна была пережить смерть мужа, детей. Трое из ее сыновей стали королями, две дочери — королевами, но никто из детей Екатерины Медичи не оставил потомства. Вот эта эпитафия:

Здесь покоится королева — и дьявол, и ангел.
Достойная порицаний и похвал:
Она поддерживала государство — и оно пало;
Она заключила множество соглашений
и устроила немало споров;
Она дала миру трех королей
и пять гражданских войн,
Строила замки и разрушала города,
Приняла много хороших законов
и плохих эдиктов.
Пожелай ей, Прохожий, Ада и Рая⁴.

**Симонетта Веспуччи:
женщина братьев Медичи**

Рассказ о женщинах клана Медичи не был бы полным без упоминания о самой яркой женщине времени правления клана Медичи во Флоренции, чей пленительный образ был моделью для работ флорентийского художника Сандро Боттичелли и Пьеро ди Козимо.

⁴ Панкова М.А. Все величайшие загадки истории / М.А. Панкова, И.Ю. Романенко, И.Я. Вагман. — М., 2008.

Симонетте Веспуччи, прозванной современниками Несравненной, Бесподобной, Прекрасной Симонеттой, было суждено стать первой красавицей Ренессанса. Эта прелестная молодая женщина, чей земной путь оборвался в пленительном возрасте молодости, была одинаково загадочна и прекрасна в сознании современников, не утратив этой чарующей таинственности и спустя столетия. Два блистательных художника Раннего Возрождения пытались сохранить неземную красоту Симонетты, избрав ее в качестве любимой модели. Однако если художник Сандро Боттичелли видел Симонетту в образе античной богини любви Венеры или в образе Весны, связывая ее красоту с рождением и жизнью, то Пьеро ди Козимо использовал красоту девушки в образе коварной демоницы Клеопатры, чью хрупкую шею на его полотне обвивала в своих смертельных объятиях змея, или в образе мифологической Прокриды, ставшей воплощением супружеской неверности. Столь разное восприятие одной и той же модели, балансирующей между жизнеутверждающим началом и таинством смерти, невольно заставляет заглянуть в историю жизни этой прекрасной женщины, чья трагическая жизнь и смерть оказались тесно переплетены с историей дома Медичи.

Скупые архивные сведения рассказывают о том, что Симонетта Веспуччи родилась 28 января 1453 г. в Генуе в семье крупного торговца Каттанео. Безупречная красота девушки стала причиной появления в более позднее время мифологической завесы над местом ее рождения. Согласно этому мифу, девушка родилась не в Генуе, а в небольшом поселении, затерянном на морском побережье, — Портовенере. И, не-

смотря на то что местом появления из моря богини Афродиты или Венеры был остров Крит, с появлением картины Боттичелли «Рождение Венеры» искаженное народной молвой место рождения богини как-то незаметно переместилось в сознании людей в пригороды Генуи, где родилась Симонетта.

Когда девушке едва исполнилось пятнадцать лет, в церкви Сан-Торпете она венчалась с пятнадцатилетним же Марко Веспуччи. Свадебное торжество было обставлено, как приличествовало положению родителей новобрачных. На свадебной церемонии присутствовали не только дож, но и вся генуэзская знать. Между семьями Веспуччи и Каттанео, согласно исторической легенде, существовали давние обязательства, включающие в том числе возможное родство между семействами. До рождения Симонетты ее родители были вынуждены покинуть Геную и обосноваться в Фецца-но ди Портовенере.

Изгнание богатого торгового семейства из Генуи было связано с раздорами, с регулярным постоянством сотрясавшими размеренную жизнь города. Здесь на вилле на берегу моря в 1453 г., как уже упоминалось, родилась Симонетта, второй ребенок в семье Каттанео. Старшая сестра Симонетты, дочь от первого брака матери с генуэзским дожем Баттисто I Фрего-со, умершим в 1442 г., Баттистина была еще до изгнания семейства из Генуи выдана замуж за герцога Пьомбино Якопо III Аппиано, оказывавшего впоследствии гостеприимство не только семейству Каттанео, но и флорентийскому семейству Пьеро Веспуччи. Будучи приором Сан-Марко, Пьеро Веспуччи был весьма уважаемым человеком, родство с которым

могло укрепить положение семейства Каттанео. Спустя несколько лет после возвращения семейства Каттанео в Геную приехал юный Марко Веспуччи, имея поручения от отца изучить устройство и работу банка Сан-Джорджо, прокуратором которого являлся отец Симонетты.

Традиция отправлять юных отпрысков изучать тонкости банковского дела являлась характерной чертой семейства Веспуччи. Кузен Марко — Америго — в свое время будет отправлен в Испанию, в порт Кадис, ставший отправной точкой в легендарном путешествии Америго Веспуччи к берегам Америки, названной в его честь. Возвращаясь к истории юного Марко, следует отметить, что пребывание его в Генуе сказалось весьма благотворно на развитии дальнейших отношений между семьями. Будучи принят в качестве почетного гостя в доме Гаспаре Каттанео, юноша пылко влюбился в красавицу Симонетту. Неизвестно, отвечала ли Симонетта чувствам юноши, что, впрочем, не могло нарушить планы семейств, чей капитал на фоне падения могущества Константинополя требовал финансовой поддержки. Брак между двумя крупными финансовыми семействами пришелся как нельзя кстати, и здесь же, в Генуе, семейства договорились о предстоящей свадьбе.

После бракосочетания молодые уехали во Флоренцию, чтобы в дальнейшем свить свое семейное гнездышко в доме Барго д'Онъисанти. Приезд во Флоренцию юной красавицы не был оставлен без внимания со стороны братьев Медичи — Лоренцо и Джулиано, вступивших в управление городом-республикой после кончины отца. Местом официальных приемов Меди-

чи был избран дворец на Виа Ларга. Впервые явившаяся на прием Симонетта заставила на следующий день говорить о себе всех взрослых мужчин Флоренции. Ее поразительная красота, почти детская невинность черт лица, изящество и грациозность, дополняемая легкостью и непринужденностью, неизменно проявляемыми красавицей в общении, сделали ее уже с первых мгновений пребывания во дворце первой красавицей Флоренции, сводящей с ума мужчин. Братья Медичи не стали исключением и уже спустя несколько дней с момента пребывания Симонетты во Флоренции давали в ее честь великолепный пир на вилле Кореджи, вслед за которым последовали не менее помпезные приемы и праздники.

Самым страстным поклонником юной красавицы был Джулиано Медичи, что не мешало ему уже после смерти Симонетты иметь любовную связь с флорентийкой Фиореттой Горини, родившей младшему из братьев Медичи сына Джулио, впоследствии ставшего папой Климентом VII. Принято считать, что настойчивость Джулиано возымела успех, и в 1475 г. Симонетта становится для всех окружающих официальной любовницей Джулиано Медичи.

Старший брат Джулиано, Лоренцо Великолепный, также был пленен красотой юной прелестницы. Однако, проводя большую часть времени в управлении республикой, он не мог себе позволить проявлять настойчивость, добиваясь Симонетты, в отличие от своего младшего брата, уделявшего больше времени пирам и турнирам. К тому же у Лоренцо уже была своя прекрасная дама по имени Лукреция Донати, и он был женат. Верной спутницей Лоренцо Медичи была

Клариче (Кларисса) Орсини, происходившая из знатного и богатого семейства Джакомо Орсини. Клариче родилась в Риме в 1453 г. Невесту для Лоренцо выбирала его мать Лукреция Торнабуони, которая прекрасно понимала, как важно, чтобы рядом с ее мальчиком была верная и достойная спутница. В 1469 г. молодые скрепили свой брачный союз. Лучшим подтверждением правильности выбора Лукреции стало рождение в этом союзе девяти детей. Ее жизнь оборвалась в 1488 г. Причиной смерти стал туберкулез, который очень быстро привел несчастную женщину к безвременной кончине. И все-таки именно Лоренцо Медичи, а не Джулиано заказывал Сандро Боттичелли портреты флорентийской красавицы Симонетты, недостижимой и прекрасной, как звезда.

Впервые официальное представление Симонетты как дамы семейства Медичи произошло во время рыцарского турнира, состоявшегося, согласно официальным хроникам, 28 января 1475 г. во Флоренции на пьяде Санта-Кроче. Этот турнир был назван «Турнир Джулиано». Поводом для проведения турнира стало удачное заключение союза между Миланом, Венецией и Флоренцией 2 ноября 1474 г., справедливо оцениваемое современниками как выдающийся дипломатический успех. День рыцарского турнира удивительно совпал с днем рождением Симонетты, что вряд ли могло быть случайностью.

Одним из главных претендентов на звание первого рыцаря был Джулиано, снискавший к тому времени заслуженную славу одного из лучших бойцов рыцарских поединков. Неся в себе отголосок средневековой культуры, рыцарский турнир предполагал избрание

дамы сердца. Появление на поле Джулиано, сопровождаемого оруженосцем, в руках которого развивался штандарт, написанный специально для этого случая Сандро Боттичелли, изобразившим впервые Симонетту в образе Афины Паллады с копьем и щитом с головой Медузы Горгоны, не оставляло сомнений в том, что дамой Джулиано будет несравненная Симонетта Веспуччи. В этом турнире победа досталась Джулиано Медичи, провозгласившему Симонетту Веспуччи не только королевой турнира, но и дамой своего сердца.

Турнир, организованный Медичи, поразил современников размахом и роскошью оформления, каждой своей деталью указывая на виновницу торжества. Великолепным заключительным аккордом турнира стало представление картины «Венера и Марс», созданной Боттичелли на известный античный сюжет. Богиня Афродита, невзирая на законного супруга Гефеста, влюбляется в бога войны Ареса, от порочной связи с которым она рождает детей — Эрота, Деймоса и Фобоса. Несчастный Гефест, узнав об измене супруги, выковывает золотую сеть и, дождавшись, когда любовники уснут, накидывает ее на спящих, чтобы показать богам неверность Афродиты. Ревнивец Гефест решает призвать богов на суд над блудницей. Однако всевластные жители Олимпа лишь посмеялись над несчастным рогоносцем, ибо каждый из них мечтал, подобно богу войны Аресу, страстно сжимать в своих объятьях прекрасную Афродиту.

Боттичелли, избрав для полотна столь запутанный любовный треугольник, остановил свой выбор лишь на фрагменте античного сюжета, рассказывающего о

явлении богу Аресу (Марсу) во сне красавицы Афродиты, придавая античным героям портретные черты сходства Симонетты и Джулиано. Искусствоведы нередко склоны видеть в чертах изображенного бога войны Марса законного супруга Симонетты — Марко, рассматривая этот портрет как парный семейный. В подтверждение этой версии они указывают на написанный в углу картины герб семейства Веспуччи. Но что же Симонетта? Неужели талант художника сумел запечатлеть низменную сущность этой возвышенной красавицы ренессансной культуры? Чистый и светлый образ, созданный на портретах Боттичелли, не дает повода причислять эту юную красавицу к коварным искушительницам, прибегающим к своим любовным чарам ради достижения власти над мужчинами.

И тем не менее, нам хотелось бы посмотреть на образ этой молодой прекрасной женщины с позиции прагматичного человека, живущего в XXI в. Тогда Симонетта Веспуччи предстает в образе расчетливой куртизанки, чей путь был трагически оборван болезнью и ранней смертью. Удерживая подле себя молодого супруга, эта юная красавица одновременно кружила головы двум братьям Медичи, заставляя их сходиться с ума от желания обладать ею. И здесь невольно вспоминается еще один образ прекрасной Симонетты, запечатленной в картине, написанной другим флорентийским художником — Пьеро ди Козимо. Картина «Смерть Прокриды» была написана спустя десятилетия после смерти Симонетты. В памяти флорентийцев Симонетта осталась в образе неземной красавицы, созданном безнадежно влюбленным в прекрасную модель Сандро Боттичелли. И вдруг образ красавицы

появился в неоднозначном сюжете картины молодого художника.

Кто же такая Прокрида, чья смерть послужила сюжетом для полотна? В эпоху Возрождения образ Прокриды воспринимался как символ супружеской неверности. Существует несколько мнений о назначении написанной художником работы. Имея необычный размер, работа, выполненная на доске, могла служить украшением свадебного сундука кассоне, по флорентийской традиции устанавливаемого у супружеского ложа. В сундуке хранились одежда и украшения супруги. Также эта работа могла гармонично смотреться среди картин-панелей, служивших украшением домов зажиточных семей. История Прокриды была включена в цикл «Метаморфоз» Овидия. Муж красавицы Прокриды, ревнивец Кефал, чтобы убедиться в верности супруги, переодевшись другим мужчиной, домогается ее любви. Когда же красавица отдается ему, он открывает свое истинное лицо. Лишь обратившись за помощью к богине Диане, Кефалу удастся вернуть опозоренную им же Прокриду, укрывшуюся в лесу. Но теперь уже подозрения в неверности мужа начинают мучить несчастную женщину. Дождавшись, когда в очередной раз муж отправится на охоту, Прокрида тайно следует за ним и погибает, пронзенная стрелой Кефала, принявшего ее за животное.

История Прокриды традиционно воспринималась как глубокое философское размышление о природе ревности и измены. Но, передавая зрителям глубокий философский смысл античной драмы, художник неожиданно поместил возле умирающей красавицы фигуру фавна, образ которого отсутствует у Овидия, но

появляется как отрицательный персонаж в пьесе Корреджо, современника художника, посвященной этому же мифологическому сюжету. Фавн не только помогает любви Прокриды: он внушает доверчивой красавице мысль о неверности мужа. На картине фавн склонился в горестной печали над остывающим телом своей возлюбленной. Кто этот фавн? Быть может, в этой зловещей фигуре художник попытался передать истинную трагедию красавицы Симонетты?

Второй не менее загадочный образ Симонетты, созданный Пьеро ди Козимо, — образ Клеопатры. Пьеро обращается к образу Симонетты и создает одновременно и образ мужской искустельницы, рисуя модель с откровенно обнаженной грудью, что было недопустимо для изображения замужней женщины того времени, и богини, укладывая золотистые локоны модели в высокую прическу, причудливо перевитую жемчужными нитями. Но самое поразительное в этом портрете связано с атрибутикой украшения, выполненного в виде золотой цепочки, по форме повторяющей змею, кусающую свой хвост. Змея, кусающая свой собственный хвост, являлась одним из символов семейства Медичи, что позволяет утверждать, что такой неоднозначный портрет Симонетты был заказан и оплачен Лоренцо Великолепным. Портрет был заказан спустя полтора десятилетия после смерти Симонетты, и внизу художник по просьбе заказчика написал ее имя.

Несмотря на откровенное восхищение Медичи красотой Симонетты, даже у их современников не было единого мнения в подлинности слуха о связи Симонетты с Медичи. Оба брата были очарованы красавицей, но была ли очарована Симонетта? Несомненно,

что и Джулиано, и Лоренцо настоятельно требовали присутствия красавицы при дворе, но, к сожалению, жизненные силы уже покидали Симонетту. Красавица была больна чахоткой. Несмотря на пристальное внимание к ее здоровью со стороны Лоренцо Медичи, находившего время справляться у Марко Веспуччи о самочувствии жены и оплатившего лечение утасующей богини лучшим врачом Флоренции маэстро Стефани, болезнь одержала победу. 26 апреля 1476 г., спустя ровно год после знаменитого турнира, в возрасте двадцати двух лет Симонетта Веспуччи скончалась. Официально считается, что красавица умерла от чахотки, но, по непроверенным данным, причиной смерти Симонетты могли стать неудачные роды. Остается лишь догадываться, кто мог быть отцом ребенка в этом запутанном любовном треугольнике, но в памяти жителей республики Симонетта оставалась верной супругой и достойной дочерью.

Какие чувства переживал Джулиано Медичи, узнав о смерти возлюбленной, история умалчивает, чего нельзя сказать о Лоренцо Великолепном. Известие о смерти застало его в Пизе, и здесь, гуляя ночью по улицам города, Лоренцо сравнил Симонетту со звездой. В своем сонете он написал, что своим ярким сиянием она затмевает все другие звезды. Так мог говорить лишь влюбленный мужчина.

Симонетта была похоронена в семейном склепе Веспуччи во Флоренции в церкви Онъиссанти, и по мистическому стечению дат и событий ровно два года спустя в день ее смерти от руки предателя погиб Джулиано Медичи во время заговора Пацци, одним из участников которого был муж красавицы, Марко Веспуччи.

Но вот интересный факт: после смерти жены Марко не только женился во второй раз, но и дал сыну имя Джулиано, что дает повод считать, что любовную связь своей жены с кланом Медичи Марко не воспринимал как супружескую измену. Но, возможно, давая сыну имя ненавистного соперника, он хотел отомстить за растоптанное семейное счастье.

Так кто же такая Симонетта Веспуччи? Первая красавица эпохи Возрождения, беззастенчиво использовавшая свою редкую красоту для власти над Медичи, или нежная и хрупкая юная женщина, чей образ заставлял учащенно биться сердца мужчин, рождая в них возвышенные платонические чувства? Прошлое с трудом приоткрывает истину, но, глядя на пленительный образ Венеры, созданный Боттичелли, невольно вспоминаются сонеты Петрарки, воспевающие истинную женскую красоту и чистоту, перед которыми бессильна смерть.

Глава 6

Вклад в историю: существовал ли «фамильный» яд Медичи

Перелистывая последние страницы истории семейства Медичи, пытливый читатель наверняка задастся вопросом: почему же члены славного флорентийского семейства, подарившего Европе удачливых банкиров и торговцев, меценатов и служителей папского престола, вошли в мировую историю с клеймом самых известных в Европе отравителей, на счету которых не одна загубленная жизнь? Невероятно, но первым человеком, кому пришло на ум назвать семейство Медичи «великими отравителями», был французский писатель Александр Дюма-отец. Дюма отличался способностью вплетать самые невероятные исторические факты в полотно своих литературных творений, совершенно не заботясь о том, насколько используемые им сведения соответствовали историческим реалиям.

Создавая литературные образы героев своего очередного романа «Королева Марго», А. Дюма с легкостью приписал Екатерине Медичи, ключевой фигуре романа, роль отравительницы собственного сына. Наделяя своего литературного героя мрачной славой отравителя, Дюма-отец мог без труда рассчитывать на читательский интерес и очередную громкую славу в литературных кругах Парижа, тем более что для большинства парижан фамилия Медичи с исторической точки зрения уже ничего не значила.

Сюжетом для нового исторического бестселлера А. Дюма-отца послужили события, произошедшие в августе 1572 г. во Франции, известные как Кровавая резня, или Варфоломеевская ночь. Выбирая главных героинь романа, писатель остановил свое внимание на красавице Маргарите Валуа, родившейся в обоюдно выгодном браке, заключенном между Екатериной Медичи, представлявшей интересы клана Медичи, и французским королем Генрихом II. Чтобы остановить пожар гражданской войны, брат Маргариты Валуа Карл IX, отстаивавший незыблемость позиций католической церкви, также решается на выгодный политический союз, заключив брак между своей сестрой Маргаритой Валуа и лидером французских гугенотов Генрихом Наваррским. Однако день свадьбы новобрачных, не без участия коварной и жестокой Екатерины Медичи, превратился в одну из страшных трагедий, которые когда-либо переживало французское дворянство. В ночь после свадебных церемоний, 24 августа 1572 г., по приказу короля, следовавшего советам матери — Екатерины Медичи, были физически истреблены гугеноты, прибывшие на свадьбу Генриха На-

варрского, а это был цвет французского дворянства. По названию католического праздника, связанного со св. Варфоломеем, трагически совпавшего с ночью кровавой резни, эти события получили название Варфоломеевской ночи. Кровавые отблески Варфоломеевской ночи еще долго наводили ужас на чудом оставшихся в живых французских гугенотов.

Что же касается А. Дюма-отца, работавшего над литературной линией романа, то для него в этом трагическом сюжете главной была не столько борьба за власть, сколько личные переживания героев — реальных исторических персонажей, оказавшихся ввергнутыми в водоворот ужасных событий. Писателю было важно передать на фоне историчного занавеса трагедию молодой, прекрасно образованной женщины, готовой любить и жертвовать собой ради любви.

Образ королевы Марго, красавицы, имевшей несчастье родиться в семье великих отравителей, привлек творческое внимание не только А. Дюма-отца, но и М. Булгакова. В знаменитой сцене бала в романе «Мастер и Маргарита» маленький толстый человек, участник Варфоломеевской ночи, приветствуя Маргариту, обращается к ней как к «светлой королеве Марго». В более ранней сцене романа Коровьев напоминает Маргарите, что она является прапрапраправнучкой королевы Франции, жившей в XVI в. Обращение к образу Маргариты Валуа не было совершенно случайным, поскольку она всю свою жизнь оказывала покровительство писателям и поэтам, продолжая традиции меценатства, заложенные первыми Медичи. Но для того чтобы жертвенность Маргариты получила еще более драматичный оттенок, писатель А. Дюма-отец

создал в книге поистине дьявольский образ королевы-матери Екатерины Медичи, выбравшей своим главным политическим оружием яд.

Именно Екатерину Медичи Дюма-отец на страницах романа впервые публично обвиняет в убийстве собственного сына, заклеив ее в совершении этого страшного преступления. Чтобы убить короля Генриха Наваррского, своего молодого зятя, Екатерина Медичи с помощью верного слуги пропитывает пособие по соколиной охоте смертельным ядом. Следуя сюжетной линии, отравленная книга по ошибке попадает в руки Карлу IX, законному королю Франции. Умирая в страшных муках от яда, пропитавшего страницы книги, несчастный король Франции прекрасно понимал, что невольной причиной его смерти является его собственная мать, что придало роману «Королева Марго» еще больший драматизм.

А. Дюма-отец был настолько увлечен образом королевы-отравительницы, что, описывая королевские комнаты замка Блуа, место последнего пристанища французской королевы, бежавшей из Парижа из-за религиозного брожения, он с легкостью назвал потайные шкафы, расположенные в покоях, «шкафами с ядом», хотя никаких фактов, указывающих на присутствие яда в комнатах Екатерины Медичи, историками не найдено. Зато А. Дюма-отец забыл сказать в своем романе об увлечении королевы, собиравшей при жизни портреты и приложившей немало усилий, чтобы это художественное направление получило расцвет.

Почему же яд становился главным оружием убийства, которым так виртуозно владели члены семейства Медичи? Прежде всего следует вспомнить, что

яд столетиями являлся наиболее легким способом расправы над врагами или соперниками, этот вид убийства врагов был распространен уже во времена Античности. В эпоху Возрождения изготовление ядов превратилось в настоящее искусство, которым владели лишь избранные, и нередко этими избранными становились лекари или аптекари, обладавшие опытом и знаниями, способными пригодиться при изготовлении ядов. Неудивительно, что среди этих немногих избранных были члены семейства Медичи, о причастности которых к аптекарскому ремеслу красноречиво говорили шары-пилюли на родовом гербе.

Со временем литературный вымысел А. Дюма-отца стал восприниматься европейцами как исторический факт, имевший некоторое косвенное подтверждение. Один из представителей рода Медичи — Козимо I — был страстно увлечен алхимией, а также выращиванием всевозможных ядовитых растений и цветов, росших на территории сада, разбитого во дворе знаменитого дворца Питти. Дворец Питти был заложен в 1457 г. флорентийским купцом Лукой Питти, семейство которого конкурировало с семейством Медичи. Лука Питти разработал грандиозный проект дворца, окна в котором должны были повторять своими размерами двери в дворце Медичи. Однако работы по строительству дворца так и не были завершены из-за нехватки денежных средств, и спустя восемьдесят лет после закладки первого камня дворец в 1560 г. был приобретен супругой Козимо I Элеонорой Толедской. Сюда после проведенных строительных работ в 1565 г. семейство Медичи благополучно переехало, превратив дворец в официальную резиденцию семейства Медичи.

Однако дворец оказался знаменит не только своими размерами и богатством отделки. Одновременно со строительными работами Козимо I Медичи нанимает архитектора Никколо Перикколи (Триболо), поручая ему разбить знаменитый сад Боболи, попасть в который можно было из внутреннего двора дворца. В знаменитом саду Боболи, ставшем эталоном садов эпохи Возрождения, значительную часть территории занимала плантация ароматных растений, используемых для изготовления эссенций, а также ядовитые растения и растения-противоядия. Нестандартное хобби членов семейства Медичи не выглядит зловеще, если вспомнить, что первый представитель этого рода, появившийся во Флоренции задолго до XVII в., был, согласно легенде, аптекарем. В 1612 г., словно стремясь подтвердить свое лекарское происхождение, герцог Тосканы Козимо II Медичи способствовал превращению старейшей аптеки Санта-Мария Новелла, основанной еще в XII в. при монастыре Санта-Мария Новелла монахами-доминиканцами, в первую общедоступную аптеку. Если в раннем Средневековье монахи-доминиканцы изготавливали снадобья исключительно для несчастных больных, находившихся на излечении в больнице Сан-Паоло, то с 1612 г. снадобья, изготовленные по уникальным древним рецептам из трав, выращенных доминиканскими монахами на собственном монастырском подворье, могли приобрести все желающие.

Чудодейственная сила изготавливаемых в аптеке эликсиров, порошков, мазей, бальзамов и кремов принесла аптеке громкую славу, очень быстро распространившуюся по всей Европе. Клиентами аптеки были не

только горожане, но даже китайский император, которому здесь специально изготавливали розовую воду. Впервые розовая вода появилась в Европе в XII в., в эпоху первых крестовых походов, совпавших со временем появления первых Медичи во Флоренции. Для приготовления розовой воды использовались свежесобранные лепестки роз и вода. Получаемый после перегонки раствор и стал называться «розовой водой». Его применяли в парфюмерии, медицине и даже при приготовлении изысканных кондитерских изделий. За минувшие столетия секреты изготовления лекарственных средств времен Медичи не были утрачены. Совершая путешествие по Флоренции даже спустя столетия, любой турист может заглянуть на несколько минут в небольшое старинное помещение, расположенное на улице Скала в доме № 16, чтобы, как во времена Медичи, окунуться в густой, насыщенный ароматами трав и снадобий воздух, дабы приобрести чудодейственный бальзам или знаменитый «эликсир любви», формула которого была составлена аптекарями еще в XV в.

Приступая к работе над романом «Королева Марго», А. Дюма-отец вряд ли располагал информацией о лекарском происхождении Медичи или о их таланте приготовления ядов. Однако что-то должно было подтолкнуть писателя на рождение легенды о «великих отравителях». Вероятнее всего, писатель имел достаточное количество исторического материала, красноречиво рассказывающего о коварстве французской королевы, супруги Генриха II Екатерине Медичи, которой народная молва как раз и приписывала славу отравительницы, использовавшей яды для устранения соперников и врагов.

Именно ей писатель отвел в романе место самого знаменитого отравителя или, точнее, отравительницы, злодеяния которой были красочно воссозданы на страницах литературного произведения. Безусловно, для появления столь громкого титула великой отравительницы нужны были веские основания, и они были. Екатерина Медичи юной девушкой приехала во Францию, чтобы вступить в брак, столь выгодный ее дяде, папе Клименту VII, тщательно подбиравшему спутника жизни своей внучатой племяннице. По легенде, во Францию юная невеста прибыла в сопровождении целой свиты придворных, большинство из которых снискали еще на родине, в солнечной Италии, славу черных магов и чародеев, а также славу астрологов. Трудно сейчас утверждать, было ли это свойственно членам семейства Медичи, однако до нас дошли имена тех людей, кто прибыл в Париж в свите будущей королевы Франции. За ней следовали итальянцы Тико Брае и Космо (Козимо) Руджиери, пользовавшиеся славой великих астрологов и магов.

Обращение к магам и астрологам было свойственно всем правителям и правительницам независимо от того, сколько лет отмерила им жизнь. Знать будущее, даже если это будущее не сулило ничего обнадеживающего, хотели все властители мира. Екатерина Медичи не была исключением. Она хотела знать свою судьбу и судьбы своих близких и не стеснялась обращаться к людям, общающимся с преисподней. Считается, что Екатерина Медичи знала свою судьбу и судьбы своих детей и мужа и, как могла, пыталась изменить ее. Вспомнить хотя бы уже описанный случай, связанный со смертью мужа Екатерины, короля Генри-

ха II, которого несчастная женщина пыталась остановить от участия в турнире, где ему, по предсказанию астрологов, была уготована смерть.

В свите Медичи был еще один человек — флорентинец Бианки, прославившийся как искусный создатель поразительных духов, ароматических веществ, душистых женских перчаток, косметики и даже как создатель изысканных женских украшений. То, что будущая королева везла с собой человека, чье ремесло заключалось в превращении любой женщины в красавицу благодаря хитрым косметическим уловкам, также вызывает лишь восхищение прагматичностью юной Медичи. Известно, что она обладала запоминающейся внешностью, но ее нельзя было назвать красавицей. Однако она умела преподнести себя. Так, после трагической смерти супруга Екатерина уже никогда не снимала черные траурные одежды, но даже в них она выглядела изысканно прекрасной. Считается, что именно с появлением Екатерины Медичи на французском престоле начинается мировая слава французских женщин как не наделенных особой красотой, но изящных, моложавых и тщательно ухоженных.

Благодаря итальянке Медичи французский двор начинает с особой тщательностью следить за своей внешностью, прибегая к действию чудесных кремов и мазей, над изготовлением которых колдовали флорентийские парфюмеры и косметологи. Желание парижанок сохранить свою красоту и молодость посредством косметических средств сделали возможным открытие во времена Екатерины Медичи первого в Европе прообраза Института красоты. Изучая жизнь французского двора во времена Екатерины Медичи,

можно легко сделать предположение, что мода на завитые изысканные парики, белое лицо, искусственно создаваемое с помощью толстого слоя пудры и оттененное не менее толстым слоем румян, была также введена Екатериной Медичи.

Так же как и все Медичи, Екатерина любила развлекаться игрой комедиантов. Благодаря итальянским актерам, получившим возможность проникнуть во Францию вместе с королевой-итальянкой, в страну пришли пудра, помада, грим, прибегать к помощи которых, чтобы казаться моложе и свежее, будут и мужчины, и женщины. С 1566 г. при дворе Екатерины Медичи необходимо было появляться только в парике и с напудренным лицом. Данное требование распространялось не только на придворных дам, но и на кавалеров.

Возвращаясь к описанию внешности Екатерины Медичи, следует сказать, что современники отмечали ее необыкновенную бархатную кожу лица и рук, что позволяло ей даже после шестидесяти оставаться в глазах мужчин привлекательной женщиной. Ежедневно Екатерина растирала кожу лица небольшим кусочком бархатной ткани, и эта незамысловатая процедура оказывала прекрасное терапевтическое воздействие на кожу лица. При трении кусочка бархата о кожу возникает небольшой электрический разряд, который способствует выработке коллагена, помогающего сохранять тонус стареющей кожи. Кроме того, данная процедура успешно заменяла пилинг и шлифовку лица. Сведений об использовании Екатериной Медичи в своих косметических снадобиях ядов история не сохранила.

Еще одним человеком из свиты Медичи, привлечшим к себе внимание исследователей, был лейб-медик семьи Медичи, знаменитый хирург Амбруаз Паре, присутствие которого в свите Екатерины Медичи было вполне оправданным. Юная Екатерина ехала в страну, чьи обычаи и порядки разительно отличались от флорентийских. Разительно отличался и климат, в котором предстояло провести остаток жизни Екатерине. Заключая столь выгодный брак с французским королевским двором, папа Климент VII рассчитывал на крепкое потомство, которое должна была произвести Екатерина Медичи. Лишь наличие здорового наследника позволяло Медичи закрепить свое влияние во Франции. Фигура опытного врача в сложившейся ситуации была жизненно необходима, чтобы не допустить возможную смерть роженицы. И тем не менее это вполне оправданное присутствие в свите Медичи астролога, мага, косметолога и врача послужило основанием считать, что все эти люди были... отравителями, а один из придворных короля Генриха писал, что со свитой молодой королевы прибыли дүхи, что было бы разумнее отправить этих людей в Турцию.

Потеряв достаточно рано мужа, а затем пережив смерть старшего сына и наследника престола, Екатерина Медичи на долгие годы стала регентшей при малолетнем сыне Карле IX. Именно в это время Франция, как и другие европейские страны, оказалась «накрыта» волной Реформации. Реформация, или движение за переустройство церковной жизни, начавшаяся в германских землях, была смягчена во Франции изданием Нантского эдикта 1598 г., декларирувавшего веротерпимость. В изданном эдикте говорилось, что

для того чтобы не допустить смуту в стране между подданными, правительство разрешает исповедовать реформированную религию без ограничения места жительства верующих. Нантский эдикт лишь на какое-то время оттянул открытое противостояние сторонников старой и новой церкви, пик которого как раз пришелся на время правления королевской династии Валуа. Екатерина Медичи чаще всего описывается как властная, хитрая интриганка. В число ее злейших врагов попал адмирал Гаспар де Колиньи, признанный лидер французских гугенотов. Историки полагают, что Екатерина Медичи предпринимала две попытки физического устранения Гаспара де Колиньи, используя для этого яд. К счастью адмирала, ни одно из покушений не достигло цели, чего нельзя было сказать о родном брате адмирала, отравленном ядом, предназначенным Гаспару. Адмирал лишь отделался недомоганием, которое не повредило его жизни.

Екатерине Медичи приписывается также спланированное отравление королевы Наваррской Жанны д'Альбре, активной приверженки идей гугенотов. По одной из исторических версий, несчастная женщина была отравлена мышьяком, изготовленным флорентийцем мессером Рено, служившим при дворе Екатерины Медичи. Мышьяком были пропитаны изящные женские перчатки, источавшие изысканный аромат, безрасудно надетые по просьбе Екатерины Медичи Жанной д'Альбре. Мышьяк, проникнув через кожу в организм женщины, привел к ее медленной и мучительной смерти, избежать которой было невозможно. Несмотря на некоторую сказочность версии с отравленными перчатками, современники Медичи именно в этом видели

настоящую причину смерти королевы Наваррской, матери будущего французского короля Генриха IV. Что же касается исполнителя убийства — мессера Рено, то одно упоминание его имени вызывало лютую ненависть. Принято считать, что и адмирала Гаспара де Колиньи также пытались отравить мышьяком.

Кардинал Бираг, бывший в должности канцлера при дворе Карла IX, говорил, что повара и лица, служащие на кухне, должны решать исход религиозной войны, а не боевые сражения, неминуемо приводящие к гибели большого количества людей. Фигура женщины-отравительницы становится одним из мрачных символов Нового времени.

Для того чтобы остановить массовую волну отравлений, прокатившуюся по Европе в светских кругах, в 1659 г. в ситуацию был вынужден вмешаться папа Александр VII. Жертвами светских львиц становились мужья, любовники, любовницы мужей. В отличие от Екатерины Медичи, владевшей секретами изготовления ядов, аристократки обращались за неимением яда к некой гадалке Иерониме Спаре, которая и продавала смертельное зелье. Когда гадалка была схвачена и подвергнута пыткам, она призналась, что яд, который она продавала обращающимся к ней дамам, она получала от некой Тофаны или, по другим документам, Теофании ди Адамо, которая сама занималась их изготовлением. Продолжавшееся несколько лет следствие в итоге пришло к выводу о виновности всех женщин, проходивших по делу отравительниц, и все они были казнены по решению суда.

Имя Тофаны появляется и в еще одной истории, события которой разворачивались на этот раз в солнечном

Неаполе. Некая Тофана за большие деньги занималась продажей таинственной прозрачной жидкости, которая среди неаполитанцев получила название «аква Тофана» («вода Тофаны»), или «манна святого Николая Барийского». Бесцветная и прозрачная жидкость, разлитая в небольшие бутылочки, охотно скупалась как церковная реликвия до тех пор, пока не привлекла к себе внимание лейб-медика Карла VI Австрийского. Исследовав неаполитанскую водичку, королевский врач был поражен, что в неприметных бутылочках разлит яд, одним из основных компонентов которого является мышьяк. Узнав о грозящей ей опасности, Тофана не только не признала свою вину, но, напротив, постаралась спрятаться в монастыре, рассчитывая на покровительство архиепископа и аббата. Расчет отравительницы был верен: католическая церковь, находившаяся в оппозиции к светской власти, отказалась выдавать отравительницу. Тогда понукаемые общественным мнением солдаты ворвались в монастырь и, схватив Тофану, казнили ее. Оскверненное тело отравительницы было брошено через монастырский забор, чтобы еще раз напомнить монахам, что за стенами монастыря они укрывали женщину, загубившую более 600 человеческих душ.

Фигура Тофаны достаточно загадочна и туманна, что дает пищу для рождения всевозможных слухов и домыслов. В том числе некоторые исследователи полагают, что под именем Тофаны скрывается... Екатерина Медичи. Основание для столь парадоксального утверждения таится в обратившем на себя внимание яде, появившемся в XVII в. в Европе. Этот яд называли ядом Тофаны, или акветта ди Наполи. Тайна этого

яда заключается в его нераскрытом составе. Ученые до сих пор так и не смогли разгадать полностью химический состав яда, несмотря на то что отдельные его компоненты были установлены. Яд Тофаны не имел запаха, вкуса, цвета, а по внешнему виду напоминал воду. Однако, несмотря на столь прозаическое описание, достаточно было лишь 50 капель этого яда для того, чтобы оборвать жизнь человека. По сохранившимся описаниям, смерть от яда Тофаны наступала медленно, без симптомов, температуры или боли. Человек, принявший яд, испытывал слабость, сопровождавшуюся отсутствием аппетита и постоянно мучающим чувством жажды. Все перечисленные симптомы сопровождали физическое угасание и последовавшую смерть папы Климента XIV. Император Карл VI приказал даже специально провести исследование яда, поручив эту работу своим лейб-медикам. Мнение ученых не было единым, однако большинство из них сошлись на том, что этот яд представляет не что иное, как водный раствор мышьяковой кислоты с добавлением травы *Herba Cymbalariae*. Сложность состава яда, использование в нем химических соединений и растительной основы навели ученых на предположение, что автором этой адской смеси могла быть только умная и образованная женщина, владевшая секретами изготовления ядов. Поэтому родилось предположение, что настоящим автором этого состава была Екатерина Медичи, чей секрет изготовления яда попал в руки ловкой неаполитанки.

История Тофаны красноречиво показывает, что с отравительницами при желании могли расправиться и светская, и духовная власти. Если Екатерина Медичи

действительно была знаменитой злодейкой-отравительницей, то народ Франции мог сам казнить ненавистную королеву, однако этого не произошло. Причина столь лояльного отношения народа, спустя несколько столетий после событий, связанных с периодом правления Екатерины Медичи, спокойно взиравшего на отрубленную голову своего короля, объясняется достаточно просто. Екатерине Медичи был вынесен суровый приговор отравительницы не народом Франции, а временем.

В последние годы европейские ученые подвергли радикальным изменениям исторические оценки времени правления Екатерины Медичи. Известный французский писатель, ученый, историк Филипп Эрланже, восстанавливая историю Франции, в своих книгах преследует цель развеять легенды, мифы, стереотипы, искажающие оценку деятельности ярких исторических личностей. Ф. Эрланже не обошел своим вниманием и Екатерину Медичи. По его мнению, флорентийка, возшедшая на французский престол, не совершила за свою жизнь ни одного злодеяния, приписываемого ей историей. К 1901 г. в руках ученых имелись неопровержимые данные, свидетельствующие о непричастности Екатерины Медичи к отравлениям и к созданию ядов вообще, а все истории с отравлениями следует рассматривать лишь как романтические фантазии писателей. Довольно часто в истории, и российская история тому пример, приход к власти новой династии сопровождается процессом мифотворчества, в котором члены предшествующей династии рисуются злодеями, душегубами и тиранами. Историческая смена династии Валуа династией Бурбонов требовала рождения новых мифов.

На фоне слабых, безвольных потомков короля Генриха его вдовствующая королева Екатерина Медичи представляла яркую, колоритную фигуру политика, вокруг которой, как оказалось, очень просто соткать ореол отравительницы и злодейки.

Печальное путешествие по страницам самых громких отравлений ядами во времена Екатерины Медичи заставляет задуматься об изощренности ума и средств, используемых разного рода людьми ради достижения одной цели — смерти ближнего. Ядом пропитывались книги, перчатки, свечи, башмаки, живые цветы, фрукты. Смерть от башмаков, пропитанных ядом мышьяка, могла подстергать любого. Высшим мастерством отравителя считалось использование в качестве оружия убийства ножа, одна половинка которого намазывалась смертельной дозой яда. Исполнительницами такого изысканного убийства становились молодые фрейлины. Юным чаровницам не составляло большого труда уговорить своего кавалера разделить с ними сочный вкусный персик. Красавица должна была, виртуозно владея ножом и имея железное самообладание, разрезать плод на две части таким образом, чтобы яд с отравленной стороны лезвия ножа пропитал половинку плода, предназначенную кавалеру. Затем можно было спокойно наблюдать, как, вкусив отравленный плод, корчится в смертельных муках тот, чье слова любви совсем недавно ласкали слух прекрасной девицы. Не менее изощренной формой убийства в одночасье становилась обыкновенная губная помада. Считается, что именно с помощью отравленной помады госпоже де Сов, одной из многочисленных любовниц короля, было поручено убить Генриха Наваррского. Один смертельный

поцелуй мог прервать жизнь любого человека, будь то король или бедный дворянин.

Благодаря фигуре Екатерины Медичи семейство Медичи было мифологизировано настолько, что со временем его членам стали приписываться удивительные способности устранять соперников, используя яды, изготовленные по собственным рецептам. Вполне вероятно, что в появлении мифа о страшном яде, секрет изготовления которого знали лишь члены семейства Медичи, был отчасти виновен Козимо I Медичи, увлекавшийся алхимией.

Существует несколько рецептов приготовления яда, приписываемых Медичи. Согласно одному из рецептов для приготовления яда Медичи необходимо было найти и убить молодого здорового кабана. Затем при помощи веревок труп кабана подвешивали вертикально поверхности земли обязательно на солнечной стороне, после чего животному вспарывали кинжалом живот. Открывшиеся внутренности убитого животного обильно посыпались мышьяком, и в таком «фаршированном» состоянии труп животного оставлялся до тех пор, пока солнце естественным путем не разлагало тело зверя. Из разложившегося трупа животного очень аккуратно собиралась капающая на землю жидкость, в которой естественным путем были смешаны мышьяк и трупный яд. Таким образом, яд Медичи представлял смертельный продукт, в котором содержались разные токсины, убивавшие организм жертвы медленно и мучительно.

Согласно второму рецепту изготовления яда Медичи, в персиковом дереве следует сделать отверстие, в которое закладывается значительная порция мышья-

ка и реальгары, настоянных на спирте, благодаря чему плоды этого дерева становились смертельно ядовитыми для человека. Мышьяк или, если быть точными, его природные сернистые соединения были хорошо известны еще в период Античности. Что же касается элементарного мышьяка, то он был получен лишь в период раннего Средневековья. Традиционно открытие этого химического соединения приписывается немецкому богослову и философу Альберту Великому, сделавшему, помимо мышьяка, ряд замечательных открытий, например изобретение логарифмов. Реальгаром, или сандараком, называют минерал, применяемый для увеличения жаропрочности меди и получения металлического мышьяка.

Тогда кто же были Медичи в большей степени? Меценатами, отравителями или жертвами отравителей? На этот вопрос нельзя было дать однозначного ответа до тех пор, пока в 2004 г. двумя американскими университетами не было организовано исследование, целью которого стало детальное изучение 49 захоронений семейства Медичи, сделанных в разные исторические периоды существования династии. Ученых волновали два вопроса, которые в случае найденных вещественных доказательств могли разрушить стройную концепцию истории членов клана Медичи, снискавших себе славу отравителей и ужасных злодеев. Участвующие в этих исследованиях ученые из университетов Флоренции и Пизы также поставили перед собой задачи выяснить, действительно ли Медичи за свою трехсотлетнюю историю смогли породниться со всеми королевскими домами Европы и сами стали носителями голубой крови.

Вторая цель исследования заключалась в установлении истинной причины смерти большинства членов семейства Медичи, многие из которых покидали земной мир в достаточно молодом возрасте. Однако первые результаты повергли ученых в шок. Оказывается, что члены семейства Медичи сами оказались жертвами отравлений. Во фрагментах найденных останков великого герцога Тосканского Франческо Медичи после проведенных анализов была найдена смертельная доза мышьяка, который и стал причиной его смерти, хотя официально она наступила от малярии. Дать прогноз, какие еще тайны будут раскрыты в ходе исследования, ученые не могут.

Однако сегодня можно уже с уверенностью сказать, что наступило время переосмысления роли семейства Медичи, блестящих талантливых политиков, в истории, их влияния на жизнь Европы на протяжении 300 лет. Попытки придать членам семейства Медичи демонические черты отравителей и злодеев проваливаются из-за недостатка доказательств, в то время как роль Медичи-меценатов становится все явственнее с каждым годом. Что же касается мнения современных флорентийцев, то они однозначно выступают на стороне Медичи, не веря в легенду об изощренных убийствах и отравлениях, якобы организованных этими людьми.

Заключение

Вглядываясь в факты, события, истории, героями которых становились Медичи, мы так и не сумели приблизиться к разгадке тайны семейства номер один во Флоренции. Ясно лишь одно: для того чтобы стать правителями Флоренции, выйдя на первые роли, нужно было обладать личными талантами, которые свойственны гениальным людям. Без сомнения, трехсотлетняя история дома Медичи во Флоренции могла состояться лишь при условии синтеза таких понятий, как материальная заинтересованность и врожденное чувство величия, которыми отличались все члены семейства Медичи.

Что же касается жителей Флоренции, то они испытывали при этом чувство невероятной гордости перед всей Италией, принимая и власть Медичи, и их покровительство наукам и искусству. Однако это чувство восхищения не остановило флорентийцев, несколько раз изгонявших из Флоренции Медичи, чтобы затем вновь принять их уже как триумфаторов. Магнетизм власти делал Флоренцию послушной возлюбленной

Медичи, и это тоже одна из загадок истории. Любопытно, что шары на гербе Медичи сегодня воспринимаются учеными как часть надписи, сделанной на нерасшифрованном языке, датируемой 1500 г. до н. э. и найденной на острове Крит, с которым нередко связывают историю с исчезнувшей Атлантидой. И здесь еще одна загадка Медичи. Первым, кто рассказал в своих диалогах «Тимей» и «Критий» об острове Атлантида, на котором жили легендарные атланты, был... великий Платон. Платон, которому поклонялись Медичи и именем которого была названа знаменитая Платоновская академия во Флоренции.

Современные возможности науки позволяют ученым, снимая тонкие слои исторического мусора, восстанавливать подлинную картину прошлого. Проводимые последние десять лет исследования гробницы Медичи уже смогли поколебать миф о «великих отравителях». Сегодня совершенно ясно, что Медичи сами оказывались жертвами заговоров и отравлений. Можно предположить, что демонизация Медичи была весьма выгодна историкам Нового времени, стремившимся стереть кровавый след Варфоломеевской ночи со страниц истории Франции.

Исследования гробницы Медичи все еще продолжаются, и есть надежда, что через несколько лет правда о Медичи станет достоянием широкой общественности. И тогда, может быть, именно история государственного правления Медичи займет свое почетное место на полках самых известных государственных деятелей мира как классический пример «золотого века государственности».

Список литературы

1. Баренбойм П., Захаров А. Мышь Медичи и Микеланджело. Капелла Медичи / П. Баренбойм, А. Захаров. — М.: Летний сад, 2006.
2. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. — М.: Наука, 1995.
3. Белозерская М. Жираф семейства Медичи, или Экзоты в большой политике / пер. с англ. И.Я. Эльфонд. — М.: Захаров, 2009.
4. Брагина Л.М. Социально-политические идеи в итальянском гуманизме XV в. // Культура Возрождения и общество. — М.: Мысль, 1986.
5. Бурхард Я. Культура Возрождения в Италии. — М.: Юрист, 1996.
6. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время: пер. с итал. — М.: АСТ, 2004.
7. Гергей Е. История папства. — М.: Республика, 1996.
8. Герменевтик Беотийский. Как Лоренцо Медичи был Великолепным? // <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-11443/>.
9. Дживиллегов А.К. Творцы итальянского Возрождения: в 2 кн. Кн. 1. — М.: Терра, Республика, 1998.
10. Клулас И. Лоренцо Великолепный. — М.: Молодая гвардия, 2007.
11. Ковальский Я. Папы и папство. — М.: ИПЛ, 1991.
12. Культура Возрождения и власть. — М.: Наука, 1999.
13. Лозинский С.Г. История папства. — М.: Политиздат, 1986.
14. Макиавелли Н. История Флоренции. — Л.: Мысль, 1973.
15. Найденко Т. Гала Рихтер — Мальчик, который умел летать // http://www.foto.lib.ru/n/najdenko_t_o/galahrihter-malxchikkotoryjumelletatx.shtml.
16. Николаева Г. «Пасьянс Лоренцо Великолепного» // http://www.foto.lib.ru/n/nikolaewa_g/artefaktdoc.shtml.
17. Нострадамус М. Центурии (с комментариями В. Галина к предсказаниям о прошлом, настоящем и будущем России). — М.: Академический проект, 2010.
18. Панкова М.А. Все величайшие загадки истории / М.А. Панкова, И.Ю. Романенко, И.Я. Вагман. — М.: АСТ, 2008.
19. «Пасьянс Лоренцо Великолепного». Гал, 2009 // <http://books.imhonet.ru/element/1114383/>.
20. Ролова А.Д. Возникновение синьории Медичи и культура Возрождения // Культура и общество Италии накануне Нового времени. — М.: Наука, 1993.
21. Хлодовский Р. Лоренцо Медичи // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. — М.: Наука, 1985.
22. <http://banderrass.livejournal.com/45554.html>.
23. <http://lukoshko.net/story/stital2.shtml>.
24. <http://maxiforum.ru/simvoly-evropeiskih-dinastii-11806.html>.
25. http://sigils.ru/heraldic/gerb_medici.html.
26. <http://www.borsin1.narod.ru>.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Происхождение фамилии и династии	6
Колыбель рода	6
Основатели династии	17
Генеалогия семейства	25
Могущественные банкиры и изгнанники	32
Младшая ветвь Медичи	53
Глава 2. Борьба за власть:	
от сторонников народной демократии до тиранов	60
Первые шаги к вершине власти	62
Политическая система во Флоренции	64
Триумфальное возвращение	70
Заговор Пацци	74
Медичи и галерея Уффици	93
Переход от республики к тирании	97
Глава 3. Папский престол	101
Из истории папства	101
Медичи и трон св. Петра	105
Глава 4. Искусство вечно: Лоренцо Великолепный	121
Роль Лоренцо Великолепного в истории Флоренции	121
Рождение наследника	126
Медичи и Платоновская академия: путь к бессмертию	130
Миф о Лоренцо Великолепном	140
Глава 5. Женщины рода: великие авантюристки и великие убийцы	155
Бьянка Капелло, супруга Франческо Медичи	156
Анна-Мария Луиза Медичи	167
Екатерина Медичи	172
Симонетта Веспуччи: женщина братьев Медичи	187
Глава 6. Вклад в историю:	
существовал ли «фамильный» яд Медичи	199
Заключение	219
Список литературы	221

Популярное издание

АЛЕБАСТРОВА Алла Анатольевна

МЕДИЧИ

Великие правители и великие авантюристы

Ответственный редактор *Н. Казакова*

Редактор *М. Еременко*

Технический редактор *Г. Логвинова*

Корректоры *Т. Шапкарина, Л. Потысьева*

Макет обложки: *А. Рунов*

Компьютерная верстка: *Л. Никитина*

Сдано в набор 28.10.2010 г. Подписано в печать 28.11.2010 г.

Формат 84х108 ¹/₃₂. Бумага писчая.

Гарнитура «Школьная». Тираж 2 000 экз.

Заказ № 906.

ООО «Феникс»

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80,

e-mail: kazakova-fenix@mail.ru, kazakova_nv@aaanet.ru.

Тел. (863) 261-89-60, тел./факс (863) 261-89-50

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга».

344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

Медичи.
Великие
правители
и великие
авантюристы

ISBN 978-5-222-18203-1

9 785222 182031